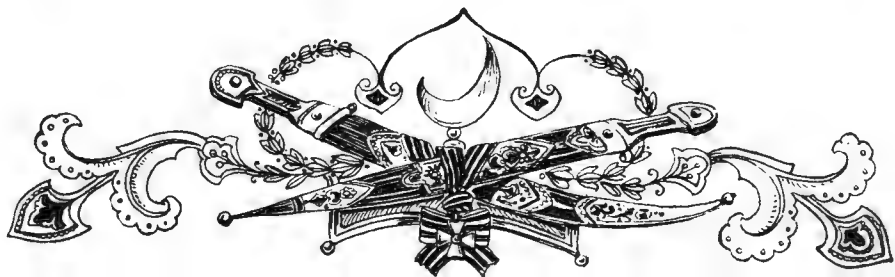
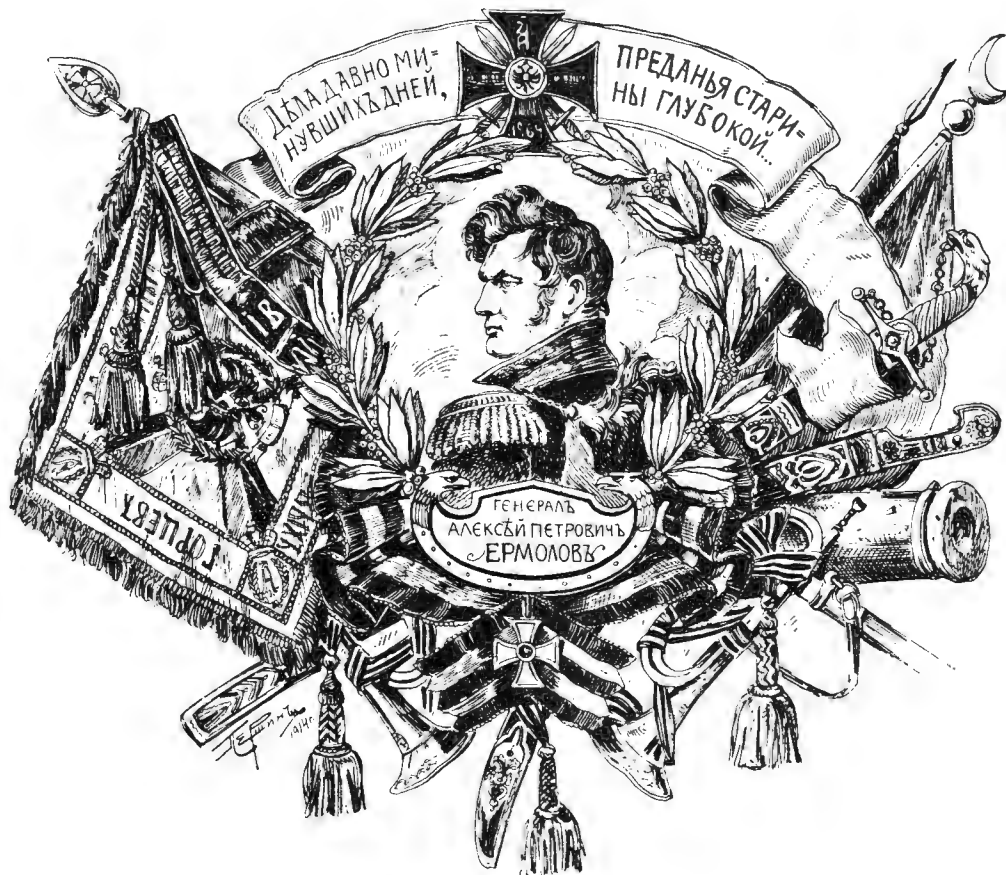

ОЧЕРКЪ
МНГОВЪКОВОЙ ДОБЛЕСТНОЙ СЛУЖБЫ
ПРЕСТОЛУ И ОТЕЧЕСТВУ

1-го КИЗЛЯРО-ГРЕБЕНСКАГО ГЕНЕРАЛА ЕРМОЛОВА ПОЛКА ТЕРСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА.

ПАМЯТКА ГРЕБЕНЦА.

ОЧЕРКЪ

МНГОВѢКОВОЙ ДОВЛЕСТНОЙ СЛУЖБЫ ПРЕСТОЛУ и ОТЕЧЕСТВУ

1-го Кизлярско-Гребенскаго генерала Ермолова полка Терскаго казачьяго войска

и участія 5-й сотни въ юбилейныхъ торжествахъ

300-лѣтія царствованія Дому Романовыхъ въ городѣ Костромѣ.

Составилъ подъ редакціей командира полка, полковн. **А. Г. РЫВАЛЬЧЕНКО,**
подполковникъ **Б. С. ЭСАДЗЕ.**

Пересмотрѣнное и дополненное посмертное изданіе 2-е, составляющее
собственность полка.

1916 г.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія П. Усова. Лермонтовскій просп., д. № 28.

Его Императорское Величество Государь Императоръ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
Самодержецъ Всероссийскій.

Слава на небѣ солнцу высокому—
На землѣ Государю великому!
Слава на небѣ утру прекрасному—
На землѣ Государынѣ ласковой!

Слава на небѣ ясному мѣсяцу—
На землѣ Государю-наслѣднику!
Слава яркимъ свѣтиламъ полуночи—
Сыновьямъ, дочерямъ государевымъ,
И великому князю съ княгинею!

Слава громамъ, играющимъ въ небѣ—
Слава храброму русскому воинству!
Слава небу всему лучезарному—
Слава русскому царству великому!

Веселися ты, солнце небесное—
Многи лѣта Царю благовѣрному!

Славься, славься, нашъ русскій Царь,
Господомъ данный намъ Царь-Государь!
Да будетъ безсмертенъ твой царскій родъ!
Да имъ благоденствуетъ русскій народъ.

Царская Семья.

Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.
Государыня Императрица АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА. Наслѣдникъ Цесаревичъ
и Великій Князь АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ и Августѣйшія Дочери Ихъ Величествъ
ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА, ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА, МАРІЯ НИКОЛАЕВНА и
АНАСТАСІЯ НИКОЛАЕВНА.

Здравица.

(Застольная казачья пѣсня).

Выпьемъ первый бокаль
За здоровье Царя!
Чтобы былъ Онъ удалъ
И свѣтлѣй, чѣмъ заря!

Ура! ура! ура!

А второй-то бокаль
За Хозяюшку Его,
Чтобы Богъ Ей послалъ
На счастье всего!

Ура! ура! ура!

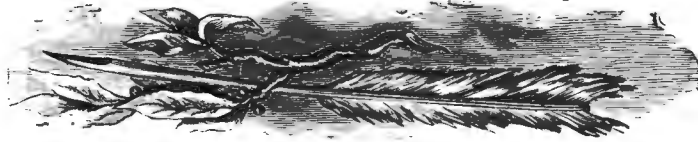
Выпьемъ третій бокаль
За Сынка-Молодца,
Чтобы росъ да мужалъ
Цѣлый вѣкъ безъ конца!

Ура! ура! ура!

А четвертый бокаль
Пополнѣй наливай,—
Будемъ пить наповалъ
За родной Русскій Край!

Ура! ура! ура!

Высочайшія резолюціи.

(Слова Императора Александра II-го къ казачьимъ депутатамъ 5-го ноября 1866 года).

„Я желаю, чтобы казачьи войска, оказавшія столько незабвенныхъ заслугъ Отечеству, сохранили и на будущее время свое воинское назначеніе; твердо надѣюсь, что казаки и впредь, когда понадобится, выкажутъ себя такими же молодцами, какими были всегда“.

(Слова Императора Александра III-го 13-го ноября 1881 года).

„Я привыкъ съ малолѣтства любить и уважать казачество. Я увѣренъ, что въ казачествѣ останется тотъ же духъ, которымъ оно всегда отличалось въ службѣ Россіи. Я буду стараться поддержать казачество въ его настоящемъ видѣ, какъ войско испытанной доблести, столь полезное Отечеству“.

(Резолюція Императора Николая II-го на личномъ Всеподданнѣйшемъ отчетѣ Начальника Терской области и Наказнаго Атамана Терскаго казачьяго войска за 1913 годъ *).

„По моему, именно это сосѣдство поддерживаетъ въ Терскихъ казакахъ старую удасть“.

*) Высочайшая резолюція эта была положена на слѣдующихъ словахъ отчета: „На матеріальное благостояніе казаковъ Терскаго казачьяго войска оказываетъ самое гибельное вліяніе сосѣдство хищныхъ горцевъ. Не говоря ужъ объ отсутствіи личной безопасности казака, принужденнаго работать въ полѣ съ оружіемъ въ рукахъ, конокрадство и скотокрадство положительно разоряетъ населеніе, особенно Сунженскаго и Кизлярскаго отдѣловъ“.

Его Императорскому Высочеству

НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ

и Великому Князю

АЛЕКСѢЮ НИКОЛАЕВИЧУ,

Августѣйшему Атаману

всѣхъ казачьихъ войскъ,

съ глубочайшимъ благоговѣніемъ
всепреданнѣйше посвящаетъ эту па-
мятку 1-й Кизляро-Гребенскій Генерала
Ермолова полкъ Терскаго казачьяго
войска.

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и
Великій Князь
АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ,
Августѣйшій Атаманъ всѣхъ казачьихъ войскъ.

Ваше Императорское Высочество!

Славное кавказское казачество беззавѣтно несетъ многовѣковую службу Царямъ и Родинѣ. Боевые подвиги его, совершенные въ войнахъ на Кавказѣ, составляютъ выдающіяся страницы нашей военной исторіи.

Эти подвиги достойны всесторонняго изученія: они должны быть примѣромъ молодому поколѣнію и составлять драгоцѣнное наше наслѣдіе. Нѣтъ, кажется, такой преграды и такой опасности, которыя могли бы удержать кавказскаго казака по пути къ достиженію побѣды и славы.

Война для него замѣняла родину, семью; для него праздники проходили въ безпрестанныхъ тревогахъ и схваткахъ съ непріателемъ.

И совершалъ казакъ великія дѣла свои не хвастливо, а скромно, не ожидая ни наградъ ни отличій, и въ борьбѣ съ непріателемъ шелъ онъ на вѣрную смерть за дорогую Отчизну.

Война Кавказская была продолжительна и упорна. Поколѣнія смѣнялись поколѣніями, оставляя въ наслѣдіе обагренныя кровью поля и дивныя увлекательныя преданія.

Преемники старыхъ Терскихъ казаковъ должны знать про дѣянія своихъ дѣдовъ и отцовъ—это ихъ святой долгъ.

Цѣль настоящаго изданія—освѣжить въ памяти воспоминаніе о несокрушимой, богатырской, казачьей силѣ, предъ которой поверглись въ прахъ не только вражескія полчища, но и непріступныя твердыни Кавказа.

И Кизляро-Гребенцы счастливы подѣлиться съ своимъ Августѣйшимъ Атаманомъ воспоминаніями о геройствахъ, проявленныхъ ихъ предками въ многовѣковой и доблестной службѣ Престолу и Отечеству.

Е. П. В. Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь
АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ,
Августѣйшій Атаманъ всѣхъ казачьихъ войскъ.

Привѣтствіе
ВОЙСКОВОМУ АТАМАНУ.

Громче пойте и стройнѣ
Атаману маршъ скорѣй,
Смѣло, дружно и сильнѣ,
По-казацки — веселѣй!

Атаманъ нашъ юный знаетъ
Духъ казачій, и за то
Царь его къ намъ посылаетъ,
Что мы любимъ всѣ его.

Братцы! будемъ веселиться,
Будемъ весело служить,
Службой Царскою гордиться,
Царя-Баткшкѣ любить!

Не забудемъ дѣдовъ славы,
Кавказскихъ старыхъ храбрецовъ,
На военныя забавы
Казакъ — первый изъ удалцовъ...

„Ура!“ Царю и Атаману
Отъ Кавказскихъ казаковъ!
Бить враговъ всѣхъ безъ обману
Нашъ казакъ всегда готовъ!..

Колотилинъ.

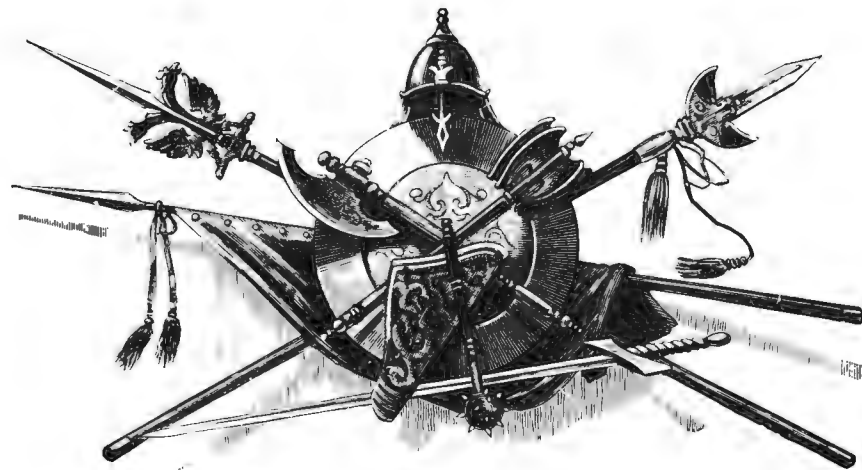

Великій Герцогъ ФРИДРИХЪ МЕКЛЕНБУРГЪ-ШВЕРИНСКІИ.
Бывшій Шефъ полка
(1879 -1896 г.г.).

Ермоловъ

Шефъ полка, Генералъ-отъ-артилеріи
АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ЕРМОЛОВЪ.

Отъ автора.

Командиръ 1-го Кизляро-Гребенскаго генерала Ермолова полка Терскаго казачьяго войска, полковникъ А. Г. Рыбальченко далъ автору этой книги высоколестное порученіе составить „Памятку Гребенца“ съ изложеніемъ, въ краткомъ очеркѣ, блестящей свыше 300-лѣтней героической исторіи полка и съ описаніемъ участія 5-ой сотни Гребенцовъ въ юбилейныхъ торжествахъ, происходившихъ въ маѣ 1913 года въ Костромѣ, по случаю 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ.

Въ прошломъ Кизляро-Гребенскаго полка много великихъ и славныхъ дѣяній на пользу Престола и отечества. Волею судебъ поставленные на рубежѣ русскаго государства, доблестные Гребенцы всегда съ честью охраняли довѣренное имъ Царское достояніе, беззавѣтно проливая кровь и жертвуя жизнью за своихъ Государей, за процвѣтаніе и могущество великой Матери-Родины. И въ тяжкое смутное время, когда шатались самые устои Державы русской, Гребенцы, не слѣдуя примѣру малодушныхъ и робкихъ, сохранили неизмѣнную вѣрность и преданность отечеству. Въ числѣ другихъ русскихъ людей, душой и сердцемъ болѣвшихъ за судьбы

русскаго царства и жизнь свою полагавшихъ за его благо и процвѣтаніе, Гребенцы, 300 лѣтъ тому назадъ, вѣрой и правдой служили первому государю изъ Дома Романовыхъ, охраняя порядокъ и безопасность на дальней окраинѣ. Поэтому и въ свѣтлые дни торжествъ по случаю 300-лѣтія царствованія благословѣнной Династіи Гребенцы, по особому Высочайшему повелѣнію, были вызваны изъ чужеземной страны—Персіи, гдѣ полкъ нынѣ несетъ тяжелую службу въ составѣ Казвинскаго отряда, въ коренной русскій городъ—Кострому, эту историческую колыбель Дома Романовыхъ, и вмѣстѣ со всей Россіей, раздѣлили своимъ непосредственнымъ участіемъ въ юбилейныхъ торжествахъ всенародныя воспоминанія величайшихъ историческихъ событій.

Боевыя заслуги Гребенскихъ казаковъ неисчислимы. Громкая слава неизмѣнно сопровождала ихъ обветшалыя и кровью обогранныя знамена, никогда не склонявшіяся передъ врагомъ.

Утвердившись въ XVI вѣкѣ въ предгоріяхъ Кавказа, Гребенцы приняли подъ свою могучую охрану и доблестно защищали единовѣрный грузинскій народъ, изнемогавшій въ неравной борьбѣ съ сильными мусульманскими государствами. Они же охраняли и провожали въ дебряхъ кавказкихъ горъ и лѣсовъ первыя посольства отъ царей грузинскихъ къ государямъ московскимъ и русскихъ пословъ въ Грузію. Больше того, съ самымъ радушнымъ гостепріимствомъ Гребенцы принимали въ свои станицы много выходцевъ изъ Грузіи и жили съ ними въ полномъ мирѣ и согласіи. Въ настоящее время эти выходцы-грузины совершенно слились съ общей массой Гребенскихъ казаковъ, сохранивъ въ незначительной мѣрѣ родной языкъ, обычаи и нравы.

Всюду, гдѣ только Мать-Родина нуждалась въ помощи удалыхъ сыновъ своихъ, Гребенцы слетались какъ орлы.

Славныя боевыя знамена Гребенскихъ казаковъ развѣвались въ персидскихъ и турецкихъ походахъ русской арміи, въ горныхъ ущельяхъ Дагестана и Чечни, и въ другихъ мѣстахъ Кавказа, а въ самое недавнее время на поляхъ далекой Манчжуріи. Не мало почетныхъ отличій своему полку заслужили Гребенцы во время этихъ походовъ, не мало блестящихъ дѣлъ вписали они кровью своею въ русскую военную исторію и въ свой послужной списокъ“. Внуки и правнуки богатырей-героевъ не разъ доказали на дѣлѣ, что они достойны носить славное имя „Гребенскихъ казаковъ“. Великіе завѣты прадѣдовъ и дѣдовъ свято хранятся Гребенцами и до нашихъ дней...

Настоящая „Памятка“ представляетъ лишь краткій очеркъ свыше 300-лѣтней службы Гребенскихъ казаковъ государямъ русскимъ, по царствованіямъ, начиная съ эпохи царя Іоанна Васильевича Грознаго, когда Гребенцы впервые вступили на вѣрную службу русскимъ государямъ и впервые показали себя надежнымъ оплотомъ родины на отдаленной кавказской окраинѣ.

Борисъ Эсадзе.

Русскій рыцарь-богатырь.

Вѣдьма старая варила зелье русское въ котлѣ
И надъ зельемъ говорила „Будь, что будетъ на землѣ!...
Скоро сказка говориться—дѣло медленно идетъ.
Что въ котлѣ моемъ варится, скоро выступить впередъ.
Чистъ и крѣпокъ, точно камень чудодѣйный алатырь,
Разожжетъ свободы пламень русскій рыцарь-богатырь.
И холопство и неволю промѣнявъ на станъ воякъ,
Полетитъ по чисту полю этотъ рыцарь—мой казакъ.
Онъ просѣянный сквозь сито, прокаленный на огнѣ,
Выйдетъ смѣло и открыто, выйдетъ съ пикой, на конѣ.
Отъ спесиваго боярства убѣжитъ онъ въ курени,
На окраинахъ государства разведетъ свои огни.
Онъ покинетъ, позабудетъ домъ и бѣдную семью!...
Страшно праздновать онъ будетъ волю буйную свою:
Все, что встрѣтитъ, опрокинетъ, какъ нагорный злой потокъ,
Царство Русское раздвинетъ и на югъ и на востокъ.
Овладевъ вольной степью по краямъ страны родной,
Станетъ онъ живою цѣпью передъ хищною ордой.
Разметавъ Руси границы, самъ въ предѣлы онъ войдетъ,
И усядется въ станицѣ, и съ семьею заживетъ.
Самъ себѣ цѣны не зная, оставаясь молодцомъ,
Изъ-за славы умирая, будетъ рѣдкимъ удалцомъ.
Онъ, полей привольныхъ житель, будетъ Родину любить
И, свободы представитель, волей сладкой дорожить“.

Н. Ф. Савичевъ.

Не изъ тучушки вѣтерочки дуютъ.

Не изъ тучушки вѣтерочки дуютъ,
Не дубравушка во полѣ шумить,
То не сизые орлы въ полѣ клекочутъ,
По-надъ небесью орлы летучи;
Не сырые гусюшки гогочутъ,
По надъ бережкомъ гуси сидючи,—
То расплакались гребенскіе казаченьки,
Передъ Грознымъ Царемъ стоячи:

—„Ужъ Ты, Батюшка, Ты нашъ Царь-Надежа,
„Православный Ты нашъ Государь!
„Не изволь Ты насъ казнить-вѣшать,—
„Позволь рѣчи говорить.
„Какъ бывалоча, Ты, нашъ Царь Надежа,
„Много насъ дарилъ, много жаловалъ,
„А теперь Ты, нашъ Царь-Надежа,
Чѣмъ подаришь насъ, чѣмъ пожалуешь“.

—„Подарю я васъ, гребенскіе казаки,
„Рѣкою вольною—быстрымъ Терекомъ
„Отъ самага гребня до синя моря,
„До синя моря до Хвалынскаго“...

Какъ взглянулъ тутъ Царь-Надежа
На удалыхъ казаковъ
И отдалъ имъ быстрый Терекъ
Владѣть во-вѣки вѣковъ.

„Прекрасно знамя ты, родное,
Когда въ храмъ Божій внесено,
При многолѣтїи съ мольбою
Святымъ крестомъ осѣнено,—
И освященное водою—
На страхъ врагамъ окроплено“.

Полковой Георгиевский штандартъ и серебряныя трубы.

раткій послужной списокъ

1-го Кизляро-Гребенскаго генерала Ермолова полка.

Полковая хроника.

1-й Кизляро-Гребенскій Генерала Ермолова полкъ сформированъ въ августѣ мѣсяцѣ 1870 года изъ бывшихъ Кизлярскаго и Гребенскаго полковъ.

Первое появленіе гребенцевъ на Терекѣ нужно отнести къ

1555 году, когда съ посольствомъ пятигорскихъ черкесовъ приходили къ царю Іоанну Грозному съ повинной и атаманы русскихъ казаковъ, поселившихся на Сунжѣ. Царь Іоаннъ Грозный казаковъ простилъ и подарилъ ихъ „рѣкою вольною—Терекомъ“. Съ этого времени и стали они извѣстны подъ именемъ гребенскихъ, т. е. горныхъ казаковъ.

Дѣйствительнымъ годомъ основанія полка нужно считать **1577 годъ**, когда построенъ былъ, по повѣленію царя Іоанна IV, воеводою Лукьяномъ Новосильцевымъ на р. Терекѣ, близъ устья въ р. Сунжи, городокъ „Терки“, при которомъ гребенскіе казаки „начали держать отъѣзжіе караулы и отправлять другія службы Царскія“.

Въ **1586 г.** часть гребенскихъ казаковъ переселилась къ Каспійскому морю, гдѣ у устья Терека былъ построенъ новый царскій городокъ „Терки“, вмѣсто брошеннаго на Сунжѣ, и образовано Терское войско.

Въ 1722 г. изъ Терскаго войска гребенцы Петромъ Великимъ были передвинуты къ р. Сулаку и образовали новое Аграханское войско.

Въ 1724 г. къ аграханцамъ еще переселили съ Дона 1.000 семей; всѣ они здѣсь несли большія потери отъ болотной лихорадки.

Въ 1736 г. отъ Сулака аграханцы, волею Императрицы Анны Иоанновны, переведены къ вновь построенной крѣпости Кизляру и образовали Терско-Кизлярское войско, причемъ старые казаки стали называться Терско-Кизлярскими, а 1.000 семей, переселенныхъ съ Дона—Терско-Семейными, поселившимися отъ Кизляра вверхъ по Тереку.

Въ 1745 г. войско Терско-Семейное присоединено къ Гребенскому, но черезъ 10 лѣтъ оно отдѣлилось.

Въ 1832 г. образовалось Линейное войско, въ составъ котораго вошли: Гребенское, Терско-Семейное и Терско-Кизлярское войска съ переименованіемъ въ полки.

Въ 1836 г. Терско-Семейный и Терско-Кизлярскій полки соединены въ одинъ Кизлярскій полкъ.

Въ 1870 г. Гребенскій полкъ и Кизлярскій соединены въ одинъ конный полкъ Кизляро-Гребенскій.

Въ 1879 г. Высочайше повелѣно именоваться „1-мъ Кизляро-Гребенскимъ Великаго Герцога Фридриха Мекленбургъ-Шверинскаго коннымъ полкомъ“.

Въ 1896 г. полку Высочайше повелѣно именоваться „1-мъ Кизляро-Гребенскимъ коннымъ полкомъ“. (Смерть Шефа).

Въ 1904 г. Высочайше повелѣно именоваться „1-мъ Кизляро-Гребенскимъ генерала Ермолова полкомъ“.

Боевыя дѣйствія полка.

1577 г. Воевода Новосильцевъ ставитъ недалеко отъ устья Сунжи городокъ „Терку“. Начало Терскаго казачьяго войска. Даровано старшинство Кизляро-Гребенскому полку съ этого года.

1590—91 гг. Походъ князя Засѣкина съ терцами противъ Шамхала Тарковскаго.

1594 г. Походъ гребенцевъ, подъ начальствомъ воеводы Хворостина, на Тарки (г. Петровскъ), по просьбѣ грузинскаго царя.

1604 г. Походъ противъ Шамхала Тарковскаго на Тарки, подъ начальствомъ воеводъ Бутурлина и Плещеева.

1614 г. Стрѣлецкій голова Хохловъ съ терцами въ походѣ противъ Заруцкаго подѣ Астраханью.

1633 г. Атаманы и казаки гребенскіе и терскіе съ воеводой княземъ Семеномъ Волконскимъ гремятъ „Казыевы улусы“.

1645 г. Походъ противъ крымцевъ съ астраханскимъ воеводой, стольникомъ княземъ Пожарскимъ, на помощь осажденнымъ въ Черкассахъ.

1646 г. Бой съ Калгою Нурадиномъ-Гиреемъ.

1671 г. Гребенцы и терцы въ походѣ на Астрахань, противъ бунтовщика Ѳедьки Шелудяка.

1677 г. Гребенцы и терцы въ чигиринскомъ походѣ.

1687—89 гг. Крымскіе походы кн. Голицына на Перекопъ.

1695 г. Гребенцы подѣ Азовомъ съ генераломъ Гордономъ.

1717 г. Походъ Бековича-Черкаскаго въ Хиву.

1722 г. Прибытіе Петра Великаго въ устьѣ Терека; по его требованію, выставлено гребенцами 500 служилыхъ казаковъ для войны съ Персіей.

1736 г. Походъ атамановъ Аука и Ивана Петрова съ пятью сотнями и войсковыми старшинами гребенцовъ подѣ Азовъ.

1769—88 гг. Закубанскіе походы.—Взятіе турецкаго знамени и 400 панцырей.

1791 г. Доблестное участіе гребенцовъ подѣ Анапою, подѣ начальствомъ графа Гудовича.

1796 г. Персидскій походъ подѣ начальствомъ графа Зубова.

1820 г. Экспедиція полковника Грекова въ Чечню на Хань-Кале и Герменчукъ.

1826—29 гг. Персидская и турецкая кампаніи.

1831—32 гг. Дѣло гребенцовъ, подѣ начальствомъ полковника Волжинскаго, со скопищемъ Казы-Муллы близъ Гудермеса (составлена пѣсня: „Пыль клубится по дорогѣ“ — полковникомъ Бѣликомъ).

1836 г. Дѣло 10 апрѣля противъ чеченцевъ подѣ стан. Шедринской.

1841 г. Дѣло 9 января противъ многочисленной партіи чеченцевъ въ Шедринскомъ лѣсу (дѣло майора Венеровскаго).

1845 г. Даргинскій походъ князя Воронцова (Сухарная экспедиція).

1846 г. Дѣло 24 мая противъ многочисленной партіи горцевъ (Сусловское дѣло подѣ Акбулатъ-Юртомъ).

1853—55 гг. Восточная война.

- 1854 г. Дѣло при Кюрукъ-Дара подѣ начальствомъ полковника Комкова.
1855 г. Дѣло при М. Пенякѣ.
1859 г. Взятіе Гуниба (покореніе Восточнаго Кавказа).
1861 г. Возмущеніе на Аргунѣ Умы Атабая.
1864 г. Покореніе Западнаго Кавказа.
1864 г. Возстаніе чеченцевъ съ Кунтою во главѣ.
1867 г. Волненіе въ Ичкеріи по призыву Тазу.
1873 г. Походъ въ Хиву.
1877—78 гг. Русско-Турецкая война и усмиреніе чеченскаго возстанія (Алибекъ).
1885 г. Военный походъ въ Закаспійскую область.
1905 г. Русско-японская кампанія, въ отрядѣ генераль-адъютанта Мищенко.

Имѣющіяся знамены и боевыя награды.

Бывшему Кизлярскому полку пожалованы:

1. Знамя краснаго цвѣта, съ разными украшеніями, кои за ветхостью разобрать трудно, и съ надписью: „Божією милостію Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцевъ. Построено сіе знамя при Державѣ Пресвѣтлѣйшихъ и Державнѣйшихъ Великихъ Государей во имя Святыя Троицы и Благовѣрнаго Великаго Князя Всеволода, по Святомъ Крещеніи Гавриила (Псковскій Чудотворецъ), и при бытности въ Псковскомъ Государствѣ ближняго окольнаго и воеводы и Намѣстника Нижегородскаго Петра Матвѣевича Апраксина со товарищи, отъ сотворенія міра—7201 года марта въ 1-й день. Строилъ сіе знамя Стольникъ и Полковникъ Иванъ Михайловичъ Кокошкинъ Псковскихъ стрѣльцовъ перваго полку“.
2. Съ изображеніемъ Св. Архистратига Михаила, цвѣта краснаго.
3. Съ изображеніемъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, цвѣта голубого.
4. Цвѣта желтаго.
5. }
6. } Цвѣта краснаго.
7. }

8. Какого цвѣта, за ветхостью различить нельзя.

9. Насѣлка деревянная, съ обоихъ концовъ окованная серебромъ.

10. Такая же насѣлка меньшихъ размѣровъ.

О пожалованіи всѣхъ этихъ знаменъ Терскому Семейному казачьему войску послѣдовала Высочайшая грамота, 18-го іюня 1740 года № 7695, данная на имя войскового атамана сего войска, старшинамъ и казакамъ.

11. Знамя изъ шелковой матеріи голубого цвѣта, съ золотой надписью: „За отличіе въ Турецкую войну и за дѣла, бывшія противъ горцевъ въ 1828 и 1829 годахъ“; въ серединѣ его изображенъ гербъ Россійской Имперіи, а на углахъ вензелевыя изображенія Имени Государя Императора Николая I-го. Древко съ мѣднымъ вызолоченнымъ копьемъ.

12. Знамя, точно такое же, пожалованное Терскому Семейному казачьему войску, впоследствии вступившему въ составъ Кизлярскаго полка.

На двухъ послѣднихъ знаменахъ Высочайше повелѣно прибавить надпись: „За взятіе Анды и Дарго“.

Высочайшая грамота объ этихъ двухъ знаменахъ состоялась 21 сентября 1831 года. О надписяхъ объявлено въ приказѣ по бывшему Кавказскому корпусу 30-го октября 1845 года № 140.

13. Георгіевское знамя изъ шелковой матеріи голубого цвѣта. По краямъ знамени, съ обѣихъ сторонъ, надпись: „За военные подвиги противъ горцевъ“. Древко съ серебрянымъ копьемъ, съ Георгіевскимъ въ серединѣ крестомъ, въ основаніи копья Георгіевскій темлякъ.

Объявлено въ Высочайшемъ приказѣ 4 марта 1860 года.

Бывшему Гребенскому полку пожалованы:

1. 104 знамени и штандартовъ прежнихъ временъ, кои пришли въ такую ветхость, что нельзя узнать, какому времени они принадлежатъ; знамена и штандарты эти сложены въ ящикѣ и хранятся въ гор. Владикавказѣ, во дворцѣ Наказнаго атамана.

2. Два знамени изъ шелковой розовой матеріи, съ изображеніемъ въ серединѣ герба Новгородской губерніи, представляющаго золотое кресло, въ серебряномъ полѣ, съ красной подушкой, на которой поставлены крестообразно: съ правой стороны скипетръ и съ лѣвой крестъ, на верху кресла подсвѣчникъ съ тремя горя-

щими свѣчами и по сторонамъ два стоящіе медвѣдя. При знаменахъ древки съ мѣдными копьями.

3. Знамя, въ серединѣ котораго изображенъ черный двуглавый орелъ, увѣнчанный тремя коронами; на груди его, разбросанными литерами, надпись: „За вѣрность“; остальныхъ вензелей на груди орла, по ветхости, разобрать нельзя. Древко съ мѣднымъ копьемъ.

4. Знамя изъ розовой шелковой матеріи; на четырехъ угольникахъ его по пушечному ядру; въ серединѣ черный двуглавый орелъ съ однимъ поднятымъ и однимъ опущеннымъ крыломъ, увѣнчанный тремя коронами; на груди орла, на бѣломъ конѣ, св. Побѣдоносецъ Георгій, поражающій копьемъ дракона, а подъ нимъ изображены пять знаменъ, двѣ горящія гранаты, киверъ Павловскаго полка и литеры „П. I.“; древко съ мѣднымъ копьемъ.

5. Знамя изъ зеленой шелковой матеріи; изображеніе въ серединѣ его, за ветхостью, вывалилось. Древко съ мѣднымъ копьемъ.

6. Серебряный вызолоченный ковшъ, съ надписью по сторонамъ: „Божією милостью мы, Елизавета первая Императрица и Самодержца Всероссійская и прочая, и прочая, и проч..., пожаловала симъ ковшемъ войска Гребенскаго Атамана Лукьяна Борисова за его вѣрныя службы. 1748 г. Января 1-го дня“.

7. Булава, на верхнемъ концѣ коей серебряная съ чернью рукоятка, а на нижнемъ—небольшой серебряный наконечникъ.

8. Знамя изъ шелковой матеріи голубого цвѣта, съ золотой надписью: „За Турецкую войну и за дѣла, бывшія противъ горцевъ въ 1828—1829 годахъ“; въ серединѣ его гербъ Россійской Имперіи, а на углахъ вензеля Императора Николая I-го. Древко съ мѣднымъ вызолоченнымъ копьемъ (Высочайшая грамота на пожалованіе этого знамени состоялась 21-го сентября 1831 г.).

9. Георгіевское знамя изъ шелковой матеріи голубого цвѣта; по краямъ знамени, съ обѣихъ сторонъ, надпись: „За военные подвиги противъ горцевъ“; древко съ серебрянымъ копьемъ, съ Георгіевскимъ въ серединѣ крестомъ, въ основаніи креста Георгіевскій темлякъ (Высочайшій приказъ 4-го марта 1860 года).

10. Знаки отличія на папахи 1-й полусотнѣ 1-й сотни Гребенскаго полка, съ надписью: „За отличіе 24-го іюля 1854 года при Кюрукъ-Дара“ (Полковникъ Комковъ получилъ орденъ Св. Георгія 4 ст.).

11. Знаки отличія на папахи 2-й полусотнѣ 1-й сотни Гребенскаго полка, съ надписью: „За отличіе въ дѣлѣ 30-го августа 1855 года при м. Пенякъ“.

1-му Кизляро-Гребенскому полку.

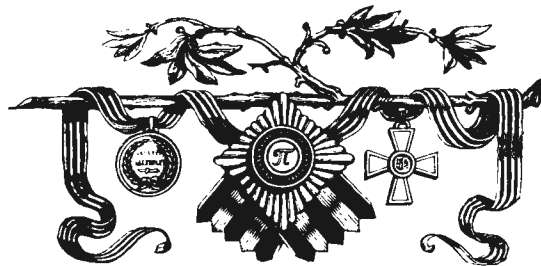
1. Георгіевскія серебряныя трубы, пожалованныя 4-й сотнѣ, съ надписью: „За отличіе въ Хивинскомъ походѣ 1873 года“.

2. Знаки отличія на папахи, съ надписью: „За умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области въ 1877 году“, пожалованные 2-й и 3-й сотнямъ.

3. Знаки отличія на папахи съ прибавленіемъ къ имѣющимся надписямъ новыхъ — объ отличіяхъ, оказанныхъ въ 1877 году, 1-й полусотнѣ 1-й сотни, съ надписью: „За дѣло 24 іюля 1854 года и за умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области и Дагестана въ 1877 году“.

4. 2-й полусотнѣ той же сотни, съ надписью: „За дѣло 30-го августа 1855 года и за умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области и Дагестана въ 1877 году“.

5. Георгіевскій штандартъ съ Александровской юбилейной лентой и надписью вокругъ штандарта: „За военные подвиги противъ непокорныхъ горцевъ“ и подъ орломъ: „1577—1877“; на лентѣ литеры: „І. В.“ (Іоаннъ Васильевичъ) и „А. М.“ (Алексѣй Михайловичъ), увѣнчанныя серебряными изображеніями шапки Мономаха.

Гербъ Дома Романовыхъ.

Памятка трехсотлѣтія Дома Романовыхъ.

1613—1913.

Въ години бѣдъ, въ години смуты,
Подъ тяжкимъ бременемъ оковъ,
Русь разорвала мощно путы
Своихъ завистливыхъ враговъ.

Самоотверженный крестьянинъ,
Любовью къ родинѣ горя,
Жизнь положилъ Иванъ Сусанинъ
За Русь, за Вѣру и Царя.

Минула грозная невзгода;
Царемъ Руси помазанъ былъ
Избранникъ Русскаго народа
Романовъ первый **Михаилъ**.

Подъ кроткой властью **Алексея**
Настала свѣтлая пора...
Сіянемъ новымъ пламенѣя,
Вдали зажглась заря **Петра**.

Петръ ослѣнилъ безсмертной славой
Себя, народъ и край родной;
Предъ мощной Сѣверной Державой
Всѣ преклонилися главой.

Онъ былъ въ войнѣ намъ обороной,
Въ дни мира—знанья насаждалъ,
И **Императорской** короной
Главу Державную вѣнчалъ.

Настали славныя години
Великихъ подвиговъ и словъ,—
Безсмертный вѣкъ **Екатерины**
И боевыхъ ея орловъ.

Когда же дерзкій и надменный
Къ намъ Бонопартъ пришелъ съ войной,
Сталъ **Александръ Благословенный**
Оплотомъ родины святой.

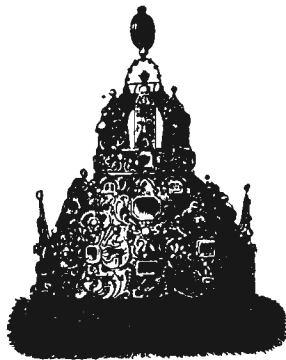
Минули бѣдствія лихія,
Сверкнуло солнце сквозь туманъ:
Далъ **Александръ Второй** Россіи
Освобожденіе крестьянъ.

Легко вздохнула Русь. Къ покою,
Къ расцвѣту мирныхъ нивъ и сель
Своею мирною рукою
Царь-Миротворецъ насъ повель.

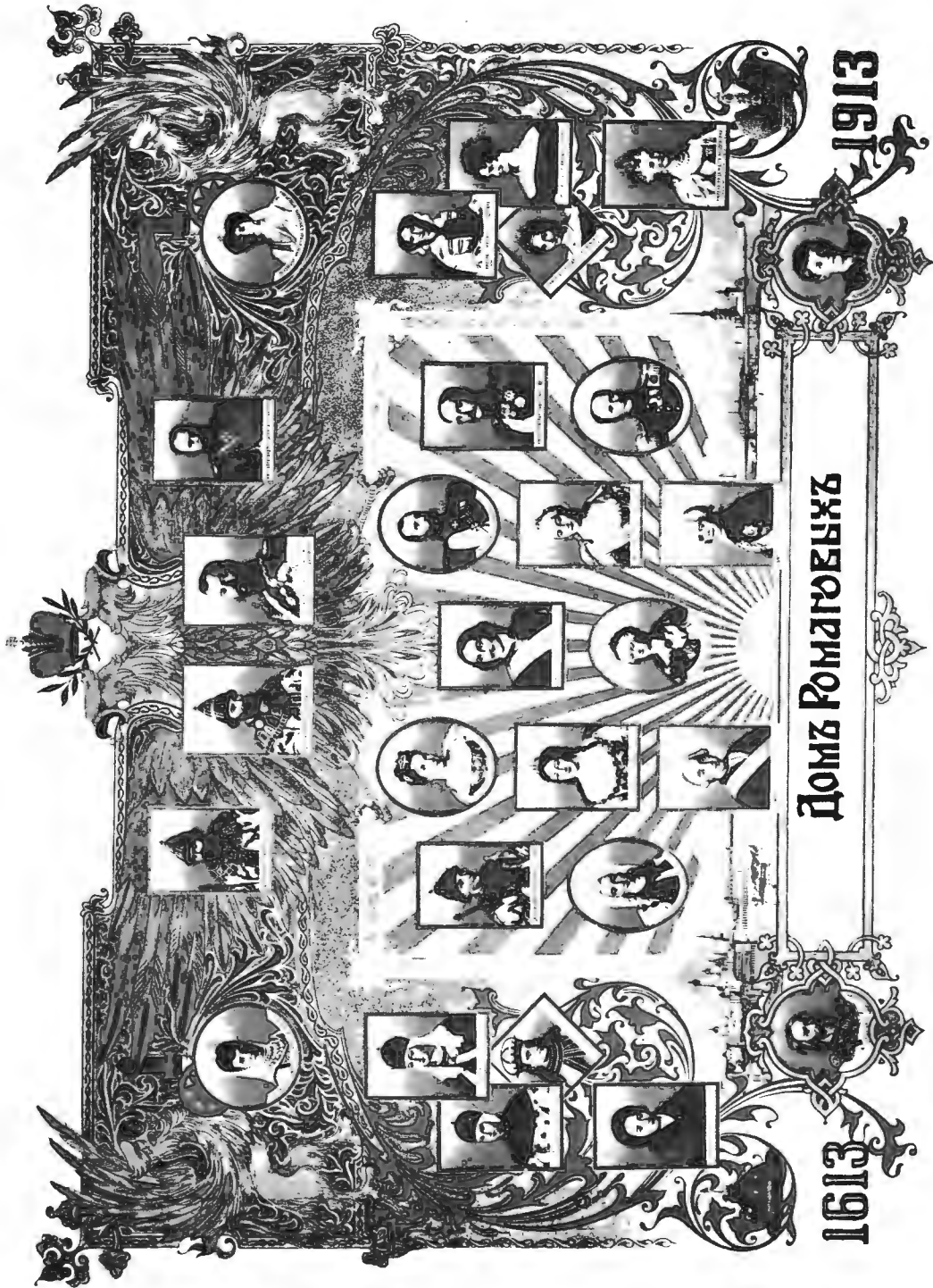
И нынѣ мы дождались всхода
Трудовъ работы вѣковой:
Созвалъ избранниковъ народа
Впервые **Николай Второй**.

Такъ пусть растетъ Твоя твердыня,
Какъ при отцахъ и дѣдахъ, встарь,
Надежа наша и Святыня.
Боготворимый Русскій Царь!

Пусть Русь въ довольствѣ процвѣтаетъ,
И надъ Отчизною святой
Пусть **Домъ Романовыхъ** сіяетъ
Неугасимую звѣздой!

Корона Царя **МІХАИЛА ОБОДОРОВИЧА**.

Гребенскіе казаки.

(Историческая справка).

„Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой“...

Прошло почти уже четыре столѣтія съ тѣхъ поръ, какъ въ предгорьяхъ грознаго Кавказскаго хребта впервые появились доблестные казаки, выходцы изъ сосѣдней Россіи. Съ того отдаленнаго времени много было пролито крови въ непрестанныхъ бояхъ, много самоотверженныхъ, хотя и совершенно безвѣстныхъ, казацкихъ героев полегло въ кровавой борьбѣ за осуществленіе на Кавказѣ великихъ задачъ русскаго государства, выславшаго на окраину горсть удальцовъ—гребенскихъ казаковъ, этотъ славный авангардъ русскаго народа, для котораго уже тѣсной становилась великая равнина Сѣверной Европы.

Утвердившись на Кавказѣ, гребенскіе казаки образовали то первое ядро, вокругъ котораго съ теченіемъ времени собирались изъ глубины Россіи все новые и новые отряды славныхъ витязей, добывавшихъ для отечества новые края и подчинявшихъ ему разные народы и племена. Такъ образовалось современное Терское войско, оплотъ русскаго могущества на кавказской окраинѣ государства.

Исторія гребенцовъ—это исторія завоеванія Кавказа Россіей. Какъ извѣстно, уже въ X вѣкѣ юго-восточныя славянскія племена вели оживленную торговлю съ азіатскими народами, обитавшими у подножія Кавказскихъ горъ и береговъ Каспійскаго (Хвалынскаго) моря. Въ древности отважные русскіе люди плавали по Каспійскому и Черному морямъ не только съ мирными торговыми цѣлями, но и для грабежа, когда они, по характерному выраженію поэта:

„Византію громили
И съ косоговъ брали дань...“

Въ лѣтописяхъ Нестора, подъ 965 годомъ, отмѣченъ походъ храбраго русскаго князя Святослава Игоревича на царство хозаровъ на Дону; вполнѣдствіи этотъ князь простеръ свое побѣдоносное оружіе и противъ яссовъ и косоговъ, т.-е. осетинъ и черкесовъ, жившихъ по предгоріямъ Кавказа, къ востоку отъ Азовскаго моря. Онъ опустошилъ ихъ земли и около 967 года перенесъ русскую границу на самую Кубань, утвердивъ господство русскихъ на берегахъ этой рѣки, на полуостровѣ Тамани, подъ именемъ Тмутараканскаго княжества. Послѣ того это княжество преемственно переходило во власть Ярослава и Глѣба. Но въ 1064 году двоюродный братъ князя, Мстиславъ, обойденный удѣломъ, собравъ удалцовъ и вольныхъ людей, неожиданно пришелъ съ этою ратью на Тамань, изгналъ оттуда Глѣба и самъ сталъ править Тмутараканью.

Затѣмъ Тмутараканью правилъ Давидъ Игоревичъ, а около 1112 г. княжество перешло во власть половцевъ.

Набѣги русскихъ на черноморскія и каспійскія степи, а потомъ и къ подгоріямъ Кавказа, совершались весьма часто и вполнѣдствіи. Такіе смѣлые походы предпринимались даже тогда, когда на Руси уже начались раздоры удѣльныхъ князей.

Нельзя не отмѣтить весьма опустошительный и смѣлый набѣгъ, относящійся къ 1175 году, на берега Каспія, явившійся въ послѣдствіи началомъ для цѣлаго ряда смѣлыхъ походовъ съ кавказскими народами, обитавшими по рѣкѣ Тереку и сѣверному склону (по гребнямъ) кавказскихъ горъ. Русскихъ привлекала сюда богатая торговля, привольныя черноземныя степи, манившія ихъ своими чудными пастбищами и безконечнымъ просторомъ.

Русскіе смѣльчаки шагъ за шагомъ подвигались къ Кавказу, и въ царствованіе Іоанна III на сѣверномъ склонѣ его образовалась изъ „вольныхъ людей“ первая русская колонія, большей частью выходцевъ изъ рязанской земли. Эти отважные удалцы, не хотѣвшіе мириться съ тяжелыми условіями тогдашней жизни на родинѣ, искавшіе славы и стремившіеся сдѣлаться героями народныхъ сказаній и былинъ, совершенно бросали родину, близкихъ, друзей и уходили въ невѣдомые края, не боясь лишеній и опасностей. У нихъ зарождалась великая идея послужить своей отчизнѣ и прикрыть своей богатырской грудью Русь и Украйну отъ грозныхъ нашествій, угрожавшихъ родинѣ именно со стороны бурнаго Каспія. Эти удалцы стали постепенно занимать мѣста и стратегическіе пункты по Сунженскимъ и Терскимъ предгоріямъ-гребнямъ, отчего и получили названія — сунженцевъ, гребенцовъ и т. д. Это были все смѣльчаки-казаки, „поэтическія созданія войны“, „творцы ея“, какъ мѣтко охарактеризовалъ ихъ одинъ изъ кавказскихъ писателей.

„Удалцы“ сослужили Матери-Россіи великую службу, принявъ на себя первые и тяжелые удары дикихъ ордъ. Въ то же время „гребенцы“ явились проводниками русской государственности, носителями культуры и цивилизаціи, твердо охраняя въ порубежныхъ странахъ мусульманскаго господства православную вѣру. Постепенно эта „вольница“ пополнялась новыми людьми, и на Терекъ

прибыла даже часть шайки атамана Андрея, одного изъ товарищей Ермака; она поселилась около татарскаго аула, названнаго впослѣдствіи, по имени атамана, „Андреевой деревней“.

Когда, при царѣ Іоаннѣ Грозномъ, были покорены Казанское и Астраханское царства, то русское государство уже стало соприкасаться съ границами Кавказа. Это обстоятельство привело къ еще большому общенію Руси съ азіатскими народностями, выразившемуся и въ другомъ весьма важномъ обстоятельствѣ — женитьбѣ самого царя-вдовца Іоанна Грознаго на кабардинской княжнѣ Маріи Темрюковнѣ.

Въ 1567 году царь Іоаннъ Грозный повелѣлъ основать при устьи рѣки Сунжи сильное укрѣпленіе подъ именемъ „Терки“, гдѣ поселилась „вольница“, крайне необходимая царю для защиты новой кабардинской вотчины отъ „бусурманъ“. Здѣсь было основано Терское казачье войско, и учреждено терское (гребенское) воеводство.

Славные гребенцы, участвовавшіе въ юбилейныхъ торжествахъ въ Костромѣ, являются прямыми потомками этихъ смѣльчаковъ, этихъ славныхъ казаковъ, которые до сего времени, вспоминая далекое время Іоанна Грознаго, воспѣваютъ царя въ своей казачьей пѣснѣ:

„Ой ты, батюшка, нашъ православный царь!
Чѣмъ ты насъ подаришь, чѣмъ пожалуешь?..“

Съ такими словами терцы обращались къ царю. И царь, отвѣчая словами той же пѣсни, жаловалъ гребенцовъ Терекомъ:

„Подарю я васъ, казаченьки, да пожалую
Рѣкою вольною, что ни быстрымъ
Терекомъ Горыновичемъ; онъ отъ самага гребня
До синяго моря, до синяго моря, до Хвалынскаго...“

Какъ характерна и какъ прекрасна эта историческая пѣсня! Отдавая Терекъ казакамъ, царь Іоаннъ Грозный повелѣлъ гребенцамъ:

„Служить службу государеву и беречь вотчину кабардинскую“.

Поселившимся по гребнямъ горъ казакамъ пришлось стать оплотомъ государства, вести отчаянную и непрерывную борьбу, крѣпко отстаивая отъ нападений горцевъ занятыя позиціи и свою свободу.

Кромѣ того, казакамъ сразу пришлось защищать и границу государства и свои городки отъ нападений турокъ и крымцевъ и нести на Терекѣ и Сунжѣ сторожевую службу, держать заставы на переправахъ, караулить проходы черезъ горныя тѣснины и топкія мѣста, ѣздить гонцами, проводниками и охранной стражей при караванахъ и разныхъ посланцахъ, получавшихъ пропускъ отъ воеводъ Терскаго городка, а равно дѣлать засады и внезапныя нападенія на недруговъ.

И нужно сказать, „гребенцы“ съ честью несли государеву службу, крѣпко держались за свои земли, въ чемъ имъ не мало помогали вліятельные кабардинскіе князья, породнившіеся съ царемъ Іоанномъ Грознымъ. Пріѣзжавшіе на Терекъ царскіе воеводы неоднократно отписывали въ Москву:

„Если казаковъ по Тереку и по гребнямъ не будетъ, то Терскому городку будетъ большая тѣснота“.

Ходомъ исторической жизни изъ такихъ отважныхъ людей стало постепенно образовываться Терское войско, и въ 1577 году „гребенцы“ подъ царскими знаменами приняли славное участіе въ удалой и отважной битвѣ съ грозными тогда крымскими татарами. Съ этого времени Гребенскій полкъ ведетъ свое оффиціальное начало и старшинство. Въ безконечныхъ кавказскихъ войнахъ полкъ всегда являлся грозой для враговъ отечества.

300 лѣтъ тому назадъ надъ Россіей пронеслась сокрушающая буря. Но среди охватившаго страну и народъ урагана гребенскіе казаки все время оставались непоколебимо-вѣрными слугами Царя и Россіи, оправдавъ въ минуты тяжелаго государственнаго развала свое историческое призваніе, какъ служилаго сословія, храня завѣты своихъ доблестныхъ предковъ, которые въ казацкой пѣснѣ завѣщали молодому поколѣнію быть на стражѣ интересовъ государству и православной вѣры. Исторія свидѣтельствуетъ, что именно благодаря могучей поддержкѣ казаковъ на московскій престолъ былъ избранъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ.

Ко времени избранія на царство перваго царя изъ Дома Романовыхъ гребенскіе казаки представляли уже довольно внушительную боевую силу, съ которой нужно было считаться. И русское государство гребенцамъ покровительствовало: имъ выдавалось изъ царской казны за участіе въ походахъ и бояхъ, вмѣстѣ съ царскими войсками, не только „государево жалованье“, но и, сверхъ того, положенное по закону особое довольствіе — „дачу провіанта и соли на домъ“, но безъ права продажи въ чужія руки; характерно, что эта древняя привиллегія для гребенскихъ казаковъ сохранилась и до нашихъ дней.

Какъ сказано выше, гребенскіе казаки, поселившіеся въ 1555 г. на рѣкѣ Сунжѣ, были пожалованы царемъ Іоанномъ Грознымъ „рѣкою вольною Терекомъ“, и съ этого времени стали извѣстны подъ именемъ гребенскихъ, т.-е. горныхъ казаковъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ официальныхъ правительственныхъ актахъ 2-й пол. XVI-го и начала XVII вв. гребенскіе казаки извѣстны подъ названіемъ „вольныхъ атамановъ и казаковъ“.

Дѣйствительнымъ годомъ основанія полка Высочайше повелѣно считать 1577 г., въ которомъ, по повелѣнію царя Іоанна IV, воеводою Лукьяномъ Новосильцевымъ

на р. Терекѣ, близъ устья вѣ р. Сунжи, былъ построенъ городокъ „Терки“, при которомъ гребенскіе казаки „начали держать отъѣзжіе караулы и отправлять другія службы“.

Въ 1586 г. часть гребенскихъ казаковъ переселилась къ Каспійскому морю, гдѣ у устья р. Терека ими былъ построенъ новый царскій городокъ „Терки“, вмѣсто брошеннаго на р. Сунжѣ, и гдѣ они образовали Терское войско. Поэтому старѣйшему полку войска—Кизляро-Гребенскому—и самому войску присвоено старшинство съ указаннаго 1577 года.

Такъ постепенно Русь подвигалась къ кавказскимъ горамъ...

Изъ старо-давнихъ боевыхъ дѣйствій гребенцовъ укажемъ на слѣдующія: походъ князя Засѣкина противъ Шамхала-Тарковскаго въ 1590—91 гг.; походъ гребенцовъ, подъ начальствомъ воеводы Хворостина, на Тарки (г. Петровскъ), по просьбѣ грузинскаго царя, въ 1594 г.; походъ стрѣлцаго головы Хохлова противъ Заруцкаго и разгромъ послѣдняго подъ Астраханью въ 1614 г., что и послужило къ укрѣпленію на всероссійскомъ престолѣ перваго царя изъ дома Романовыхъ, Михаила Ѳеодоровича.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Хохловъ могъ довести до конца свое предпріятіе только благодаря своей вѣрной дружинѣ, ядро которой безусловно составляли „Терскіе вольные атаманы и Гребенскіе казаки“.

Подвигъ этотъ былъ оцѣненъ Государемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, который въ іюлѣ 1614 года, черезъ дворянина Дмитрія Погожева, послалъ имъ грамоту, въ которой говорилось:

„Милостью Божіею и нашимъ Царскимъ счастьемъ, а вашею многою службою и дородствомъ, и промысломъ Ивашка Заруцкаго и воровъ, которые съ ними были, многихъ побили и живыхъ поймали, а иныхъ въ водѣ потопили... А мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳео-

доровичъ всея Россіи, видя къ намъ и ко всему нашему Московскому Государству вашу службу, радѣніе и промысль, васъ за то похваляемъ и хотимъ васъ держать въ нашемъ Царскомъ милостивомъ жалованьи... И мы, Великій Государь, васъ учнемъ жаловать и держать въ призравніи выше прежняго и учнемъ къ вамъ присылать съ нашимъ жалованьемъ деньгами и хлѣбнымъ жалованьемъ ежегодно безперевидно, какъ бывало при прежнихъ Великихъ Государяхъ Царяхъ російскихъ, предкахъ нашихъ, и ту вашу службу учинимъ на вѣкъ памятную дѣтямъ вашимъ и внучатамъ и вы-бъ вашему Государю однолично служили, а на нашу Царскую милость и жалованье были во всемъ надежны. А Наша Царская милость будетъ къ вамъ непремѣнна”.

Къ концу XVII вѣка гребенскіе казаки настолько окрѣпли, что когда въ 1688 году кубанскій сераскиръ Казы-Гирей съ своей многочисленной ордой сдѣлалъ нападеніе на Терки, онъ, несмотря на отчаянныя усилія, все же былъ отбитъ съ огромными потерями.

Когда вступилъ на престолъ Петръ Великій, гребенскіе казаки пододвинулись къ горамъ еще ближе. Были образованы городки: Червленый, Гладковскій, Наурскій и другіе, а также нѣсколько станицъ, огороженныхъ валами. Этимъ было положено основаніе казачьихъ постовъ по рѣкамъ Тереку и Сунжѣ, а затѣмъ и т. н. „кавказской линіи“, въ защитѣ которой казаки прославились великими подвигами, проходящими черезъ всю исторію славной кавказской войны.

Въ 1722 г. изъ Терскаго войска гребенцы Петромъ Великимъ были передвинуты къ р. Сулаку и образовали новое „аграханское семейное войско“, къ которому въ 1724 г. были присоединены переселившіяся съ Дона 1000 семействъ казаковъ.

Въ 1736 г., въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, послѣ Ганжинскаго договора, аграханцы отъ Сулака были переселены къ вновь построенной крѣпости Кизляру и образовали Терско-Кизлярское войско, при чемъ старые казаки стали называться Терско-Кизлярскими, а переселенные съ Дона Терско-Семейными.

Въ 1745 г. Терско-Семейное войско было присоединено къ Гребенскому войску, но черезъ 10 лѣтъ оно снова отдѣлилось. Послѣ этого казаки получили цѣлый рядъ новыхъ организацій.

Въ 1832 г. на Кавказѣ было образовано Линейное казачье войско, въ составъ котораго вошли: Гребенское, Терско-Семейное и Терско-Кизлярское войска съ переименованіемъ ихъ въ полки. Въ 1836 г. Терско-Семейный и Терско-Кизлярскій полки были соединены въ одинъ Кизлярскій полкъ, а въ 1870 г. Гребенскій полкъ и Кизлярскій соединены въ одинъ Кизляро-Гребенскій полкъ.

Въ 1904 году полку Высочайше повелѣно именоваться „1-мъ Кизляро-Гребенскимъ генерала Ермолова полкомъ“.

Сказавъ о переформированіяхъ полка, упомянемъ о его боевыхъ дѣйствіяхъ съ царствованія Царя Алексѣя Михайловича и въ послѣдующихъ царствованіяхъ.

Въ 1671 г. Гребенцы участвовали въ походѣ на Астрахань, противъ Оедыки Шелудяка. Необходимо отмѣтить въ 1695 г. походъ Гребенцовъ съ генераломъ Гордономъ подъ Азовъ. Въ 1717 г. походъ съ Бековичемъ-Черкасскимъ въ Хиву. Въ 1722 г., по требованію Петра Великаго, Гребенцы выдѣлили 500 служилыхъ казаковъ для войны съ Персіей. Въ 1736 г. походъ атамановъ Аука и Ивана Петрова съ 5 сотнями и войсковыми старшинами Гребенцовъ подъ Азовъ. Съ 1769 по 1788 гг. участіе въ закубанскихъ походахъ. Затѣмъ въ 1791 г. доблестное участіе Гребенцовъ, подъ начальствомъ графа Гудовича, подъ Анапою. Въ царствованіе Екатерины Великой Гребенцы въ 1796 г. участвовали въ персидскомъ походѣ подъ начальствомъ графа Зубова.

Въ 1826—29 гг. персидская и турецкая кампаніи. Въ 1831 г. дѣло Гребенцовъ, подъ начальствомъ пол-

ковника Волжинскаго, со скопищемъ Казы-Муллы, близъ Гудермеса.

Въ 1845 г. Даргинскій походъ князя Воронцова. Въ 1846 году знаменитое дѣло Сулова подъ Акбулатъ-Юртомъ. Начинается Восточная война, и съ 1853—55 г. участіе Гребенцовъ въ этой войнѣ въ дѣлахъ: при Кюрукъ-Дара и при м. Пенякъ. Въ 1859 г. взятіе аула Ша-миля, Гуниба.

Въ 1864 г. покореніе Западнаго Кавказа. Въ 1873 г. походъ въ Хиву. Въ 1877—78 г. Русско-Турецкая война и усмиреніе Чечни. Въ 1885 г. походъ въ Закаспійскую область. Въ 1905 г. участіе въ Русско-Японской войнѣ, въ отрядѣ ген.-адъют. Мищенко, и наконецъ, въ 1911 г., походъ въ Персію, гдѣ Кизляро-Гребенскій полкъ находится и нынѣ въ составѣ Казвинскаго отряда.

Изъ приведеннаго перечня боевыхъ дѣйствій полка видно, что Гребенцы за свое свыше трехсотлѣтнее существованіе не мало потрудились Престолу и отечеству, за что и отличены Царскими милостями, разновременно получивъ въ награду за вѣрную службу: 122 знамени прежнихъ временъ, 2 насапки и 1 булаву. Эти нѣмые свидѣтели боевой славы полка хранятся нынѣ, въ числѣ прочихъ войсковыхъ регалій, въ г. Владикавказѣ, во дворцѣ Наказнаго Атамана *).

Кромѣ того, въ 1748 г. императрицей Елисаветой Петровной гребенской атаманъ Лукьянъ Борисовъ пожалованъ „за его вѣрныя службы“ серебрянымъ вызолоченнымъ ковшомъ, а въ позднѣйшее время 4-й сотнѣ пожалованы георгіевскія серебряныя трубы съ надписью: „За отличіе въ Хивинскомъ походѣ въ 1873 г.“, а 1, 2 и 3 сотнямъ—знаки отличія на папахъ (за Кюрукъ-Дара, Пенякъ и за умиротвореніе горскихъ племенъ

*) Высочайшія грамоты: 18 іюня 1740 года № 7669, 21 сент. 1831 г.; Высоч. приказъ 4 марта 1860 г.

Терской области и Дагестана въ 1877 г.). Въ 1881 г. за вѣрную 300-лѣтнюю службу полку пожалованъ Георгіевскій штандартъ съ Александровской юбилейной лентой и надписью вокругъ штандарта: „За боевые подвиги противъ непокорныхъ горцевъ“, и подъ орломъ: „1577—1877 г.“, а на лентѣ литеры: „І. В.“ и „А. М.“ т.-е. царствованіе Іоанна Васильевича и Алексѣя Михайловича. Ленты увѣнчаны серебрянымъ изображеніемъ шапки Мономаха.

Таковъ краткій „послужной списокъ“ доблестныхъ гребенцовъ, много потрудившихся во славу русскаго оружія.

Для участія въ торжествахъ 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ въ гор. Кострому, по Высочайшему повелѣнію, прибыла изъ Персіи, съ полковымъ Георгіевскимъ штандартомъ и хоромъ трубачей, 5-я сотня 1-го Кизляро-Гребенскаго генерала Ермолова полка Терскаго казачьяго войска, въ составѣ: командира полка, 6 оберъ-офицеровъ и 134 нижнихъ чиновъ.

Неизмѣримо высокая честь и счастье, выпавшія на долю Гребенцовъ—лицезрѣть своего обожаемаго Монарха и Его Августѣйшую Семью—вполнѣ заслужены этими доблестными представителями старѣйшаго изъ полковъ русскаго казачества, которые, какъ сказано выше, были вызваны изъ далекой Персіи въ г. Кострому спеціально на знаменательныя Романовскія юбилейныя торжества.

Какъ на рѣчкѣ на Камышинкѣ.

акъ на рѣчкѣ было на Камышинкѣ—
Собирались казаки, люди вольные,
Люди вольные собирались, безпаспорт-
ные,
Что донскіе казаки, гребенскіе и яицкіе.
Атаманомъ былъ у нихъ Ермакъ Тимо-
феевичъ,

Есауломъ былъ Гаврюшка Лаврентьевичъ.
Собирались казаки во единый кругъ.
Веѣ—донскіе, гребенскіе и яицкіе.
Во кругу стоитъ атаманушка;
Онъ рѣчь говоритъ, что въ трубу трубитъ:

„Ой вы, братцы, мои други, удалые казаки!
„Вы мнѣ думушку попридумайте:
„Ужъ какъ лѣто-то проходить, лѣто теплое,
„Настаетъ она—зима, братцы, холодная.
„Гдѣ-жъ мы зимушку зимовать будемъ,
„Какъ мы лютую коротать будемъ.
„На Яикъ итти—переходъ великъ,
„А на Волгѣ жить—намъ ворами слыть...
„Подъ Казань пойти—тамъ самъ Царь стоитъ,
„Грозный Царь стоитъ, Иванъ Васильевичъ.
„У него тамъ силы-войска много-множество:
„Тамъ намъ всѣмъ, казакамъ, быть изловленнымъ,
„По темнымъ темницамъ поразсаженнымъ,
„А мнѣ, Ермаку, быть повѣшеннымъ.
„Ой вы, гой еси, братцы, атаманы-молодцы,

„Вы, донскіе казаки, гребенскіе и яицкіе.
„Гей вы, думайте, братцы, пораздумайте
„Да меня, Ермака, вы послушайте:
„Зазимуюмъ-ка мы, братцы, всѣ въ Астрахани,
„А зимой мы, братцы, поисправимся,
„И какъ зимушка пройдетъ холодная,
„Какъ и лѣто настанетъ, братцы, лѣто теплое,—
„Мы тогда-то, братцы, во походъ пойдёмъ,
„Мы заслужимъ предъ Царемъ всю вину свою:
„Мы пойдёмъ въ походъ съ Божьей помощью
„Воевать тѣ царства бусурманскія,
„Покоримъ ихъ, братцы, Царю Бѣлому,
„Царю Бѣлому Православному“.

Старинная казачья пѣсня.

Переправа казаковъ черезъ рѣку.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Краткій очеркъ многовѣковой службы
Терскихъ казаковъ Престолу и отечеству.

Царствованіе Іоанна Грознаго.

(1530—1584 гг.).

Начало XVI вѣка представляетъ собою одну изъ самыхъ знаменательныхъ эпохъ исторіи Московскаго государства. Собственно государства, въ историческомъ смыслѣ этого слова, въ эту эпоху въ Россіи еще не было. Не существовало единства между отдѣльными составными частями страны—оно только начинало зарождаться. Мы видимъ, какъ въ эту эпоху одно за другимъ гибнутъ удѣльныя княженія и слагаютъ свое оружіе передъ усилившимся и занявшимъ рѣшительную гегемонію (главенство) княжествомъ Московскимъ.

Въ царствованіе Іоанна Грознаго вокругъ Москвы постепенно группируются все новыя и новыя области, въ свою очередь увеличивающіяся путемъ присоединенія сосѣднихъ удѣловъ. Точныхъ границъ московское государство въ это время еще не имѣло, да и не могло имѣть, потому что въ то время оно являлось какъ бы

Царь Иоаннъ Грозный—покровитель вольныхъ казаковъ, предковъ
гребенцовъ.

сплошнымъ полемъ битвы, когда еще не было выяснено, что осталось за побѣжденнымъ и что за побѣдителемъ.

Приблизительно границы Московскаго государства все таки намѣчались. На сѣверо-востокѣ лежали тогда земли теперешнихъ Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерній, на сѣверо-западѣ—губерній Новгородской и Псковской. На западѣ и юго-западѣ Московскому государству принадлежала область Днѣпра съ теперешней Смоленской и отчасти Калужской и Черниговской губерніями и западными уѣздами губерній Орловской и Курской; на сѣверо-востокѣ колонизація распространялась вдоль береговъ Бѣлаго моря по рѣкѣ Онегѣ и отъ Сѣверной Двины до Урала. На востокъ отъ Двины заселеніе только начиналось, и постепенно возникали изъ мелкихъ рыбацкихъ поселковъ все болѣе и болѣе крупные центры. За этой чертой, приблизительно опредѣлявшей границы Московскаго государства въ началѣ XVI вѣка, тянулось пустынное, незаселенное пространство—„дикое поле“, куда колонизаціонное движеніе направляется значительно позже, только во второй половинѣ XVI вѣка. Въ царствованіе Іоанна IV къ этимъ владѣніямъ Московскаго государства присоединяются Казань, Астрахань и громадныя области этихъ городовъ по нижнему и среднему теченію Волги, Камы и Вятки и по побережьямъ Каспійскаго моря. Еще позже къ этимъ владѣніямъ была присоединена и та область, которую и до сихъ поръ историки Россіи называютъ „загадочной“— область казачества, находившаяся между Волгой, Дономъ, сѣверной частью Донца и днѣпровскими низовьями. Въ эту область изъ Московскаго государства и изъ Польши въ первой половинѣ XVI вѣка стекались тѣ элементы населенія угасавшихъ удѣльныхъ княжествъ, которые не желали примириться съ новымъ порядкомъ вещей, не желали подчинить свою волю и самостоятельность Московской державѣ. Это была, такъ называемая, „казачья вольница“ (гулящіе люди), создавшая впоследствии знаменитое Донское казачье войско, а затѣмъ и войско Терское. Съ этими вольными людьми пришли на Кавказъ и предки современнаго Кизлярско-Гребенскаго казачьяго полка.

Какъ и откуда пришли на Кавказъ предки Терскихъ казаковъ, историки ясно и опредѣленно не устанавливаютъ, но въ исторической литературѣ по этому вопросу намѣчаются два главныхъ мнѣнія. Одно изъ нихъ говоритъ, что Терскіе казаки пришли на Кавказъ съ Дона, выдѣлились изъ рядовъ Донскаго казачьяго войска, которое служило для нихъ какъ бы метропо-

лей. По мнѣнію другихъ историковъ, Терскіе казаки—выходцы изъ Рязанской земли, ушедшіе отсюда въ самомъ началѣ XVI вѣка, еще до начала царствованія Іоанна Грознаго. Такъ, извѣстный изслѣдователь казачьей старины И. Д. Попко говоритъ, что Рязанская вольница пришла на Кавказъ въ первой четверти XVI столѣтія, когда Рязанскій удѣлъ совершенно утратилъ свою самостоятельность и былъ поглощенъ Москвой. Рязанскіе вольные люди подчиниться Московскому государству не пожелали, а противиться ему не было силъ, и тогда вольница поднялась съ своихъ насиженныхъ мѣстъ и двинулась изъ родныхъ краевъ къ берегамъ далекаго Терека, къ подножьямъ Кавказскаго хребта, гдѣ и осѣла на землѣ Пятигорскихъ кабардинцевъ черкесовъ *). Мнѣніе И. Д. Попко поддерживаетъ и изслѣдователь кавказской казачьей старины, М. А. Карауловъ, который въ своей статьѣ: „Можно ли считать рѣшеннымъ вопросъ о началѣ Терскаго казачества“ приходитъ къ убѣжденію, что Терскіе казаки несомнѣнно потомки Рязанской вольницы. М. А. Карауловъ считаетъ невыясненнымъ только одинъ вопросъ: откуда именно, изъ какой части Рязанскаго княжества, пришли на Кавказъ предки Терскихъ казаковъ.

Старое Рязанское княжество не соотвѣтствовало теперешней Рязанской губ.—это была громадная область, занимавшая весь востокъ тогдашней Россіи, вплоть до центрального Поволжья. Населеніе южной части этой области рѣзко отличалось и типомъ лица и нравами и нарѣчіемъ отъ населенія остальной половины, и для того, чтобы выяснитъ интересующій изслѣдователя вопросъ, онъ находитъ необходимымъ прибѣгнуть къ археологическимъ изысканіямъ въ Терской области и къ изученію народнаго говора. Эти изысканія и рѣшатъ съ достовѣрностью вопросъ о томъ, кто такіе въ дѣйствительности Терскіе казаки, откуда и почему пришли они изъ Московскаго государства на Кавказъ, тогда еще одну изъ самыхъ отдаленныхъ и мало извѣстныхъ окраинъ Россіи.

Въ документахъ Главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ С. А. Бѣлокуровымъ были найдены (въ свое время опубликованные) интересные матеріалы по исторіи сношеній Россіи съ Кавказомъ. Въ этихъ матеріалахъ мы находимъ не мало любопытныхъ подробностей о томъ, какъ завязы-

*) И. Д. Попко. Терскіе казаки съ стародавнихъ временъ.

вались первыя, оффициальныя сношенія Московскаго государства съ Кавказомъ. Мы видимъ, какъ въ 1552 г. приѣзжаютъ въ Москву, къ царю Іоанну, „Черкасскіе государи-князи“— князь Машукъ (Бугашикъ), князь Иванъ (Алеклычъ) Бузлуковъ и Танашукъ съ челобитьемъ о томъ, чтобы царь „вступился за нихъ, а ихъ съ землями взялъ себѣ въ холопи и освободилъ отъ Крымскаго хана“. До этого времени сношенія Черкесскихъ князей съ Московскимъ государствомъ были рѣдки.

Сторожевая служба казаковъ на южной окраинѣ Московскаго государства.

Московское государство въ это время было уже достаточно сильнымъ и охотно взяло черкесскихъ князей подъ свое покровительство, тѣмъ болѣе охотно, что это входило въ задачу его завоевательной политики. Одновременно съ принятіемъ Кабардинскихъ князей подъ государеву руку приняты были и Терскіе вольные атаманы и казаки.

Въ исторіи Терскаго казачества это обстоятельство играетъ очень важную роль. Въ это время Московское государство уже начинаетъ протягивать свою руку и къ тѣмъ областямъ, которыя еще такъ недавно находились далеко внѣ сферы его вліянія, къ тѣмъ областямъ, куда ушла, пытаясь сохранить свою само-

стоятельность, русская вольница изъ разрушенных удѣльных княженій. Теперь же Московское государство, завязывая связи съ Кабардинскими и Черкесскими князьями, постепенно начинаетъ завязывать ихъ и съ Терскими казаками и мало-по-малу забираетъ ихъ въ свои руки, подчиняетъ своему вліянію. И Терскіе казаки вскорѣ становятся форпостами русскаго государства на этой далекой Кавказской окраинѣ.

Выше мы уже говорили, что Терскіе казаки пришли на Кавказъ въ началѣ XVI столѣтія, какъ предполагаютъ, во второй его части. Здѣсь они осѣли сперва на возвышенностяхъ между рѣками Сунжею и Терекомъ, на такъ называемыхъ Гребняхъ (горахъ), отъ имени которыхъ позже и стали называться Гребенскими (горными) казаками. Сперва они жили самостоятельными и независимыми другъ отъ друга станицами, но мало-по-малу, съ увеличеніемъ числа этихъ станицъ, съ разростаніемъ кадра ихъ обитателей, казаки объединились въ особое Гребенское войско, сложившееся окончательно уже въ ту эпоху, когда Московское государство твердою ногою стало на Кавказѣ. Терскіе казаки заняли здѣсь пустопорожнія мѣста, очищенные отъ населенія кочевниками татарами, и съ первыхъ же дней между ними и ближайшими сосѣдями кабардинцами и чеченцами установились самыя дружескія добрососѣдскія отношенія. Гребенцы куначились и съ тѣми и съ другими, причемъ отъ кабардинцевъ переняли одежду, конское снаряженіе и холодное оружіе, а отъ чеченцевъ брали себѣ женъ. Мало-по-малу изъ гребенца „выработался типъ хозяина-воина рѣдкихъ качествъ, всегда выдѣлявшихъ его изъ общей массы даже въ средѣ такихъ войскъ, испытанныхъ отваги и удали, каковыми были всегда войска кавказской арміи“ *).

Другая часть казачьей вольницы поселилась въ устьяхъ Терека и положила основаніе войску Низовому, древнему Терскому. Въ отличіе отъ войска Гребенскаго, войско Низовое, древнее Терское, сложилось не изъ домовитыхъ хуторянъ казаковъ, а изъ голытьбы, изъ бездомныхъ „гулячьихъ“ людей, которые узнали дорогу къ устьямъ Терека уже давно, куда еще съ отцами они приходили на рыбную ловлю и охоту и цѣлыми мѣсяцами жили на охотничьихъ зимнихъ стоянкахъ. Впослѣдствіи Гребенскіе и Низовые Терскіе казаки слились въ одинъ Кизлярско-Гребенскій

*) М. А. Карауловъ. Терское казачество въ прошломъ и настоящемъ.

полкъ, исторіи котораго и посвященъ настоящій очеркъ, но до тѣхъ поръ, пока это произошло, въ жизни Гребенскихъ и Низовыхъ Терскихъ казаковъ совершился цѣлый рядъ крайне важныхъ событій. Низовые казаки осѣли на своихъ земляхъ гораздо позже чѣмъ Гребенскіе, хотя возможно, что они и пришли на Кавказъ гораздо раньше первыхъ. Объясняется это тѣмъ, что они вели большей частью образъ жизни кочевой, часто мѣняя свои стоянки. По крайней мѣрѣ городки Низовыхъ казаковъ возникаютъ гораздо позже, чѣмъ городки казаковъ Терскихъ.

Первый городокъ былъ построенъ Терскими казаками въ 1567 г. противъ устьевъ Сунжи. Исторія сохранила и имена строителей этой крѣпости — воеводъ: Бабичева и Протасьева. Еще и понынѣ близъ теперешней Щедринской станицы (Стараго Щедрина) видны остатки земляныхъ окоповъ, затерявшихся въ густыхъ поросляхъ вѣкового лѣса—остатки крѣпости „Терки“—перваго укрѣпленнаго пункта на берегахъ Терека. Гарнизонъ въ этой крѣпости, снабженной „вогненнымъ боемъ“, держали царскіе ратные люди, но въ охранной и развѣдывательной службѣ участвовали и вольные казаки, первые обитатели Терскихъ береговъ. Въ это время Гребенскіе казаки еще не считали себя на службѣ у русскаго царя, такъ какъ ихъ связь съ Московскимъ государствомъ только начинала завязываться. На Терекѣ появляются первые московскіе воеводы съ Государевыми ратными служилыми людьми, дворянами, дѣтьми боярскими и стрѣльцами. Соприкасаясь съ этимъ царскимъ войскомъ, казаки мало-по-малу начинаютъ отвыкать отъ своихъ прежнихъ хищническихъ набѣговъ на сосѣднія области и постепенно слагаются въ такое же организованное войско, какимъ была и царская рать. Въ 1571 г. крѣпость Терки была упразднена и возстановлена только спустя шесть лѣтъ воеводою Лукьяномъ Новосильцевымъ. Этотъ періодъ связанъ съ однимъ изъ основныхъ моментовъ исторіи Терскаго казачьяго войска.

Первые подвиги Терскихъ казаковъ.

Постройка крѣпости „Терки“ еще не начиналась, но въ крымскомъ ханствѣ уже все заволновалось. Крымскій ханъ Девлетъ-Гирей самъ написалъ царю Іоанну Грозному: „Послышали есьмя, что на Шамхальской и Черкасской сторонѣ городъ ставишь, чтобы Шамхальскую землю и Черкасскую изневолить,

и тебѣ бы туто города не ставить и предки твои чего не дѣлавали и тебѣ бы того не дѣлати“... Иоаннъ Грозный приказалъ отвѣтить Девлетъ-Гирею, что городъ ставится не на Крымской сторонѣ, а на землѣ царскаго тестя князя Темрюка „для береженія его отъ недруговъ“. Но Девлетъ-Гирей этимъ отвѣтомъ остался недоволенъ и отправилъ въ Черкасы сильное войско подъ начальствомъ одного изъ своихъ царевичей. Въ дѣло вмѣшался и турецкій султанъ, потребовавшій не только снесенія Терскаго городка, но и возвращенія себѣ Казани и Астрахани. Онъ приказалъ своимъ войскамъ вмѣстѣ съ Крымскимъ ханомъ прійти подъ Астрахань, взять городъ, овладѣть всѣмъ нижнимъ теченіемъ Волги и разъединить опять Московское царство съ тѣми народами, которые обитали въ низовьяхъ Терека и вообще на Сѣверномъ Кавказѣ. Планъ былъ задуманъ грандіозный, но онъ не удался. Съ самага же начала начились распри между крымскими татарами и турками. Не ладили между собою ихъ предводители, да и въ войскахъ не было нужнаго воодушевленія. Едва они подошли къ Астрахани и стали укрѣпляться, чтобы начать осаду, какъ получилось извѣстіе о наступленіи царскаго войска. Въ открытый бой вступать они побоялись, и быстро отступили *).

На пути отступающія войска турецкаго султана и крымскаго хана встрѣтили кабардинцы и разбили ихъ на голову. По мнѣнію историковъ, въ этой побѣдѣ несомнѣнное участіе принимали и гребенскіе казаки. Если въ сохранившихся крайне скудныхъ документахъ прямыхъ указаній объ ихъ участіи въ этомъ дѣлѣ и нѣтъ, то только потому, что Терскихъ казаковъ было вообще очень мало.

Весною 1571 г., пользуясь отсутствіемъ русскихъ войскъ, ушедшихъ въ Ливонію и Польшу, крымскій ханъ неожиданно вторгся въ Россію и опустошилъ всѣ южно-русскія области. Для Россіи пораженіе было крайне чувствительнымъ, и царь Иоаннъ Грозный пошелъ на уступки. Онъ обѣщалъ крымскому хану возвратить ему Астрахань и въ то же время, желая угодить султану, „чтобы показать ему братской любви знамя“, приказалъ снести Терскій городъ, а царскія войска вывести изъ него въ Астрахань **).

Въ 1572 г. положеніе измѣнилось. Крымскій ханъ повторилъ набѣгъ, но на этотъ разъ онъ былъ разбитъ воеводой княземъ Воротын-

*) Памятники утвержденія русскаго владычества на Кавказѣ, часть I, изд. Воен. Истор. Отд. при штабѣ Кавк. Военнаго округа.

**) Б ѣ л о к у р о в ѣ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ.

скимъ и изъ его 120,000 конницы остались самыя жалкія остатки. Ни о какихъ уступкахъ теперь не могло быть и рѣчи, и когда нѣсколько позднѣе въ Москву пріѣхалъ родной братъ умершаго тестя Іоанна Грознаго, Темрюка—князь Канбулатъ и просилъ снова поставить городъ на Терекѣ „для береженія ихъ отъ крымцевъ и Шамхала Тарковскаго“, царь согласился и въ 1577 г. воеводой Лукьяномъ Новосильцевымъ была поставлена на Терекѣ вторая русская крѣпость, названная такъ же, какъ и первая, „Терки“. Въ это время Гребенскіе казаки, подъ начальствомъ русскихъ воеводъ, совершили, рядомъ съ царской ратью, новый подвигъ, разбивъ остатки крымскаго войска, приходившаго въ Россію.

Съ этого момента и началась оффиціально первая боевая служба гребенцовъ русскому государству, почему съ 1577 года Высочайше повелѣно считать старшинство нынѣшняго Терскаго казачьяго войска. Въ царствованіе Іоанна Грознаго гребенцы успѣли нанести сильное пораженіе и другому, уже турецкому отряду, слѣдовавшему изъ Дербента въ Крымъ, гдѣ въ это время поднялъ мятежъ ханъ Магометъ-Гирей. Во главѣ турецкихъ войскъ стоялъ Ширмани-Османъ паша, который во главѣ значительныхъ силъ осенью 1583 г. двинулся черезъ Шамхальство Тарковское и Кумыкскія владѣнія на Сунжу, чтобы оттуда степями Сѣвернаго Кавказа проникнуть въ Крымъ черезъ Темрюкъ и Тамань. Объ этомъ движеніи узнали гребенцы. Они устроили засаду въ густомъ лѣсу, покрывавшемъ лѣвый берегъ Сунжи, и разгромили турокъ во время самой переправы у Горячаго колодца. Самъ Османъ паша успѣлъ пробиться, но казаки захватили всѣ обозы и множество плѣнныхъ. Остатки отряда Османъ паши съ трудомъ перебрались черезъ Терекъ и стали лагеремъ у горы Бештау. Но казаки зажгли степь, и турецкое войско, охваченное огненнымъ моремъ, лишенное подножнаго корма, бѣжало въ полномъ разстройствѣ. Таковы были подвиги Терскихъ казаковъ въ царствованіе Іоанна Грознаго.

Іоаннъ Грозный скончался 18-го марта 1584 г., оставивъ своему наслѣднику Феодору Іоанновичу цѣлый рядъ крупнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ, отчасти начатыхъ, отчасти намѣченныхъ, дальнѣйшей разработкой которыхъ и надлежало заняться новому царю. Въ это время, на юго-восточной окраинѣ Россіи, граница Московскаго государства была уже перенесена на Терекъ и Сунжу. За Терекомъ жили дружественныя русскимъ племена кабардинцевъ, а за ними лежала православная единовѣрная Россіи—Иверія. Не-

большіе шаги къ сближенію съ Иверіей и населявшими ее едино-вѣрцами были уже предприняты въ концѣ царствованія Іоанна Грознаго, но полное осуществленіе ихъ было сдѣлано лишь въ царствованіе Θεодора Іоанновича. И въ этомъ много помогли царю Терскіе казаки.

Царь Θεодоръ Іоанновичъ.

1584—1598 гг.

По смерти царя Іоанна Грознаго на русскій престолъ вступилъ сынъ его, Θεодоръ Іоанновичъ, человѣкъ крайне болѣзненный, и совершенно незнакомый съ дѣлами государственнаго управленія. Фактически отъ управленія государствомъ Θεодоръ Іоанновичъ устранился, и въ его царствованіе Россіей въ сущности правилъ царскій шуринъ, умный и ловкій бояринъ Борисъ Годуновъ, впослѣдствіи и смѣнившій бездѣтнаго царя Θεодора на московскомъ престолѣ.

Въ царствованіе Θεодора Іоанновича начатая его отцомъ политика по отношенію къ народамъ Сѣвернаго Кавказа продолжалась, а въ царскій титулъ въ это время даже были включены слова: „государь земли Иверской грузинскихъ царей и Кабардинской земли, Черкасскихъ и Горскихъ князей“ *). Въ эту эпоху съ Грузіей завязываются болѣе тѣсныя сношенія, прерванныя при царѣ Грозномъ вмѣшательствомъ Персидскаго шаха. Теперь уже самъ шахъ предлагаетъ уступить Россіи Кахетію, если только Россія завоюетъ Шамхальство и отниметъ у турокъ находившіеся въ ихъ рукахъ Дербентъ, Шемаху и Баку. Съ такой же просьбой обратилось къ царю Θεодору Іоанновичу и прибывшее въ Москву въ 1586 г. посольство Грузинскаго царя Александра. Самъ царь Александръ, прося заступничества у Θεодора Іоанновича, писалъ ему: „Наступили времена ужасныя для христіанства, предвидѣнныя многими Боговдохновенными мужами. Мы единовѣрные братья Россіянь стонаемъ отъ нечестивыхъ. Одинъ ты вѣнценосецъ православія можешь спасти нашу жизнь и душу“. Мысль о завоеваніи Шамхальства пришлась по душѣ московскому государству, такъ какъ попытки къ ея осуществленію и работы по болѣе тщательному укрѣпленію его кавказскихъ позицій были

*) С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи.

начаты еще ранѣе. Это было крайне важно, такъ какъ турецкое правительство не дремало и почти въ то же время прислало царевича Муратъ-Гирея ставить на берегахъ Терека турецкую крѣпость. Вполнѣ естественно, что это взволновало московское правительство, такъ какъ усиленіе на Кавказѣ турокъ угрожало его владычеству на югѣ Россіи. На Терекъ посылается изъ Москвы приказаніе Терскимъ атаманамъ и вольнымъ казакамъ никуда не отлучаться и быть постоянно наготовѣ.

Въ это же время царь Ѳеодоръ Іоановичъ отдаетъ распоряженіе объ образованіи изъ Терской окраины особаго самостоятельнаго воеводства съ сильнымъ опорнымъ пунктомъ.

Для созданія этого опорнаго пункта, весною 1588 г., изъ Астрахани отбываютъ на Терекъ ратные люди, во главѣ съ келаремъ Протасьевымъ и бояриномъ Бурцевымъ, которые и строятъ у устья Терека новую русскую крѣпость, — третью „Терку“, рядомъ съ крѣпостью Терскихъ Низовыхъ казаковъ — „Трехстѣннымъ городкомъ“, воздвигнутымъ ими приблизительно въ эти же годы. До основанія „Трехстѣннаго городка“ Низовые казаки вели вольный образъ жизни и занимались пиратствомъ. Въ эту же эпоху они сплываются вокругъ своего городка и вмѣстѣ съ царскими ратными людьми, сидящими въ новой „Теркѣ“, несутъ военную службу Московскому государству.

Вслѣдъ за строителями крѣпости прибылъ на Терекъ и *первый Терскій воевода князь Андрей Хворостининъ* во главѣ царскихъ ратныхъ людей. По его распоряженію ставится на Сунжѣ первый „острогъ“, — укрѣпленный сторожевой постъ, а затѣмъ, по берегамъ горныхъ пограничныхъ рѣчекъ, возникаетъ и цѣлый рядъ такихъ „остроговъ“.

Походъ на „Шавкала Тарковского“ начался въ 1589 г. По приказу Хворостинина воевода Засѣкинъ пошелъ „воевать Шавкала“. Во время этого похода Засѣкинъ отнялъ у Шамхала рѣку Койсу, „много людей побилъ, а иныхъ поймалъ живыми, да и самъ Шамхаль ушелъ съ боя раненымъ“ *).

Походъ Засѣкина не былъ доведенъ до конца. Этого не пожелалъ самъ царь Ѳеодоръ Іоановичъ, рассчитывая, что Шамхаль „исправится“ и изъяснитъ покорность. Но Шамхаль не исправлялся, и московскіе воеводы, сидѣвшіе на Терекѣ, начали готовиться къ новому большому походу въ его земли.

*) Б ѳ л о к у р о в ѣ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ.

Второй экспедиціей командовалъ уже самъ воевода Андрей Хворостининъ, ставшій во главѣ отряда свыше 5.000 человекъ, на половину конныхъ. Укрѣпленная крѣпость Шамхала „Тарки“ была взята русскимъ отрядомъ довольно легко, но засѣвшіе въ немъ на зимовку войска Хворостинина очутились какъ бы въ блокадѣ. Шамхаль направилъ свои дѣйствія на тыловыя сообщенія русскихъ. До русскихъ, засѣвшихъ въ Таркахъ, не доходилъ ни одинъ вспомогательный транспортъ. Въ это время къ Шамхалу подходили новыя подкрѣпленія, его поддерживали горскіе владѣтельные князьки, на возможность помощи которыхъ Шамхалу не разсчитали русскіе, начиная походъ.

Приходилось весьма трудно, и изо дня въ день положеніе становилось все безысходнѣе и безысходнѣе. Тогда русскіе рѣшили прекратить дальнѣйшее наступательное движеніе и вернуться на Терекъ. Но пробиться къ Тереку отряду Хворостинина не удалось. На отрядъ напали главныя силы Шамхала и разгромили его. Хворостининъ привелъ обратно на Терекъ, какъ говоритъ преданіе, не болѣе 300 человекъ *).

Пораженіе было ужаснымъ и тяжелымъ, но все же послѣ похода Хворостинина на Терекъ наступило спокойствіе. Городъ на Терекѣ и остроги на Койсу и на Сунжѣ стояли по прежнему и, несмотря на требованія турецкаго правительства, не были снесены. Вокругъ этихъ укрѣпленій по всей пограничной линіи раскинулись передовыя форпосты Терскихъ казаковъ. Полное спокойствіе царило на Терекѣ вплоть до послѣднихъ дней жизни царя Ѳеодора Іоанновича, скончавшагося 7 января 1598 г.

Борисъ Годуновъ и Смутное время.

1598—1613 гг.

Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ умеръ бездѣтнымъ. Съ его смертью угасла царствовавшая на Московскомъ престолѣ династія „Собирателя Земли Русской“ — Іоанна Калиты. На русскій престолъ былъ избранъ Борисъ Годуновъ—избранъ не народомъ, а кучкой приверженцевъ, захватившихъ въ свои руки власть.

Вступивъ на престолъ, Борисъ Годуновъ продолжалъ тѣ сношенія съ Кавказомъ, которыя завязались при Царѣ Іоаннѣ

*) По п.к.о. Терскіе казаки съ стародавнихъ временъ.

Грозномъ и продолжались въ царствованіе Феодора Іоанновича. Мысль о покореніи Шамхала Тарковскаго, возникшая въ предыдущее царствованіе, продолжала тревожить и Годунова, въ концѣ-концовъ и организовавшаго новый походъ въ Шамхальскія земли весной 1604 года. Во главѣ русскаго отряда стали воеводы Бутурлинъ и Плещеевъ. Силы ихъ составились изъ пришедшихъ на „Терки“ изъ Казани, Свіязска и Астрахани нѣсколькихъ стрѣлцкихъ полковъ, *къ которымъ присоединились и Терскіе казаки, какъ Гребенскіе, такъ и Низовые.*

Рать Бутурлина и Плещеева взяла Тарки штурмомъ и въ этомъ штурмѣ отличились Терскіе казаки.

Такъ же, какъ и отряду Хворостинина въ 1597 г., пришлось зазимовать въ Таркахъ и войскамъ Бутурлина и Плещеева. Зимовка, вслѣдствіе недостатка съѣстныхъ припасовъ, была полна лишеній, и воеводы рѣшили отправить часть войскъ обратно на Терекъ съ тѣмъ, чтобы они весной вернулись назадъ. Но на эти войска, возвращавшіяся на Терекъ, напалъ сынъ тогдашняго Шамхала Анди-Хана Султанъ-Мутъ. Шамхальцы потеряли до 3.000 людей и принуждены были отступить, но Султанъ-Мутъ, однако, не приунылъ и, собравъ 2.000 рать горцевъ, подступилъ къ Таркамъ и осадилъ ихъ. Русскіе отбили нападеніе съ громаднымъ урономъ для непріятеля, и Султанъ-Мутъ принужденъ былъ согласиться на переговоры. Требованіе русскихъ отвести свою рать отъ крѣпости и дать имъ свободный выходъ за Сулакъ онъ согласился исполнить, присягнулъ на коранѣ и выдалъ Бутурлину въ аманаты (заложники) своего родного сына. Но едва только русскіе выступили изъ Тарковъ и спокойно расположились на ночлегъ за рѣчкой Озень, даже не принявъ необходимыхъ мѣръ охраны, какъ Шамхальскія войска напали на нихъ и началась ужасная рѣзня. Бутурлинъ собственноручно изрубилъ Шамхальскаго аманата, оказавшагося, какъ выяснилось впоследствии, не сыномъ Шамхала, а какимъ-то преступникомъ, приговореннымъ къ смерти и помилованнымъ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ выдалъ себя Бутурлину за княжескаго сына. Въ этой рѣзнѣ, да и вообще во всемъ Бутурлинскомъ походѣ, русскіе потеряли до 7.000 убитыхъ. Палъ и самъ Бутурлинъ, погибъ Плещеевъ и многіе воеводы. Много пало людей и у дагестанцевъ, вмѣстѣ въ Султанъ-Мутомъ.

Такъ окончился этотъ бѣдственный походъ, на цѣлыя 118 лѣтъ изгладившій всѣ слѣды нашего пребыванія въ Даге-

станѣ *). „Очевидно,—говоритъ по поводу этого похода извѣстный русскій историкъ Соловьевъ, — было еще рано и не подѣ силу Московскому государству, молодому и не окрѣпшему, бороться въ этихъ далекихъ краяхъ, съ могущественными магометанами“...

Въ то время какъ царскіе воеводы съ московской ратью и Терскими казаками воевали съ Шамхаломъ, въ Россіи разыгрались событія первостепенной важности. Еще при самомъ вступленіи Бориса Годунова на Московскій престолъ прошелъ по Руси слухъ о томъ, что законный наслѣдникъ русскаго престола царевичъ Дмитрій живъ, что въ Угличѣ, вмѣсто него, былъ зарѣзанъ другой. Русскіе люди заволновались и особенно горячо откликнулось казачество, какъ одинъ челоѣкъ, ставшее на защиту, въ лицѣ царевича Дмитрія, законной династіи.

До Бориса Годунова Московское правительство дорожило казаками, старалось всяческими льготами и привилегіями привлечь ихъ къ себѣ, чувствуя всю важность организациі изъ казачества постояннаго благоустроеннаго войска, въ любой моментъ могущаго подняться на защиту страны. Борисъ Годуновъ объ этомъ не подумалъ. Онъ усмотрѣлъ въ казачествѣ только одно рѣзкое противорѣчіе излюбленному имъ прикрѣпленію къ землѣ и началъ преслѣдовать казаковъ. Казаки, понятно, относились къ Годунову съ ненавистью и видѣли въ немъ, конечно, только узурпатора, добившагося престола убіеніемъ въ Угличѣ законнаго наслѣдника Грознаго царя, который дарилъ казаковъ вольностями, угодыями и рѣками. Исходя изъ этого, вполне естественно было негодованіе казачества, этихъ приверженцевъ династической монархіи, противъ Годунова, что и заставило казаковъ стать на защиту интересовъ государства **).

Первыми поднялись Донскіе казаки, а за ними и Терскіе. Гребенскіе казаки остались въ сторонѣ отъ бурныхъ движеній Смутнаго времени, но Низовые казаки, менѣе прикрѣпленные къ землѣ, и потому болѣе подвижные, двинулись въ Россію.

Триста Терскихъ казаковъ, подѣ начальствомъ атамана Федора Бадырина, признали самозванца Илью Коровина за истиннаго сына Грознаго царя и начали собираться въ походъ. Весною 1606 г. отрядъ Коровина, возросшій до 4000 чел., пошелъ въ Астрахань, а оттуда вверхъ по Волгѣ къ Свѣяжску, а затѣмъ въ

*) В. А. Потто. Два вѣка Терскаго казачества.

**) Федоръ Чернозубовъ. Очерки Терской старины.

Тулу, гдѣ былъ осажденъ войсками воцарившагося въ то время на русскомъ престолѣ Василия Шуйскаго,—и Коровинъ былъ пойманъ и повѣшенъ. Войска Коровина, въ числѣ которыхъ было до 2000 чел. съ Терека, были помилованы и отпущены домой. Но домой никто изъ нихъ не вернулся,—какъ предполагаютъ, большинство изъ нихъ примкнуло къ новому самозванцу—Тушинскому вору, а часть осталась подъ знаменами Василия Шуйскаго.

Смутное время кончилось избраніемъ въ 1613 г. на царскій престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова—перваго царя изъ нынѣ благополучно царствующей династіи Романовыхъ. Громадную роль въ этомъ избраніи сыграли какъ Донскіе, такъ и Терскіе казаки, рѣшительно возставшіе противъ царя изъ чужеземцевъ и намѣтившіе въ цари боярина Михаила—сына своего любимаго митрополита Филарета.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ.

1613—1645 гг.

Въ царствованіе царя Михаила Ѳеодоровича Романова Русская Земля начала мало-по-малу успокаиваться отъ тѣхъ тягостныхъ тревоженій, которыя она пережила въ эпоху Смутнаго времени. Но сдѣлалось это не сразу. Весь востокъ и юго-востокъ Россіи долго еще не зналъ о воцареніи Михаила Ѳеодоровича.

Въ южной области правилъ въ то время атаманъ Ивашка Заруцкій, энергичный и хитрый человекъ, задумавшій возвести на русскій престолъ сына жены Лжедимитрія, Марины Мнишекъ, находившейся тогда въ Михайловѣ во власти Заруцкаго. Московское правительство понимало, что положеніе крайне серьезно. Понимало, что если начнется новая борьба, то она можетъ привести Россію къ еще болѣе страшнымъ смутамъ, и поторопилось принять самыя энергичныя мѣры.

Противъ Заруцкаго была послана громадная рать, во главѣ съ кн. Одоевскимъ, къ которому присоединились воеводы изъ Михайлова, Зарайска, Владиміра, Суздаля и другихъ городовъ. Спасаясь отъ Одоевскаго, Заруцкій кинулся на Волгу и захватилъ въ свои руки Астрахань, гдѣ казнилъ воеводу кн. Хворостинина и его соратниковъ, не пожелавшихъ признать въ „Ивашкѣ Маринкиномъ сынѣ“ прямого наслѣдника Московскихъ царей. Терскіе казаки отказались примкнуть къ Заруцкому. Они заявили

ему: „Отъ нашего воровства уже и такъ много пролито христіанской крови, много св. обителей и церквей Божіихъ разорено, такъ теперъ намъ больше уже не воровать, а преклониться къ государю царю Михаилу Ѳеодоровичу и ко всей землѣ“. Заруцкій послалъ въ Терскій городокъ своихъ людей съ приказаніемъ доставить къ нему Терскаго воеводу Головина, какъ государственнаго измѣнника. Но казаки своего воеводу не выдали. Нѣсколько позднѣе, когда Астрахань сама возмутилась противъ Заруцкаго, 700 человекъ стрѣльцовъ и Терскихъ, Гребенскихъ и Низовыхъ казаковъ, подъ начальствомъ стрѣлецкаго атамана Василя Хохлова, двинулись на Заруцкаго. Заруцкій 12 мая 1614 г. бѣжалъ изъ Астрахани на судахъ вмѣстѣ съ 10-тысячнымъ отрядомъ. Но Хохловъ настигъ его на Волгѣ около Астрахани и „учинилъ съ ними бой и милостію Божіею и Пречистыя Богородицы и Государевымъ счастьемъ Ивашку и воровъ побили и многихъ живыхъ поймали, а иныхъ въ водѣ потопили и гоняли за ними отъ Астрахани до моря“ *). Отрядомъ Хохлова было потоплено до 60 струговъ Заруцкаго и взято въ плѣнъ до 200 казаковъ во главѣ съ Волжскимъ атаманомъ Афанасьевымъ. Самъ же Заруцкій и слѣдовавшая за нимъ Марина и сынъ ея успѣли спастись, пустившись на легкихъ стругахъ въ открытое море. Ихъ настигли уже нѣсколько позже подоспѣвшія къ тому времени къ Астрахани царскія войска, взяли въ плѣнъ и отвезли въ Москву, гдѣ Заруцкаго и сына Марины казнили, а Марину заточили въ одну изъ Коломенскихъ башенъ, гдѣ она, по польскимъ сказаніямъ, была задушена или утоплена, а по русскимъ — умерла съ тоски по волѣ **).

Въ царствованіе царя Михаила Ѳеодоровича Романова Терскіе казаки: Гребенцы и Низовые, вмѣстѣ съ царскими войсками, совершаютъ походъ въ Малый Ногай—на „Казыевы Улусы“. Въ это время Малые Ногаи, сильно усилившіеся новыми выходцами съ Волги, внесли разлагающій элементъ въ среду преданныхъ Россіи Пятигорскихъ черкасовъ. Начались безконечныя распри и междоусобицы. Казыевцы стали возмущать и Большую Орду, стараясь переманить ее подъ власть крымскихъ хановъ ***). Экспедиція, задуманная въ 1631 году противъ Казыевцевъ, не состоя-

*) Б ъ ло ку ров ъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ.

**) С о л о в ъ е в ъ. Исторія Россіи, Т. II.

***) В. А. П о т т о. Два вѣка Терскаго казачества.

лась, и только через два года, уже въ 1633 году, по приказанію Михаила Ѳеодоровича, были отправлены на Малые Ногаи Терскіе стрѣльцы съ Терскими, Гребенскими и Низовыми казаками. Во главѣ войска сталъ кн. Семень Волконскій. Противъ московской рати Казый, владѣтель Большой Ногайской орды, выставилъ

ЦАРЬ МИХАИЛЪ ѲЕОДОРОВИЧЪ.

Род. 12 іюля 1596 г., вступилъ на престолъ 14 марта 1613 г.,
ум. 12 іюля 1645 г.

20000 всадниковъ. Къ князю Волконскому должны были присоединиться и Донскіе казаки, но они опоздали, и рать Волконскаго справилась съ Ногайцами безъ ихъ помощи. Донцы, встрѣтившіе отрядъ князя Волконскаго, возвращавшійся изъ Малыхъ Ногаевъ съ большой военной добычей, напали на него и часть этой добычи захватили въ свои руки.

Этотъ походъ на Малые Ногаи, въ которомъ участвовали и Терскіе казаки, былъ послѣднимъ ихъ походомъ въ царствованіе царя Михаила Ѳеодоровича Романова, скончавшагося 12-го іюля 1645 г.

Отъ Царя Алексѣя Михайловича до Петра Великаго.

1645—1689 гг.

Въ 1645 г. на московскій престолъ, совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ, всего лишь 16 лѣтъ отъ роду, вступилъ царь Алексѣй Михайловичъ. Мать его умерла въ тотъ же годъ и юный царь остался совсѣмъ одинъ, молодой, неопытный, легко поддававшійся всякимъ внѣшнимъ вліяніямъ. Къ счастью, въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича съ нимъ былъ всегда его бывшій воспитатель, бояринъ Борисъ Морозовъ, продолжавшій руководить царемъ и послѣ вступленія его на престолъ.

Въ первые же мѣсяцы царствованія царя Алексѣя Михайловича произошло крупное событіе, въ которомъ выдающуюся роль пришлось сыграть и Терскимъ казакамъ. Осенью 1645 г., спустя три мѣсяца послѣ восшествія Алексѣя Михайловича на престолъ, крымцы осадили Черкасскъ, главный войсковой городъ Донскихъ казаковъ. Осада длилась цѣлую зиму; казаки держались, но съ каждымъ днемъ ихъ силы все слабѣли и слабѣли. Когда объ этомъ дошли слухи до московскаго правительства, царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ дворянину Кондратьеву спѣшно собрать три тысячи охочихъ людей и пойти на помощь донцамъ. Въ то же время изъ Астрахани выступилъ князь Семенъ Пожарскій съ ратными людьми, а къ нему присоединилось еще 1200 Терскихъ и Гребенскихъ казаковъ. Начальство этимъ отрядомъ принялъ на себя князь Муцалъ Сунчалеевичъ. Какъ только крымскій ханъ узналъ о приближеніи русскаго войска, онъ тотчасъ же снялъ осаду и отступилъ.

По его слѣдамъ двинулся князь Пожарскій. По распоряженію изъ Москвы, князь Пожарскій имѣлъ право въ случаѣ успѣхитти на Перекопъ, но трогать Азова, принадлежавшаго туркамъ, не смѣлъ. Однако Донскіе казаки, находившіеся подъ его начальствомъ, вспомнили, что въ этомъ турецкомъ городѣ томятся 4000 русскихъ плѣнниковъ, и, не послушавшись воеводъ, рѣшили напасть на Азовъ. Къ нимъ присоединились и Терскіе казаки съ

охочими людьми князя Муцала. Однако взять Азовъ имъ не удалось и, бросивъ его, казаки нагрянули на рѣку Ею, разбили большой татарскій улусъ Мурзы Шатемира и съ громадной добычей вернулись въ Черкасскъ. Разгромъ цѣлаго улуса сильно встревожилъ крымскаго хана и, по его распоряженію, съ Кубани тотчасъ же при-

ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Род. 9 марта 1629 г., вступилъ на престолъ 12 іюля 1645 г.,
ум. 29 января 1676 г.

былъ къ Азову, форсированнымъ маршемъ, большой отрядъ, подъ начальствомъ Нурадинъ-Гирея. Соединившись здѣсь съ турецкими войсками, отрядъ Нурадинъ-Гирея подошелъ къ Черкасску и въ глухую полночь неожиданно напалъ на станъ князя Муцала. Терскіе казаки, находившіеся въ рядахъ Муцала, быстро изготовились и отразили непріятеля, а затѣмъ долго преслѣдовали его. Турки отступили къ Азову, а Нурадинъ-Гирей на рѣку Кагальникъ.

5

Черкасскъ былъ освобожденъ, и задача русскихъ войскъ была исполнена, но казаки не хотѣли возвращаться домой. Последнее нападеніе, произведенное Нурадинъ-Гиреемъ, заставляло думать о мести. И казаки, собравъ отрядъ въ 6,000 чел. изъ стрѣльцовъ, казаковъ: Донскихъ, Низовыхъ и Гребенскихъ и людей князя Муцала, двинулись, подъ начальствомъ князя Пожарскаго, на рѣку Кагальникъ вслѣдъ за Нурадинъ-Гиреемъ. 7-го августа 1646 г. они внезапно ударили на станъ Нурадина, разгромили его и, захвативъ громадную военную добычу и много плѣнниковъ, удовлетворенные вернулись въ свои станицы *)

Московское государство прекрасно сознавало въ то время, что такое представляютъ изъ себя казаки, и горячо цѣнило ихъ заслуги. Однако, оно не могло не видѣть, что настоящаго порядка на Терекѣ нѣтъ, и потому принимало всѣ мѣры къ его установленію. Въ іюлѣ 1650 г. послѣдовалъ указъ, по которому было повелѣно боярину Михаилу Пронскому, сидѣвшему въ Астрахани воеводой — „Терскій городъ и Терскихъ воеводъ и служилыхъ людей и казаковъ вѣдати“ (**).

Сооруженіе на Сунжѣ укрѣпленнаго острога испугало Персію, которая увидѣла въ этомъ шагѣ къ прочному утвржденію русскаго владычества на Кавказѣ, гдѣ у Персіи было много вассальныхъ владѣній. Сдѣлавъ видъ, что она не знаетъ о томъ, что Сунженскій острогъ поставленъ съ вѣдома Московскаго государства, Персія пожаловалась Астраханскимъ воеводамъ на Гребенскихъ казаковъ, якобы самовольно поставившихъ городокъ—„безъ указа въ шаховомъ владѣніи на Сунжѣ рѣкѣ, служилыхъ людей въ городкѣ устроили и черкасскую дорогу закрѣпили“. Но воеводы отвѣтили Персіи, что земля, гдѣ поставленъ острогъ, принадлежитъ Россіи и что казаки здѣсь не причемъ. Отвѣтъ этотъ шаха не удовлетворилъ. Кромѣ того, Гребенскіе казаки побили на Черкасской дорогѣ какихъ-то важныхъ персидскихъ купцовъ и это обстоятельство явилось поводомъ къ началу военныхъ дѣйствій противъ Россіи. Шамхаль Тарковскій, Эндерійскій князекъ Казаналиповъ, съ особымъ отрядомъ изъ 800 человекъ, двинулся къ Сунженскому острогу, угрожая взять его и Терки, а затѣмъ итти и подъ Астрахань. Осада острога продолжалась около мѣсяца, но казаки, несмотря на отсутствіе

*) По п. к. Гребенскіе казаки съ стародавнихъ временъ.

**) Историч. акты. Т. IV.

предметовъ первой необходимости и недостатокъ воды, не сдавались. Непрiятель усталъ и отказался отъ взятiя крѣпости, но затѣмъ совершенно неожиданно кинулся на Гребенскiе городки и произвелъ здѣсь полный разгромъ *).

Гребенскiе казаки, сидѣвшiе въ острогѣ, немедленно бросились на защиту своихъ семей, и такъ какъ некого было оставить на защиту острога, то они, забравъ всѣ военные припасы, самый острогъ сожгли. Съ тѣхъ поръ Сунженскiй острогъ не возобновлялся, но все же московское правительство, опасаясь враждебныхъ дѣйствiй со стороны персiянъ, усилило гарнизонъ Терскаго городка, пославъ туда воеводъ Плещеева и Лазарева съ большимъ отрядомъ ратныхъ людей, вооруженныхъ „вогненнымъ боемъ“.

Въ концѣ 1668 г. на Волгѣ появляется Стенька Разинъ, и Терскiе казаки, узнавъ о его подвигахъ, начали волноваться. Однако воеводѣ Прозоровскому, посланному царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ противъ Разина, удалось убѣдить Терскихъ казаковъ, и казаки отъ участiя въ авантюрѣ Разина отказались; только нѣкоторые изъ нихъ присоединились къ волжскому атаману и ушли съ нимъ въ открытое море. Въ 1671 г. Терскимъ казакамъ пришлось принять участiе въ усмиренiи буйствовавшихъ въ Астрахани людей Разина. Это было ихъ послѣднее молодецкое дѣло въ царствованiе царя Алексѣя Михайловича, скончавшагося 29 января 1676 г.

Въ царствованiе царя Θεодора Алексѣевича (съ 1676 по 1682 г.) мы встрѣчаемъ Низовыхъ и Гребенскихъ Терскихъ казаковъ въ бояхъ подъ Чигириномъ, осажденнымъ войсками крымскими и турецкими. На помощь Чигирину былъ посланъ князь Ромодановскiй, вызвавшiй съ Терека на подкрѣпленiе своихъ войскъ князя Каспулата съ его черкесами и Терскихъ казаковъ. Походъ этотъ былъ очень удаченъ и царемъ Θεодоромъ Алексѣевичемъ была пожалована князю Каспулату грамота, въ которой отмѣчаются и выдающiяся заслуги въ Чигиринскомъ дѣлѣ Терскаго казачества.

Въ 1682 г., по смерти царя Θεодора Алексѣевича, на русскiй престолъ долженъ былъ вступить его братъ Иоаннъ, но такъ какъ это былъ совершенно больной юноша, то соборомъ земли русской на престолъ былъ избранъ другой братъ Θεодора — царе-

*) Соловьевъ, Попко и Историч. акты.

вичъ Петръ. Родня царевича Іоанна (сына Алексѣя Михайловича отъ его первой жены) воспротивилась рѣшенію собора, а царевна Софья, старшая сестра царевича, сама мечтавшая о русскомъ престолѣ, подняла стрѣльцовъ и при ихъ помощи возвела на престолъ и царевича Іоанна, а сама сдѣлалась правительницей.

Въ періодъ правленія царевны Софьи на первый планъ въ дѣлѣ управленія Московскимъ государствомъ былъ выдвинутъ цѣлый рядъ крупныхъ политическихъ задачъ. Въ числѣ ихъ было намѣчено покореніе Крыма. Весною въ 1687 г. царевна Софья двинула къ границамъ Крыма 100-тысячную армію, которой командовалъ кн. Василій Голицынъ; въ составъ этой арміи были включены и Терскіе казаки. Походъ начался, но не былъ доведенъ до конца; начались сильныя жары, загорѣлась степь, и армія князя Голицына, оставшаяся безъ припасовъ и безъ воды для лошадей, должна была повернуть назадъ. Въ періодъ правленія царевны Софьи мы встрѣчаемъ и другое извѣстіе о Терскихъ казакахъ, отстаивающихъ свои городки отъ напавшаго на нихъ Кубанскаго сераскира Кази-Гирея.

Въ 1684 г., подъ начальствомъ Терскаго воеводы Тимофея Опухтина, гребенцы разбили Маницкаго *).

Императоръ Петръ Великій.

1689—1725 гг.

Въ 1689 г. двоевластіе окончилось. Правленіе Софьи прекратилось, а царевичъ Іоаннъ, совершенно разслабленный и наполовину ослѣпшій, самъ отказался отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ, и бразды правленія остались въ рукахъ 17-лѣтняго царя Петра. Прекрасно сознавая все значеніе арміи, какъ одной изъ основныхъ силъ, способствующихъ упроченію государства, Петръ Великій направилъ все свое вниманіе на ея усиленіе и развитіе. Особенно дорожилъ Петръ казаками, въ которыхъ видѣлъ мощную силу, правда, все еще безпорядочную и нуждающуюся въ организаціи на лучшихъ началахъ.

Преобразователь Россіи намѣтилъ впервые историческую задачу своего государства на Кавказѣ. Стремясь къ овладѣнію торговыми путями въ Персію, Индію и вообще Среднюю Азію,

*) В. А. Потто. Два вѣка Терскаго казачества.

Петръ I началъ борьбу за обладаніе Кавказомъ и Каспійскимъ моремъ.

Первое изъ наиболѣе крупныхъ военныхъ дѣлъ Терскихъ казаковъ въ царствованіе Петра I связано съ первымъ Азовскимъ

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ I ВЕЛИКІЙ.

Род. 30 мая 1672 г., вступилъ на престолъ 29 января 1676 г.,
ум. 28 января 1725 г.

походомъ, совершившимся весной 1695 г. Казаки отважно бились подъ Азовомъ, но эта первая осада, какъ извѣстно, окончилась неудачно, а во второй осадѣ въ 1696 г. Терскимъ казакамъ, къ ихъ великой обидѣ, участвовать не пришлось.

Въ 1707 г. Кубанскій сераскиръ Эштекъ-Каипъ-Султанъ напалъ на Терскихъ казаковъ и сжегъ ихъ крѣпость. Къ счастью, казаки не растерялись, они напали на него и разбили его силы на голову, самъ же Эштекъ-Султанъ былъ схваченъ и высланъ на жительство въ Россію. Однако, эта побѣда дорого далась Терцамъ: пожаръ уничтожилъ Терскій архивъ, въ которомъ погибло тринадцать царскихъ грамотъ, жалованныхъ Терскому войску русскими царями, начиная отъ Іоанна Грознаго, и много цѣнныхъ документовъ по исторіи Терскаго казачьяго войска.

Въ 1708 г. происходитъ одно довольно значительное событіе въ жизни Терскаго казачества. Въ этомъ году Петромъ устанавливается административное раздѣленіе Россіи на губерніи, и Астрахань, съ ея передовымъ форпостомъ Терки и казачьими поселеньями, теряетъ самостоятельность и входитъ въ составъ Астраханской губерніи, ввѣренной управленію перваго губернатора, графа П. М. Апраксина.

Въ томъ же 1708 г. Терскіе казаки участвуютъ въ кампаніи противъ шведскаго короля Карла XII. Подробностей объ этомъ боевомъ походѣ Терскихъ казаковъ въ документахъ не сохранилось, извѣстно лишь то, что для участія въ походѣ противъ Карла XII они были вызваны Петромъ, сильно полагавшимся на ихъ боевую отвагу и доблесть.

Въ походѣ на турокъ въ 1711 г., въ то время когда совершался неудачный Прутскій походъ, гр. Апраксинъ сдѣлалъ весьма удачный поискъ на Кубань, разгромивъ орду татаръ, возвращавшихся изъ набѣга на Поволжье, но въ этомъ походѣ Терскіе казаки не принимали участія, такъ какъ графъ Апраксинъ оставилъ ихъ дома для защиты Дагестанскихъ границъ.

Въ это же время Апраксинъ, вмѣстѣ съ Гребенскими казаками, разгромилъ орду татаръ, возвращавшихся изъ набѣга на Поволжье.

При этомъ надо замѣтить, что Кабардинскіе и Гребенскіе казаки сослужили въ этомъ походѣ лихую службу Апраксину.

По инициативѣ Апраксина-же, Гребенцы были поселены на лѣвый берегъ Терека, гдѣ они основали свои городки: Червленый, Гладковскій и Наурскій, сохранившійся и до сихъ поръ. Такъ получила основу Терская линія, развернувшаяся вполсѣдствіи въ знаменитую своими безчисленными и смѣлыми подвигами Кавказскую линію.

Въ 1717 г. 500 Гребенскихъ казаковъ и нѣскольکو Низовыхъ съ атаманомъ Басмановымъ, участвовали въ неудачномъ походѣ князя Бековича-Черкаскаго въ Хиву. Хивинцы вѣроломно истребили ихъ почти весь отрядъ, а съ Бековича сняли кожу.

Въ 1722 г. мы видимъ Петра Великаго уже самого появляющимся на Кавказѣ, во главѣ арміи, идущей походомъ на Персію. Съ царемъ находилась и его супруга, императрица Екатерина. Результатомъ этого похода было присоединеніе къ Россіи Дер-

Персидскій походъ Императора Петра I-го съ участіемъ Гребенскихъ казаковъ и вступленіе царя въ Тарки, 13 августа 1722 года.

бента, Баку, Решта и Астрабада. Заканчивая свой Персидскій походъ, императоръ Петръ I, на обратномъ пути въ Россію, близъ рѣчки Сулакъ, тамъ, гдѣ отъ нея отдѣляется небольшая рѣчка Аграхань, отдаетъ распоряженіе устроить на противоположной сторонѣ Сулака крѣпость, которая и была построена въ теченіе двухъ ближайшихъ лѣтъ и названа крѣпостью Св. Креста. Въ крѣпости было поселено до 800 пѣшихъ и конныхъ казаковъ. Однако, переселивъ сюда Терскихъ казаковъ, Петръ Великій нашель, что для охраны этой новой, выдвинутой на югъ, пограничной линіи ихъ слишкомъ мало, а потому, немного спустя, сюда же было переселено 1.000 казачьихъ семей съ Дона. Такъ сло-

жилось изъ Терскихъ и Донскихъ казаковъ новое казачество — Аграханское.

28 января 1725 г. императоръ Петръ I скончался. Умеръ первый русскій царь, вполнѣ оцѣнившій значеніе казачества, какъ одной изъ главныхъ военныхъ силъ Россіи.

Отъ императрицы Екатерины I до императрицы Екатерины II-й.

1725—1796 гг.

По смерти Петра Великаго, на русскій престолъ вступила его супруга, подъ именемъ императрицы Екатерины I. Государственными дѣлами она была не въ состояніи руководить, и все бремя государственной власти пало на плечи ближайшаго совѣтника императора Петра—Меньшикова *)

Въ теченіе недолгаго, всего лишь двухгодичнаго (съ 1725 по 1728 г.) царствованія императрицы Екатерины I, кавказскихъ дѣлъ въ сторонѣ не оставляютъ и дѣятельно продолжаютъ политику первыхъ русскихъ государей по упроченію русской власти на берегахъ Каспія. Въ 1726 г. главнокомандующій Сулакскаго линейнаго войска Долгоруковъ доноситъ императрицѣ о дѣятельности Аграханскаго казачьяго войска (какъ извѣстно, составившагося изъ Терскихъ и Донскихъ казаковъ). Въ этомъ донесеніи онъ характеризуетъ казаковъ съ самой лучшей стороны и заявляетъ о томъ, что онъ назначилъ имъ казенное содержаніе, котораго они до тѣхъ поръ не получали.

„Въ русскомъ войскѣ,—пишетъ Долгоруковъ императрицѣ.— есть двѣ иностранныя роты: армянская и грузинская, изъ которыхъ каждая получаетъ казенное содержаніе, русскимъ же казакамъ не даютъ ничего, а между тѣмъ они служатъ больше, не пріятелю страшнѣе“.

Въ этомъ же 1726 г. совершается и другое довольно важное событіе въ жизни Терскаго казачьяго войска—изъ Терскаго редута казаки переводятся на Сулакъ и входятъ въ составъ Аграханскаго войска.

По смерти императрицы Екатерины I, на русскій императорскій престолъ вступилъ, по ея завѣщанію, 12-лѣтній императоръ

*) Бутковъ. Матеріалы для новой исторіи Кавказа.

Петръ II, также царствовавшій очень недолго, всего лишь съ 1727 до 1730 г.

Никакихъ особенныхъ событій въ жизни Терскаго казачьяго войска въ это царствованіе не произошло.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА I АЛЕКСѢВНА.

Род. 5 апрѣля 1684 г., вступила на престоль 28 января 1725 г.,
ум. 6 мая 1727 г.

Послѣ смерти Петра II, русскій престоль заняла дочь царя Іоанна Алексѣевича, Анна Іоанновна, вдова герцога Курляндскаго, правившая государствомъ при содѣйствіи приближеннаго сановника Бирона.

Царствованіе императрицы Анны Іоанновны.

1730—1740 гг.

Съ вступленіемъ на престолъ императрицы Анны Іоанновны взгляды правительства въ отношеніи „Кавказскаго вопроса“ из-

ИМПЕРАТРИЦА АННА ІОАННОВНА.

Род. 28 января 1693 г., вступила на престолъ 19 января 1730 г.,
ум. 17 октября 1740 г.

мѣнились. Активная политика Петра Великаго, ведшая къ завоеванію Кавказа, была оставлена. Между тѣмъ тридцатитысячный Низовый корпусъ, растянутый вдоль берега Каспія, отъ Астра-

хани до Решта, испытывалъ тяжелыя лишенія въ борьбѣ съ коварными горцами и не менѣ коварной природой. Въ результатѣ, эта дорого стоящая оборона нашихъ форпостовъ на Каспіи была признана невыгодной, и по Рештскому трактату 1732 года Россія добровольно вернула Персіи завоеванную при Петрѣ I Гилянскую провинцію до рѣки Куры. Границей Россіи съ Дагестаномъ была опредѣлена рѣка Сулакъ, и потому крѣпость св. Креста, основанная Петромъ I, какъ находящаяся на правомъ берегу ея, была оставлена, а терскіе и аграханскіе казаки были переведены обратно на лѣвый берегъ Терека, гдѣ въ томъ же году была построена крѣпость Кизляръ. Такъ было образовано Терско-Кизлярское войско. Оно составилось преимущественно изъ старыхъ казаковъ: Терцевъ и Гребенцовъ, а переселенные съ Дона стали именоваться Терско-Семейными. Семейные казаки расселились вверхъ по рѣкѣ Тереку отъ г. Кизляра *).

И на новомъ мѣстѣ своей службы царю и отечеству гребенцы свято слѣдовали завѣту, преподанному ихъ дѣдамъ и прадедамъ еще Іоанномъ Грознымъ—„служить свою службу государству и беречь свою вотчину кабардинскую“.

Въ царствованіе Анны Іоанновны въ жизни Терскаго войска происходитъ нѣсколько важныхъ событій. Въ 1735—36 г., по договору съ Персіей, какъ сказано выше, была уничтожена Сулакская линія и вмѣсто крѣпости Св. Креста возникла Кизлярская крѣпость. Въ 1736 г. остатки Аграханскаго войска переводятся съ Сулака на Терекъ и селятся въ трехъ городкахъ: Бороздинскомъ, Дубовскомъ и Каргалинскомъ, подъ названіемъ Терскаго Семейнаго войска. Въ это же время переводятся къ Кизляру, въ Терскую слободку, и переселившіеся изъ Терскаго редута казаки и входятъ въ составъ Кизлярской команды князя Бековича-Черкаскаго, получая наименованіе Войска Терско-Кизлярскаго. Въ томъ же году Гребенцы, съ атаманами Аукой и Ивановъ Петровымъ, участвуютъ въ походахъ: подъ Азовъ и Кубанскомъ Калмыкскаго хана и берутъ Темрюкъ.

Царствованіе императрицы Елизаветы Петровны.

1741—1761 гг.

Въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны (1741—1761 гг.), дочери Петра Великаго, смѣнившей на царствѣ Анну

*) Дубровинъ. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ.

Юанновну, скончавшуюся въ 1740 г., происходитъ слияніе Терскаго Семейнаго войска и Гребенскихъ казаковъ (1745 г.). Однако,

ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА.

Род. 18 декабря 1709 г., вступила на престолъ 25 ноября 1741 г.
ум. 25 декабря 1761 г.

это измѣненіе оказалось неудачнымъ, и въ 1755 г. оба войска снова получили свою прежнюю самостоятельность.

Въ это время численность всего русскаго казачьяго войска увеличивается до 45,000.

„Вѣрныя службы“ Гребенцовъ въ это царствованіе были оцѣнены императрицей, которая пожаловала Гребенскому атаману Лукьяну Борисову серебряный вызолоченный ковшъ.

При царѣ Петрѣ III Ѳеодоровичѣ (родномъ племянникѣ Елизаветы, сынѣ ея старшей сестры Анны Петровны, герцогини Голштинской), царствовавшемъ съ 1761 по 1762 г., изъ Кизлярской команды князя Бековича-Черкаскаго формируется Терское Кизлярское войско.

Императрица Екатерина II-я.

1762—1796 гг.

Въ 1762 г. царь Петръ III, явившійся проводникомъ въ Россіи прусской политики, подписалъ актъ о добровольномъ отреченіи отъ престола. Онъ уѣхалъ въ Ропшу, гдѣ и скончался внезапно. На русскій престолъ вступила его супруга, Екатерина.

Съ вступленіемъ на престолъ Екатерины II воскресли и завѣты Петровской политики на Кавказѣ. Слѣдуя по стопамъ своего дальновиднаго предшественника, Екатерины II предпринимаетъ цѣлый рядъ шаговъ для усиленія оборонительныхъ и наступательныхъ средствъ Россіи на Кавказѣ. Покровительствуемые императрицей, казаки начинаютъ строить новыя станицы по рѣкѣ Тереку, а въ 1763 году, повелѣніемъ Екатерины II, былъ основанъ Моздокскій форпостъ. Такимъ образомъ линія казачьихъ поселеній на Терекѣ удлинилась почти вдвое и, опираясь на два сильныхъ укрѣпленныхъ пункта, Моздокъ и Кизляръ, положила основу Кавказской линіи, начальникомъ которой былъ въ 1769 году генералъ-маіоръ де Медемъ *).

Горскіе аулы съ тревогою смотрѣли на выросавшіе, какъ изъ земли грибы, казачьи станицы. И трудно было казакамъ провести хотя бы день безъ тревоги. Приходилось быть все время на чеку, ожидая внезапнаго набѣга чеченцевъ. Недаромъ поэтъ воспѣлъ:

„Не спи казакъ,—во тьмѣ ночной
Чеченецъ ходитъ за рѣкой“.

Эти слова поэта прекрасно характеризуютъ то состояніе вѣчной тревоги и борьбы, въ которомъ проходила казацкая станичная жизнь на Терекѣ.

*) В. А. Потто. Кавказская война въ очеркахъ и эпизодахъ.

Мирная обстановка гребенскихъ казаковъ въ домашнемъ быту въ своихъ новыхъ станицахъ не имѣла почти никакой разницы съ боевою обстановкою на кордонныхъ постахъ. Всякій рабочій день распредѣлялся такъ: съ первыми лучами восходящаго солнца, изъ станичныхъ воротъ обыкновенно выѣзжали на развѣдку казачьи разъѣзды, которые, тщательно осмотрѣвъ окрестности и закрытыя мѣста, возвращались назадъ и докладывали станичному начальству, что все благополучно и слѣдовъ черкесовъ нигдѣ не замѣчено. Тогда станичныя ворота отворялись и жителямъ разрѣшалось выгонять стада на пастьбу и выѣзжать на полевая работы.

Но если утро было туманное и ненастное, то разъѣзды, выйдя за станичную ограду, зорко оглядывали всѣ кустарники и балки и не возвращались въ станицу, пока не прояснится настолько, чтобы можно было обозрѣть окрестную даль. Такою предательскою погодою горцы обыкновенно пользовались и очень искусно устраивали свои засады вблизи станицъ, въ мѣстахъ водопоевъ и на выгонахъ.

Случалось не рѣдко, что цѣлый день иногда проходилъ въ развѣдкѣ окрестностей; рабочее время пропадало даромъ, скотина ревѣла на дворахъ, просясь въ поле, но жители, наученные горькимъ опытомъ, не трогались изъ станицъ до возвращенія разъѣздовъ.

Передъ закатомъ солнца полевая работы прекращались и жители, со своимъ рабочимъ и гулевымъ скотомъ, тянулись на ночь въ станицу, а вслѣдъ за ними съѣзжались и казаки, бывшіе въ разъѣздахъ и на денныхъ пикетахъ. Ворота запирались и караульнымъ приказывалось никого не выпускать и не впускать въ станицу. Если получалось извѣстіе о сборѣ гдѣ-либо партій горцевъ для набѣга въ нашу сторону, то жители не выходили вовсе на полевая работы; общая бдительность тогда усиливалась, а на ночь по улицамъ дѣлались загражденія изъ повозокъ, саней, плуговъ и др. домашняго скарба.

На церковной колокольнѣ днемъ и ночью стоялъ часовой, чтобы по первой тревогѣ ударить въ колоколъ. Какъ только зловѣщій гулъ колокольнаго набата раздавался въ ночной тишинѣ, призывая на тревогу—старъ и малъ становились на ноги. Взрослые и сильные брались за оружіе и спѣшили на защиту родной станицы.

На работахъ вблизи станицъ и далеко въ степи обстановка не измѣнялась: пашеть-ли казакъ поле, косить-ли онъ сѣно, или пасеть стада и табуны—у него всегда за плечами заряженная винтовка, а на поясѣ неразлучный кинжалъ. Гребенецъ ежеминутно былъ готовъ на кровавую схватку съ хищнымъ горцемъ. Горе ему, если онъ пренебрежетъ бывало опасностью и нѣсколько ослабитъ свою бдительность и боевую готовность—лихой черкесть вихремъ налетитъ на оплошавшаго и тогда—прошай казакъ!

Днемъ работаешь, потѣешь—
Солнце скрылось за бугромъ.
Тутъ скотину загоняешь
И стоишь всю ночь съ ружьемъ.
Слышишь шорохъ... Оглянулся—
„Баць“! съ ружья,—уже и нѣтъ...
Часовой на земь рухнулся,
А скотины простыль слѣдь.
Не проходитъ одной ночи,
Чтобы тихо обошлось:
Бьютъ тревогу что есть мочи—
Знать ужъ дракой началось.
Только сумракомъ затянетъ
И покроетъ все туманъ.
А ужъ хищникъ подползаетъ —
Злой, ехидный басурманъ.
Но мы все не унываемъ—
Пашемъ, косимъ и хлѣбъ жнемъ;
Въ гости хищныхъ ожидаемъ.
Ночью рубимъ ихъ и бьемъ“.—

Постоянная тревожная пограничная жизнь и близость отважнаго, предприимчиваго врага развили въ гребенцахъ смѣтливость, осторожность и находчивость въ минуту опасности. Женщины-казачки не уступали своимъ мужьямъ и братьямъ ни въ наѣздничествѣ, ни въ храбрости. Онѣ ловко владѣли оружіемъ и не рѣдко, рядомъ съ мужемъ, съ винтовкою въ рукахъ, гребеничка отстаивала свою жизнь и имущество. Мальчики-казачата съ 10 лѣтняго возраста сажались на коня и привыкали къ нему. Любовь и привычка къ лошади и оружію воспринимались съ самыхъ раннихъ лѣтъ, благодаря нагляднымъ примѣрамъ. Подростки 14—15 лѣтъ уже владѣли оружіемъ и верхомъ на конѣ стерегли стада и табуны. Подчасъ они въ одиночку становились часовыми на станичной вышкѣ или въ полѣ охраняли скотъ, зорко выглядывая „злыхъ, ехидныхъ басурмановъ“.

Въ такомъ напряженномъ состояніи, изо-дня въ день, изъ года въ годъ, въ теченіе сотни лѣтъ, текла жизнь гребенца на Кавказской линіи *).

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II АЛЕКСѢЕВНА.

Род. 21 апрѣля 1729 г., вступила на престолъ 28 іюня 1762 г.,
ум. 6 ноября 1796 г.

Императрица Екатерина—женщина, отличавшаяся необыкновеннымъ умомъ и умѣло разбиравшаяся въ самыхъ труднѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ, искренно полюбила Россію и всѣ свои силы отдавала ей. По ея воцареніи началась кипучая дѣятельность во всемъ государственномъ организмѣ. Особенно блестящи-

*) А. Рыбальченко. Памятка Хоперскихъ казаковъ.

въ ея царствованіе были внѣшнія дѣла Россіи. Надъ Турціей при Екатеринѣ II были одержаны двѣ блестяшія побѣды, послѣ которыхъ на югѣ Россіи площадь русскихъ владѣній увеличилась Крымомъ, Азовскимъ моремъ, берегами Чернаго моря, отъ Днѣстра до Кубани, и почти всѣмъ Сѣвернымъ Кавказомъ. Въ этихъ войнахъ императрицы Екатерины принимали участіе и Терскіе казаки и, какъ всегда, съ блестящимъ успѣхомъ.

Въ царствованіе Екатерины II русскія войска впервые перешли черезъ главный Кавказскій хребетъ и появились въ Закавказьѣ для поддержанія Грузіи въ борьбѣ ея съ турками.

Въ 1765 году Моздокскій форпостъ обращается въ сильную крѣпость Моздокъ, а нѣсколько позднѣе, въ 1769—70 гг., на Терекъ переводится половина Волгскаго войска, изъ котораго образуется Моздокскій казачій Поселенный полкъ. Въ 1767 г. Терское казачество посылаетъ въ Москву депутацію для участія въ работахъ по составленію новаго уложенія. Отъ Гребенцевъ ѣдутъ воеводы Біанинъ и Андреевъ, а отъ Терскаго Семейнаго войска Татаринцевъ *). У казаковъ издавна должностныя лица замѣщались въ старину выборными людьми. Во главѣ войска стоялъ атаманъ, а атаманы имѣли подъ своею властью есауловъ. Войсковому атаману принадлежала только исполнительная власть, а распорядительная находилась во власти всего войска. Для обсужденія и осуществленія разныхъ нуждъ, по мѣрѣ надобности, собирався „Войсковой кругъ“, въ которомъ и рѣшались всѣ важныя дѣла. Казачій кругъ вполнѣ былъ тождествененъ съ древнерусскимъ народнымъ собраніемъ—„вѣчемъ“.

Войсковой кругъ собирався обыкновенно на площади, изъ всѣхъ неопороченныхъ казаковъ и почетныхъ стариковъ. Посрединѣ площади, въ центрѣ круга, располагались войсковые старшины, во главѣ съ Войсковымъ атаманомъ, со знаками своей власти: булавою, бунчукомъ и знаменами. Онъ предлагалъ на обсужденіе кругу всѣ очередные вопросы, разрѣшаемые кругомъ по большинству голосовъ.

Въ 1771 г. появляется на Терекѣ знаменитый Емельянъ Пугачевъ, который пріобрѣтаетъ тамъ такую популярность, что уже въ слѣдующемъ году его хотятъ избрать атаманомъ Терскаго войска, но въ это время Пугачева обвиняютъ въ смутѣ, схваты-

*) М. А. Карауловъ. Терское казачество въ прошломъ и настоящемъ.

ваютъ и заковываютъ въ кандалы (они хранятся и до сихъ поръ въ Терскомъ Областномъ музеѣ). Пугачевъ бѣжитъ изъ Моздокской тюрьмы и направляется на Яикъ, гдѣ съ тѣхъ поръ и начались его разбойничьи „подвиги“.

Въ 1774 году казаки геройски отбиваютъ нападеніе 9000 отряда горцевъ на стан. Наурскую, при чемъ въ дѣлѣ участвуютъ и казачки.

Невольно встаетъ передъ глазами геройская оборона станицы Наурской моздокскими казаками и женщинами-казачками 11 іюня 1774 г., когда девятитысячная орда татаръ, кабардинцевъ и турокъ, предводимыхъ Шабазъ-Гиреемъ, была отбита отъ станицы послѣ отчаянной обороны жителей. Два дня бились доблестные станичники за родное гнѣздо *). Казачки-жены и матери и даже дряхлые старики и дѣти помогали славнымъ защитникамъ съ вилами, серпами и косами въ рукахъ. Женщины лили горячую воду на непріятеля, обливали ихъ головы щами, сваренными къ обѣду, или кипящую смолу и масло, подавали снаряды, заряжали ружья, сами сражались въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣдѣли ряды казаковъ... Непріятель не выдержалъ этой единоклюнной и неустрашимой защиты и обратился въ постыдное бѣгство, преслѣдуемый казаками.

Народное преданіе говоритъ, что на зарѣ, 11 іюня, въ день святыхъ апостоловъ Варѣоломея и Варнавы, два всадника на бѣлыхъ коняхъ и въ бѣлыхъ одеждахъ проѣхали вдоль вражьяго стана и навели на татаръ панической страхъ. Въ память этого чудеснаго событія въ церкви станицы Наурской устроенъ придѣлъ во имя апостоловъ Варѣоломея и Варнавы, и день 11 іюня празднуется до настоящаго времени...

Славная оборона станицы Наурской еще донинѣ жива въ преданіяхъ казаковъ и кабардинцевъ, не могущихъ еще забыть, какъ „Кабарда пошла воевать, да не справилась съ казачкими бабами“.

Вскорѣ послѣ пораженія татаръ подъ Наурской, они были настигнуты на другой сторонѣ Терека. Имъ былъ нанесенъ страшный ударъ. Около тысячи горцевъ остались на полѣ битвы. Три знамени были трофеями моздокцевъ.

Послѣ окончанія первой турецкой войны свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврической былъ назначенъ

*) Б у т к о в ъ. Матеріалы для новой исторіи Кавказа.

Намѣстникомъ и Генераль-Губернаторомъ Новороссійскимъ, Азовскимъ и Астраханскимъ. По иниціативѣ Потемкина, было рѣшено основать между Дономъ и Тереккомъ рядъ новыхъ укрѣпленій, которыя одновременно служили-бы для сдерживанія враждебныхъ стремленій горцевъ и развитія русской колонизаціи на Сѣверномъ Кавказѣ.

Въ 1777—1782 годахъ была устроена новая Моздокско-Азовская линія, начинавшаяся у Екатеринограда, при впаденіи Малки въ Терекъ, пересѣкавшая прикавказскія степи въ сѣверо-западномъ направленіи черезъ крѣпость св. Дмитрія—Ростовъ и заканчивавшаяся у Азова. Въ 1782 г. вооруженныя силы на Сѣверномъ Кавказѣ были значительно усилены образованіемъ двухъ корпусовъ—Кубанскаго и Кавказскаго.

Всѣ эти приготовленія оказались какъ нельзя болѣе полезными при объявленіи второй турецкой войны, когда Кавказская армія съ гребенцами, подъ начальствомъ новаго Намѣстника Кавказа графа Гудовича, предпринимаетъ рядъ наступательныхъ дѣйствій противъ турецкихъ силъ на Кавказѣ. Главное вниманіе графа Гудовича было обращено противъ сильной турецкой крѣпости Анапы, откуда шла религіозная пропаганда среди горцевъ, поддерживавшая въ нихъ вражду противъ Россіи. Извѣстный чеченскій проповѣдникъ Шейхъ-Мансуръ внушалъ оттуда горцамъ мысль о газаватѣ—т.е. священной войнѣ противъ русскихъ.

Въ 1785 г. Гребенцы съ атаманомъ Сехинымъ и Терцы съ Бековичемъ отражаютъ Шейхъ-Мансура съ 12000 скопищемъ, подошедшимъ къ Кизляру. Вообще въ царствованіе императрицы Екатерины II мы встрѣчаемъ Терцевъ во многихъ, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ походахъ, которые покрываютъ ихъ неуязвимой славой. Въ томъ числѣ въ походахъ подъ Анапой въ 1788-1790 и 1791 гг., въ Персидскомъ походѣ графа Валеріана Зубова въ 1796 и др. *).

21 июня 1791 г. графъ Гудовичъ съ 12 тысячнымъ отрядомъ, раздѣленнымъ на четыре колонны, штурмовалъ Анапу смѣлой и рѣшительной атакой. Крѣпость, располагавшая 83 орудіями, 12 крѣпостными мортирами, гарнизономъ изъ десяти тысячъ турокъ и пятнадцати тысячъ вооруженныхъ жителей, не выдержала смѣлаго натиска и сдѣлалась добычей русскихъ. Болѣе 130 знаменъ, 3 бунчука, вся артиллерія и громадное количество провіанта—

*) Д у б р о в и н ъ. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ.

были трофеями нашей побѣды. Въ Кавказскомъ Храмѣ Славы— Военно-Историческомъ музеѣ, въ г. Тифлисѣ, и нынѣ хранятся бунчуки Мустафы-Паши, взятые въ Анапѣ.

Взятіемъ Анапы, въ которомъ Гребенцы принимали доблестное участіе, они еще разъ доказали, что боевые завѣты все такъ-

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ I ПЕТРОВИЧЪ.

Род. 20 сентября 1754 г., вступилъ на престолъ 6 ноября 1796 г.
ум. 11 марта 1801 г.

же дороги Гребенцамъ, съ честью несущимъ государеву службу на далекой окраинѣ Россіи. Прошло пять лѣтъ, и мы видимъ гребенцовъ среди войскъ экспедиціоннаго корпуса графа Валеріана Зубова, явившагося въ прикаспійскія провинціи Персіи, чтобы наказать ее за оскорбленіе, нанесенное Россіи, какъ покровительницѣ Грузіи, нашествіемъ Ага-Магомета-Хана и варварскимъ избіеніемъ жителей Тифлиса.

Графъ Зубовъ завоевалъ почти все Каспійское побережье, а 7 мая 1796 года, послѣ энергичнаго штурма русскихъ войскъ, палъ Дербентъ. Затѣмъ были покорены ханства: Кубинское, Казикумыкское, Бакинское, Шемахинское и Карабахское. Дорога на Тавризь черезъ Адербейджанъ лежала открытой передъ побѣдоносной русской арміей.

Гребенцамъ, вмѣстѣ съ другими частями русскаго экспедиціоннаго корпуса, уже улыбалась перспектива проникнуть въ самую глубь персидскаго царства, куда еще не заходила нога русскаго солдата, но кончина императрицы Екатерины II измѣнила сразу положеніе вещей. Вступившій на престолъ императоръ Павелъ I нашель персидскую кампанію нецѣлесообразной съ интересами Россіи, и русская армія была отозвана съ театра войны*).

Въ царствованіе Екатерины II въ жизни Терскихъ казаковъ происходитъ и другое важное событіе: изъ Астраханской и Кавказской губерній *учреждается Кавказское намѣстничество съ главнымъ городомъ Екатериноградомъ*, стоявшимъ на Терекѣ. Къ концу царствованія Екатерины II Терскихъ казаковъ насчитывалось свыше 10,000 человѣкъ.

Императоръ Павелъ I.

1796—1801 гг.

Послѣ Екатерины II на русскій престолъ вступилъ сынъ ея, Павелъ I, царствовавшій съ 1796 до 1801 г. Особенно выдающихся моментовъ въ жизни Терскихъ казаковъ въ его царствованіе не было, если не считать изданнаго Павломъ I въ 1799 г. указа о сравненіи казачьихъ чиновъ съ армейскими, указа, имѣвшаго, конечно, большое значеніе и для Терскаго казачества.

Императоръ Александръ I-й.

1801—1825 гг.

Въ 1801 г. вступаетъ на престолъ императоръ Александръ I. Кавказское казачество къ этому времени выставляетъ уже на строевую полевую службу до 14,000 человѣкъ. На Кавказской линіи живутъ въ это время нѣсколько независимыхъ другъ отъ

*) Акты Кавк. археогр. Комиссін.

друга группъ казачьяго населенія: Терско-Кизлярское войско, Терско-Семейное войско, Гребенское войско, Моздокскій казачій

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I ПАВЛОВИЧЪ

Род. 12 декабря 1777 г., вступилъ на престолъ 12 марта 1801 г.,
ум. 19 ноября 1825 г.

полкъ, Моздокская Горская казачья команда и казачьи полки: Волгскій, Хоперскій, Кубанскій и Черноморское войско. Въ первые же годы царствованія Александра I казакамъ, а въ рядахъ ихъ и Терскимъ, пришлось сыграть на Кавказѣ крупную роль во

время войны съ вторгнувшимися въ Россію двенадцатью языками арміи Наполеона. Въ разгромѣ турецкой и персидской арміи казаки приняли самое дѣятельное участіе: съ 1809—1813 гг. съ княземъ Орбеліани подъ Поти, съ генераломъ Котляревскимъ, подъ Ахалкалакими и подъ Асландузомъ и Ленкоранью. Во всѣхъ этихъ бояхъ и походахъ гребенцы и линейцы принимаютъ видное участіе.

Съ началомъ царствованія Александра I связано и начало постоянной службы Линейныхъ казаковъ въ Закавказьи.

Въ 1816—1827 гг. мы встрѣчаемъ на Кавказѣ генерала А. П. Ермолова, при которомъ усиливаются Назрановскія укрѣпленія и строятся крѣпости: Грозный и Внезапная. Въ 1819 г. Ермоловъ уничтожаетъ остатки самоуправленія Терскаго казачества, подчиняя его назначаемымъ военнымъ начальникамъ. Въ 1820 году Гребенцы участвуютъ въ экспедиціи полковника Грекова въ Чечню—на Ханъ-Кале и Герменчукъ. Въ 1822 г. Кавказская губернія переименовывается въ область, подъ управленіемъ Командующаго войсками кавказской линіи *).

Послѣ смерти императора Александра I русскій престолъ перешелъ къ его младшему брату Николаю I.

Императоръ Николай I-й.

1825—1855 гг.

Начало царствованія императора Николая I ознаменовалось двумя войнами, съ Персіей и Турціей, тянувшимися почти три года (1826—1829). Обѣ эти войны, побѣдоносныя для русскаго оружія, имѣли одно важное послѣдствіе. Горцы Сѣвернаго Кавказа, воспользовавшись отвлеченіемъ всѣхъ кавказскихъ войскъ на югъ, стали мечтать о независимости отъ власти „невѣрныхъ“ гяуровъ-русскихъ. Тогда же возникъ *мюридизмъ*, окрасившій вражду горцевъ къ русскимъ въ цвѣтъ религіознаго фанатизма. Вслѣдствіе агитаціи муллъ невѣжественные, но буйные нравомъ, горцы примкнули къ газавату, т.-е. къ священной войнѣ противъ русскихъ. Во главѣ этого религіозно-политическаго движенія стать Казимуллы Гимринскій. Гнѣздомъ его былъ аулъ Гимры.

*) Акты Кавк. археогр. Комиссіи.

Отсюда онъ совершалъ набѣги на русскія крѣпости, грабилъ города и разсылалъ зажигательныя воззванія по всему Дагестану *).

Въ эпоху Николая I мы встрѣчаемъ Терскихъ казаковъ „линейцевъ“ участвующими въ войнѣ Россіи съ Персіей, а затѣмъ и съ Турціей. Въ послѣднюю войну они участвовали во взятіи первоклассной турецкой крѣпости Карса. Въ слѣдующемъ 1828 г. линейцы покрыли себя славой храбрыми подвигами у Казанлы, разбивъ на голову 30.000-ный корпусъ турецкаго сераскира. За участіе въ турецкой войнѣ боевыя награды получили и линейцы. Имъ были даны знаки „За отличіе“ и знамена съ надписью: „За отличіе въ турецкую войну и за дѣла противъ горцевъ“. Въ 1832 г. графъ Паскевичъ, назначенный въ Польшу для подавленія польскаго возстанія, взялъ съ собой туда сборный Линейный казачій дивизионъ, изъ котораго впоследствии была выдѣлена команда отъ горныхъ казаковъ, вошедшихъ въ составъ Собственнаго Его Величества конвоя и послужившая ядромъ для образованія Терскихъ сотенъ конвоя.

Новому командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса барону Розену досталась честь взять сильно укрѣпленный аулъ Гимры, угрожавшій безопасности кавказской линіи.

18 октября 1832 года русскія войска, въ авангардѣ которыхъ шли линейные казаки, взобрались на неимоверно крутыя тѣснины Гимринскаго аула, защитники котораго хвастливо сложили пословицу, что „русскіе могутъ сойти въ Гимры лишь дождемъ“. Совокупной атакой горныхъ скатовъ русскіе выбили изъ заваловъ непріятеля и послѣ кровопролитнаго рукопашнаго боя взяли Гимры. Самъ Кази-Мулла въ отчаяніи бросился прямо на штыки солдатъ.

Въ изданной по этому поводу прокламаціи къ дагестанскому народу баронъ Розенъ говорилъ между прочимъ: „Гимринцы хвастались, что русскіе могутъ сойти къ нимъ только дождемъ, но они забыли, что и камни съ горъ ниспадають, и громъ и молнія поражаютъ злодѣевъ. Да послужить сіе примѣромъ для всѣхъ враговъ спокойствія; да прибѣгнутъ они съ раскаяніемъ къ многушественному російскому правительству... Но если кто впредь осмѣлится возбуждать злоумышленія, тотъ подвергнется неминуемому строгому наказанію. Не спасутъ его ни горы, ни лѣса, ни ушелья: *вездѣ пройдутъ побѣдоносныя русскія войска*“...

*) Фадѣевъ. 60 лѣтъ Кавказской войны.

Эти послѣднія слова какъ-бы являются девизомъ всѣхъ войнъ, ведшихся русскимъ оружіемъ на Кавказѣ. Ничего не было

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I ПАВЛОВИЧЪ.

Род. 25 іюля 1796 г.. вступилъ на престолъ 19 ноября 1825 г..
ум. 18 февраля 1855 г.

въ состояніи противостоятъ русскому казаку и армейцу-солдату,
съ беззавѣтной храбростью шедшимъ иногда на вѣрную смерть
подъ напѣвъ полковой пѣсни...

Въ царствованіе императора Николая I терскіе казаки совершаютъ цѣлый рядъ блестящихъ боевыхъ дѣлъ. Такъ, на страниці исторіи занесено дѣло Гребенцовъ со скопищемъ Кази-Муллы близъ Шавданъ-Юрта, въ которомъ погибъ полковникъ Волжинскій, 19 августа 1832 г. Дѣло командира Гребенскаго полка майора Венеровскаго съ партіей чеченцевъ въ Щедринскомъ лѣсу въ 1841 г. Затѣмъ дѣла Гребенцовъ: въ 1845 году съ участіемъ въ Даргинскомъ походѣ (сухарная экспедиція) и въ 1846 г. походъ противъ горцевъ подъ Акъ-Булатъ-Юртомъ—„Сусловское Дѣло“, и, наконецъ,—участіе гребенцовъ въ „Восточной кампаніи“—самомъ крупномъ военномъ дѣлѣ Россіи въ царствованіе императора Николая I.

Остановимъ вниманіе на знаменитомъ походѣ князя Воронцова на Дарго, гдѣ скрывались скопища Шамиля, бывшаго сподвижника Кази-Муллы, взявшаго послѣ его смерти въ Гимрахъ въ свои руки страшное дѣло газавата *).

Назначенный въ концѣ 1844 года намѣстникомъ Кавказа, графъ Воронцовъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1845 года уже выступилъ въ походъ противъ Шамиля, въ Дарго. Въ отрядѣ графа Воронцова имѣлось и нѣсколько сотенъ славныхъ гребенскихъ казаковъ, въ исторіи боевыхъ подвиговъ которыхъ Даргинская экспедиція представляетъ собой одну изъ поучительныхъ и золотыхъ страницъ.

Вступивъ въ Дарго черезъ Андію, скалистую и безлѣсную часть Кавказскаго хребта, 6 іюля 1845 года графъ Воронцовъ съ отрядомъ изъ 11 батальоновъ пѣхоты, 3 ротъ стрѣлковъ, 1-й тысячи грузинской дружины, 400 казаковъ и 500 человекъ конной милиціи, при 16 орудіяхъ, вступилъ въ дремучіе Ичкеринскіе лѣса, окружавшіе Дарго, и, очистивъ завалы отъ непріятеля, рядомъ послѣдовательныхъ атакъ выбилъ Шамиля изъ позицій, заставивъ его искать спасенія въ бѣгствѣ. Дарго было предано самимъ Шамилемъ огню, и самъ онъ направился въ сосѣднія горы, призывая на помощь противъ русскихъ единовѣрные аулы.

Утромъ 7 іюля Дарго было занято русскими.

Но какъ разъ съ достиженіемъ цѣли похода графъ Воронцовъ оказался въ критическомъ положеніи: не оставалось болѣе продовольствія и провіанта, а въ тылу и впереди растлались все тѣ же Ичкеринскіе лѣса, таившіе въ себѣ коварнаго врага, за

*) Романовскій. Кавказъ и Кавказ. война.

каждымъ деревомъ, за каждымъ оврагомъ скрывавшіе засаду, противъ которой безсильна была орудійная стрѣльба. И вотъ началось знаменитое отступленіе отряда Воронцова *).

Въ продолженіе пяти дней отрядъ пробирался сквозь скопища непріятелей, на каждомъ шагу имѣя жестокія стычки, во время которыхъ приходилось бояться за цѣлость священныхъ полковыхъ знаменъ и за свободу престарѣлаго графа-главнокомандующаго. Но доблесть русскаго войска взяла верхъ, и 19 іюля 1845 г. графъ Воронцовъ соединился съ вышедшими къ нему навстрѣчу войсками генерала Фрейтага.

Много гребенцовъ сложило головы въ этомъ походѣ, о которомъ императоръ Николай I, прочитавъ донесеніе графа Воронцова, выразился такъ: „Читалъ съ большимъ любопытствомъ и почтеніемъ къ блестящей храбрости войскъ“.

Прошло девять лѣтъ и начавшаяся Восточная война (1853—1855) вновь призвала гребенцовъ къ участию въ побѣдахъ кавказской арміи. Въ лѣтописяхъ полка занесено доблестное дѣло при Кюрукъ-Дара, гдѣ анатолійская армія турокъ понесла страшное пораженіе, рѣшившее судьбу самого Карса.

Въ числѣ войскъ князя Бебутова, командовавшаго александропольскимъ отрядомъ, мы видимъ сводный Линейный казачій полковника Комкова полкъ, состоявшій изъ Гребенцовъ и другихъ Линейныхъ казаковъ.

Въ 1854 году на долю отряда Бебутова выпала отвѣтственная задача—заставить турецкія войска принять открытый бой въ полѣ и тѣмъ очистить путь на Карсъ, штурмъ котораго вполнѣ зависѣлъ отъ исхода боя въ открытомъ полѣ. Въ ночь на 24 іюля князь Бебутовъ, раздѣливъ отрядъ на авангардъ и два эшелона, двинулся на непріятеля и въ пять часовъ утра уже стоялъ со своимъ отрядомъ противъ главныхъ турецкихъ силъ, открывшихъ перекрестный артиллерійскій огонь противъ обоихъ фланговъ русскаго отряда. Наши войска были расположены такимъ образомъ: на лѣвомъ флангѣ отъ подошвы горы Караялъ и вправо стояли четыре батальона Бѣлевскаго и Тульскаго полковъ, и Кавказскій стрѣлковый батальонъ съ легкой батареей; правѣе ихъ—три дивизіона нижегородцевъ, Тверской драг. полкъ и три сотни донцевъ. На правомъ флангѣ помѣстились девять сотенъ

*) Дубровинъ. Исторія войны и владыч. на Кавказѣ.

линейныхъ казаковъ, подъ командой полковника Комкова. Здѣсь были и Гребенцы—первая сотня Гребенскаго полка.

Бой былъ рѣшенъ послѣ стремительной атаки нашихъ войскъ правымъ флангомъ и центромъ, сбившей съ позиціи непріятеля и обратившей его въ бѣгство.

Штурмъ одновременно вела и кавалерія, находившаяся на лѣвомъ флангѣ и разстроившая боевую линію турокъ своими безпрерывными смѣлыми атаками. Въ результатѣ Кюрукъ-Дара пало и турки отступили къ Карсу *). Гребенцамъ (1-й полусотнѣ 1-й сотни) за славное дѣло подъ Кюрукъ-Дара Высочайшимъ приказомъ были пожалованы знаки отличія на папахи, съ надписью: „За отличіе 24 іюля 1854 года при Кюрукъ-Дара“. Полковникъ Комковъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4 степени.

Про знаменитый Кюрукъ-Даринскій бой гребенцы и теперь вспоминаютъ въ слѣдующей пѣснѣ:

Съ Малки, съ Терека, съ Кубани
Довелось собраться намъ,
Чтобы дали басурмане
Честь и мѣсто казакамъ.
Видно турки въ самомъ дѣлѣ
Заартачились не впрокъ;
Позабыть уже успѣли
Прежде заданный урокъ.
Лѣзутъ съ грозною замашкой,—
Мы на встрѣчу выйдемъ къ нимъ,
И казацкой острой шашкой
Память туркамъ подновимъ.
Для начала, ради скуки,
Мы потѣшимся слегка.
Чтобы ихъ башибузуки
Распознали казака.
Вотъ тутъ знатная работа,
Мы потѣшимся сполна,
Гдѣ не заглянь—у насъ ворота,
А у нихъ—валить стѣна.
Вспомнимъ трудное мы время.
Какъ насъ велъ лихой Комковъ
И какъ Скобелевъ правдивый
Службу правилъ казаковъ.
Не жалѣлъ за Русь, за Бога
Своей жизни никогда,
Хотя былъ съ нами немного,
Будетъ нашъ онъ навсегда.

*) Б. и С. Эсадзе. Тверскіе драгуны на Кавказѣ.

Въ память съ турками забавы
Вспомнимъ мы Кюрукъ-Дара.
Князю Бебутову слава!
Войску русскому ура!

Въ это царствованіе Гребенское войско сперва получаетъ названіе Гребенскаго казачьяго полка (1832), затѣмъ переименовывается въ Гребенскій полкъ Кавказскаго Линейнаго казачьяго

Эпизодъ изъ Кюрукъ-Даринскаго сраженія. 24 іюля 1854 г., въ которомъ участвовали и Гребенскіе казаки.

войска (1845). Терское Семейное войско получаетъ названіе Терскаго Семейнаго казачьяго полка (1832), а Терское Кизлярское войско—Кизлярскаго казачьяго полка. Въ 1836 г. Терскій Семейный казачій и Кизлярскій казачій полки соединяются въ одинъ Семейный Кизлярскій казачій полкъ, получающій въ 1845 году названіе „Кизлярскаго полка Кавказскаго Линейнаго казачьяго войска“.

Въ концѣ 1850 г. гребенцы радостно встрепенулись, получивъ извѣстіе о предстоящемъ приѣздѣ на линію своего Августѣйшаго Атамана, Наслѣдника Цесаревича Александра Николае-

веча, нынѣ въ Бозѣ почившаго Императора Александра II, и стали готовиться къ встрѣчѣ высокаго гостя. Его Высочество, путешествуя по Кавказу, ѣхалъ изъ Керчи по Кубани на Прочный окопъ и далѣе черезъ ст. Невинномысскую и Баталташинскую на Куму и Терекъ. Во всѣхъ станицахъ Кавказскаго Линейнаго войска казаки восторженно привѣтствовали своего Августѣйшаго Атамана и имѣли счастье угощать хлѣбомъ-солью и конвоировать Великаго Князя.

Образцовый порядокъ на линіи и радушный пріемъ Его Высочества въ станицахъ заслужили полную похвалу и не остались безъ награды. Объ этомъ пріѣздѣ Великаго Князя на линію гребенцы и понынѣ вспоминаютъ въ слѣдующей пѣснѣ, мотивъ которой введенъ въ войсковой маршъ Терскаго казачьяго войска.

Съ краевъ полуночи, на полдень далекій
Могучій, Державный орелъ прилетѣлъ,
Окинулъ орлинымъ, прозорливымъ окомъ
Широкаго царства далекій предѣлъ.

Раздолья степныя, снѣжныя вершины
Покорнаго края гранитныхъ зубцовъ
Измѣривъ въ полетѣ, слетѣлъ на долину,
На клики привѣта своихъ соколовъ.

Тебя мы, Державный, давно ожидали,
Желая орлиный твой взоръ увидать;
Отъ коршуновъ хищныхъ поля очищали,
Чтобъ было просторно тебя принимать.

И славясь тобою, мы лавры добыли.
На вражьемъ порогѣ ставъ твердой стопой;
И славы избытокъ своей подѣлили
За новое имя съ безвѣстной страной.

И съ славою новою, подъ сѣнью надежной
Хоругви отчизны и власти твоей,
Мы двинемъ далеко предѣлъ порубежный
И твердою грудью заслонимъ своей.

Да здравствуй на славу Руси православной,
На радость, на счастье своихъ соколовъ!
Прими Атаманъ нашъ могучій, Державный.
Сердечные клики дѣтей казаковъ

Ура! Ура! Великому Царю.
Ура! Ура! Тебѣ богатырю.
Ура! Надеждѣ славныхъ дней,
Ура! И всей семьѣ твоей! *).

*) А. Рыбальченко. Памятка Хоперскихъ казаковъ.

Императоръ Александръ II-й.

1855—1881 гг.

Въ царствованіе Царя-Освободителя Александра II Россія находилась въ очень тяжеломъ положеніи. Государство было по-

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II НИКОЛАЕВИЧЪ.

Род. 17 апрѣля 1818 г., вступилъ на престолъ 18 февраля 1855 г.,
ум. 1 марта 1881 г.

трясено трудной и неудачной войной (Севастопольская кампанія)
съ соединенными силами почти всѣхъ главнѣйшихъ государствъ

Европы. Нужно было положить много труда и усилий для того, чтобы привести запутанный дѣла имперіи въ нормальное состояніе.

Севастопольская кампанія закончилась при императорѣ Александрѣ II почетнымъ миромъ, большую роль въ заключеніи котораго сыграли успѣхи русскаго оружія на Кавказѣ. Главнo-командующимъ кавказской арміей, генералъ-адъютантомъ Н. Н.

Взятіе Гуниба и плѣненія Шамиля 25 августа 1859 года.

Муравьевымъ была взята неприступная турецкая крѣпость Карсъ, и цѣлая турецкая армія сдалась въ плѣнъ русскимъ *).

Положивъ конецъ Восточной кампаніи 1854—1855 годовъ, императоръ Александръ II рѣшилъ довести до конца также дѣло полного замиренія горцевъ, постоянная борьба съ которыми, требуя вѣчной напряженности всѣхъ кавказскихъ военныхъ силъ, обходилась государству очень дорого.

*) Богдановичъ. Исторія Восточной войны.

Вновь назначенный наместникомъ Кавказа кн. А. И. Барятинскій рѣшилъ, съ одобренія Государя, перемѣнить самую систему борьбы съ горцами,—именно, перейти въ наступленіе. Въ результатѣ уже въ 1858 году большая часть населенія Большой и Малой Чечни изъявила покорность, и имамъ Чечни, Шамиль, потерялъ всѣ предгорія. Горцы стали отпадать отъ него, да и самъ Шамиль сталъ изнемогать.

Видъ г. Хивы.

Къ началу 1859 года Шамиль бѣжалъ въ свое послѣднее убѣжище—гору Гунибъ, гдѣ онъ собралъ партію защитниковъ-фанатиковъ, располагая четырьмя орудіями.

10 августа 1859 года дагестанскій отрядъ барона Врангеля обложилъ Гунибъ 20 батальонами, 7 сотнями, имѣя въ резервѣ 6¼ батальоновъ, 4 эскадрона, 6 сотенъ и 14 орудій.

Здѣсь были и гребенцы, которымъ досталась честь раздѣлить славу съ Кавказскими войсками, завершившими дѣло покоренія Восточнаго Кавказа взятіемъ Гуниба.

Въ 1864 году было закончено покореніе и Западнаго Кавказа. Въ дѣлахъ противъ Чечни и Дагестана терцы принимали выдающееся участіе *).

Въ царствованіе Императора Александра II въ 1870 г. Гребенскій и Кизлярскій полки были соединены въ одинъ Кизляро-Гребенскій полкъ Терскаго казачьяго войска. Въ томъ же году этотъ полкъ получилъ названіе Третьяго Кизляро-Гребенскаго полка Терскаго казачьяго войска. Въ 1879 году полкъ былъ названъ Кизляро-Гребенскимъ Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Великаго герцога Фридриха Мекленбургъ-Шверинскаго полкомъ Терскаго казачьяго войска.

Спустя полтора ста лѣтъ послѣ несчастнаго похода кн. Бековича-Черкаскаго, Терскіе казаки вновь приняли участіе въ походѣ на Хиву въ 1873 году. Русскія войска вели наступленіе тремя отрядами по различнымъ направленіямъ: отъ Туркестана, Оренбурга и Мангишлака; въ этомъ послѣднемъ направленіи находились кавказскія войска и между ними четыре сотни кавказскихъ казаковъ, въ числѣ которыхъ была и Кизляро-Гребенская. Соединенными войсками 29 мая 1873 года Хива была взята.

Императоръ Александръ III.

1881—1894 гг.

Послѣ мученической кончины Царя-Освободителя на русскій престолъ вступилъ Императоръ Александръ III — Царь-Миротворецъ, за тринадцать лѣтъ царствованія котораго у Россіи не было ни одной войны, если не считать небольшой стычки съ афганцами на Кушкѣ въ 1885 г., въ которой дѣятельное участіе принимали и Терскіе казаки.

Въ царствованіе Александра III въ 1882 г. полкъ былъ разделенъ на три очереди, съ присвоеніемъ полку первой очереди названія: I Кизляро-Гребенскій Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Великаго герцога Фридриха Мекленбургъ-Шверинскаго конный полкъ Терскаго казачьяго войска.

Въ 1885 году командующему войсками кавказскаго военнаго округа и главноначальствующему гражданской частью на Кав-

*) Фадѣевъ. 60 лѣтъ Кавказской войны.

казѣ были присвоены права и званіе Войскового Наказнаго Атамана кавказскихъ казачьихъ войскъ. Первымъ Войсковымъ Наказнымъ Атаманомъ былъ генералъ-адъютантъ князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ III АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Род. 26 февраля 1845 г., вступилъ на престолъ 1 марта 1881 г.,
ум. 20 октября 1894 г.

Въ 1892 г. было введено въ Терскомъ войскѣ новое „Положеніе объ общественномъ управленіи станицъ казачьихъ войскъ“.

*7

Е. И. В. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
въ бытность Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Августѣйшимъ Атаманомъ
казачьихъ войскъ.

Императоръ Николай II.

Въ 1894 г. Императоръ Александръ III скончался въ Ливадіи, и на русскій престолъ вступилъ нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ Николай II.

Императоръ Николай II явился продолжателемъ мирной политики своего Августѣйшаго Отца. Уже черезъ 4 года послѣ вступленія ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА на престолъ, по инициативѣ Государя, была созвана въ Гаагѣ мирная конференція изъ представителей европейскихъ державъ, задачей которой было положить предѣлъ все возрастающему и возрастающему вооруженію европейскихъ государствъ.

Однако, въ 1900 г. Россіи на Дальнемъ Востокѣ пришлось принять участіе въ подавленіи боксерскаго возстанія, а въ 1904 году, когда на Россію предательски напала Японія, перенести тяжелую и неудачную для насъ войну.

Уже съ самаго начала Русско-Японской войны сердца Терскихъ казаковъ загорѣлись желаніемъ двинуться на Дальній Востокъ и подновить боевую славу своихъ доблестныхъ дѣдовъ и отцовъ. Когда стали формироваться такъ называемые Терско-Кубанскій и 2-й Дагестанскій конные полки, кадры которыхъ составились изъ терцевъ и кубанцевъ, то отъ охотниковъ не было отбоя *). Для отправки на Дальній Востокъ была сформирована сводная кавказская дивизія, въ составъ которой вошли и Терскіе — Кизлярско-Гребенскій и Сунженско-Владикавказскій — полки и 2-я Терская батарея.

Въ Японской войнѣ Терскимъ казакамъ пришлось сыграть крупную роль. Ихъ отряду была поставлена задача пробраться въ тылъ западной группы японской арміи и закрыть пути, по которымъ подвозились къ японской арміи свѣжія войска и провіантъ. Задача эта была исполнена блестяще: казаки дошли до самаго Синминтина и, произведя переполохъ въ тылу у японцевъ, благополучно возвратились обратно, приведя съ собой болѣе 200 человекъ плѣнныхъ японцевъ. Серьезное участіе пришлось принять кавказскимъ казакамъ и въ бою на холмахъ у деревни Санвайзы.

*) М. А. Карауловъ. Терскіе казаки въ прошломъ и настоящемъ.

Въ октябрѣ дивизія, въ составѣ всего корпуса, была передвинута на зимнія квартиры, и тогда же Терскимъ казакамъ, во главѣ съ генераль-адъютантомъ Мищенко, выпала на долю обя-

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

занность усмирить беспорядки во Владивостокскомъ гарнизонѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ походно-боевой жизни на поляхъ далекой Манчжуріи и владивостокская командировка дали возможность еще разъ убѣдиться въ томъ, что терскій казакъ умѣетъ вѣрой и правдой служить Царю и Отечеству, не теряя твердости духа

и вѣры въ себя ни въ тяжелыхъ условіяхъ походной жизни, ни въ жаркомъ бою съ врагами внѣшними, ни въ години общей разрухи и столкновенія съ врагами внутренними *)).

Въ царствованіе Императора Николая II, въ 1896 г., послѣ кончины шефа, полкъ получилъ названіе—1-й Кизляро-Гребенскій полкъ Терскаго казачьяго войска, а въ 1904 г. былъ переименованъ въ 1-й Кизляро-Гребенскій генерала Ермолова полкъ Терскаго казачьяго войска.

Послѣ Японской войны и нѣсколькихъ лѣтъ мирной жизни въ г. Грозномъ, въ 1911 году полкъ былъ командированъ въ Персію для водворенія тамъ порядка и спокойствія, нарушенныхъ возникшей смутой, крайне затруднявшей торговлю Россіи съ этой страной **).

Мы не будемъ здѣсь описывать самага пребыванія Гребенцовъ въ Персіи—это послужитъ предметомъ изложенія въ будущей работѣ.

Въ концѣ 1912 г., съ приближеніемъ времени юбилейныхъ торжествъ по случаю 300-лѣтія славнаго царствованія Дома Романовыхъ, командиръ Гребенскаго полка, полковникъ Рыбальченко, возбудилъ передъ высшимъ начальствомъ ходатайство о командированіи ввѣренныхъ ему Гребенцовъ въ Кострому для непосредственнаго участія въ торжествахъ.

Это ходатайство было уважено, и по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію въ Кострому была отправлена 5-я сотня полка. Подробное описаніе юбилейныхъ торжествъ въ Костромѣ и участіе въ нихъ прибывшей изъ Персіи сотни Гребенцовъ служить предметомъ изложенія во II-й части настоящей „Памятки“.

*) М. А. Карауловъ. Терскіе казаки въ прошломъ и настоящемъ.

**) Приказъ по Кавказскому военному округу за 1911 годъ.

Приложенія къ I-ой части.

ВЫПИСКА

изъ документовъ *) Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Дѣла кабардинскія 1614-го года № 2.

Извѣтъ Астраханскаго головы Василья Хохлова о происходившихъ въ Астрахани и Теркахъ отъ Ивашки Заруцкаго и отъ Маринки Отрепьевой дѣйствіяхъ; и о поведеніи сосѣднихъ тамошнихъ народовъ Кабардинцовъ, Кумыкъ, Персіянъ и прочихъ. (Начала нѣтъ).

. . . . А турскій Шахъ въ миру другої годъ межъ ихъ войны нѣтъ; и ссылка и помилки межъ ихъ были; а на томъ помирились и на колко лѣтъ, того онъ не вѣдаетъ. А города свои Шахъ, которые были за Турскими: Дербенъ, Шамаху, Ардевитъ, Келжанъ и иные поималъ у Турского всѣ тому годы съ четыре; а после того учинились мирны; а кто изъ нихъ напередъ миру похотѣлъ того не вѣдаетъ . . . А съ чѣмъ Ивашко Заруцкой къ Шаху брата ѡво Івана Хохлова ꙗко Якова Глядикова послалъ, тово онъ не вѣдаетъ. А къ нимъ Ивашко на Терки о томъ ничего не писывалъ; а писалъ на Терку къ воѣводамъ къ Петру Головину братъ ѡво Іванъ Хохловъ да Яковъ Глядкой изъ Шаховой земли, проѣхавъ Шамаху, а не доѣзжая Пенжена за пять верстъ и прислалъ грамоты къ вору къ Ивашку Зарутскому и Петру Го мота послатъ въ Астраханъ къ вору къ Ивашку Зарутскому и Петру тѣ грамоты послалъ къ Ывашку в Ѳилиповъ постъ съ пятидесятикомъ съ трелецкимъ Борисомъ Сарачихины, а что въ ыхъ писано, того не вѣдаетъ, потому что ихъ на Терке не распечатывали.

А къ нему Василю братъ ѡво Іванъ писалъ въ тѣхъ поръ, что они пришли блиско Шахова города Келжина. А Шахъ де идетъ воѣватъ

*) Документы приложеній № 1—4 1-й части извлечены изъ архива М. И. Д. въ Москвѣ В. Р. Апухтинымъ, предоставившимъ таковыя въ распоряженіе составителя „Памятки“.

Грузинские земли и чают того, что они увидят Шаховы очи
А болши тово к нему ничево не писано. А прївез тѣ грамоты
Кумыцкой Гирѣй княз; а был он у Шаха, а не у Кумык; і тѣ
грамоты прислал в Терской городъ с узденем своим.

Да внынешнемъ во РКВ (122) году мясоѣд, перед
масляницею, проезжал на Быструю от Терка верстъ з двадцат
Салтанъев сынъ Тюменской Салтан Рун Мурза, а былъ он наперед
того на Терке в аманатех и отецъ ево тертъ изменил
отступилса, и он с Терка сослан был при Царѣ Борисе в Аста-
раханъ; а в Астарахани сидѣл в тюръмѣ лѣт десят. И какъ
Івашко и Маринка отпустили к Шаху Івана Хохлова, да и он
бил челом Шаховым купчинам у Маринки выпросит и
отвезти к Шаху. И купчины ево у Маринки выпросили и взяли
с собою к Шаху. Кол у Шаха былъ и Шахъ іво отпустил опят
из Грузеи в Тюмен, а говорил іму і о ворех. Какъ он был у Шаха
и Шах іво роспрашивал, давно л он в Астарахани коими обы-
чаими; и он Шаху сказывал, что был на Терке в аманатех и отец
іво отступилса и он бы в Астарахани в тюръме. А Шаховы де
ближние люди ево роспрашивали: каков город Астрахан и скол
крѣпок в каковом мѣсте стоит и сколко в нем людей і каковыми
Маринка молода и скол хороша и сынъ еѣ велик ли и каков
Боярин Іванъ Заруцкой; а почитаютъ ли іво Астараханские люди;
и каковы русские люди дратца на волѣ, на поле или в лесу. А
про Терской городево спрашивал также, что и про Астрахан про
все: про город, про крѣпост и про людей. И он де Салтан Гун
Шаховым ближним людем сказывалъ, что городъ Терской стоит
у моря про меж водъ, около ево рекм зашли і камыши и озера;
и приход к нему воинских людей добрѣ труден. А про Астарахан
де сказал, что он стоит на острову, а город каменной; а людей
в нем тысяч з десят. А к драке люди русские бойицы; и на поле
дратца горазды; а бой у них вогняной. А только русских людей
у лесу будут сто человѣкъ и против ихъ иноземцов надобе пят
сот человѣкъ. А на Терке де городе люде много ж, толко смѣты
не знает. *А по Терке рекъ и по иным рѣчкам живут* волные
і многие люди-казаки. И Маринка де в Астарахани, молода, и
сынъ еѣ невеликъ. А Боярина Івана Зарутцково Астараханские
люди почитаютъ. И они де івов допрашивали: можно де тѣми
людми, которые въ Астарахани да на Терке Москву взят. И он
де сказал: буде Шах к ним на помоч людей и они Москву возмут,
а только на помоч Шах людей не пошлет, и тѣми людми, что в

Астарахани да на Терке Москвы не взят. Да он же де сказывал говорили де ему посланные Иван Хохлов да Яков, которые посланные из Астарахани, что им Шахъ говорилъ: хочет послат в Гелян собрать велит VI (12.000) Тюмені и хочет им дати на помощь Маринке. Да от Шаховых де от людей служивых слышалъ говорили меж себя, что Шаховы ближние люди говорили Шаху—для чево вору в Астарахан казну дават, коли будет Московское Государство строица и будетъ на Московском Государстве Государ тогды будет у тебя с Московским Государем дружба и братство и любов и казною де может, а ныне к воров казны посылат нѣчего для. А как на Терке про воровъ вѣст учинилас великом постѣ, и они, поцеловав крестъ, пошли под Астарахан на вербной недели во Ѳторникъ с Терки, а под Астарахан пришли на Страстной неделе в серед. И под Астараханью стояли недели с три, и тесноту всякую Астарахани чинили. А после Велика дни на трете неделе, съ четверга на пятницу, в ночи Івашко Заруцкой из Астарахани побежал. Для береженя Івашка поставил острог от города от ворот до реки Волги с обе стороны. А выбѣжав из Астарахани, стоял на Волгѣ выше Астарахани верст с три . . . А он Василей с ратными людьми вшел в город и всяких людей привел х крестному целованю и поставил караулы, чтоб оніи ночью Астрахан протокою на ніз не прошли. И на утренной зорѣ Івашко со всѣми людьми, которые с ним вышли, пошел мимо Астарахани в судѣх, а людей с ними і всякихъ было тысяча пятьдесят человекъ; и они с ним учинили бой и, милостию Божіею и Пречистые Богородицы, а Государевымъ счастьемъ Івашка і воров побили и многих живых поимали, а иных в водѣ потопили и ганялис заніми от Астарахани и на море, а как стала ноч и они с моря воротилис назад. А быдо с Ывашком всѣх 93 струги, а после побою осталось их только 33 струги, а то всѣ струги выбили и потопили и живых поимали. А как он Василей поѣхал из Астарахани к Москве и будет повыше Саратова на Иргесе и тут ему сказали про воровских казаков и он послал сына Боярсково Архипа Яншина, а с ним казаков 20 человекъ и они изымали воровских казаков шти человекъ и привели к нему. А в роспросе ему тѣ казаки сказали, что как былі они з Заруцкимъ и с тое послѣдней ночи от Заруцково воротилис с моря, а вестей ему сказали, что казакі Івашка Заруцкаго и Маринку и сына еѣ Араслана и закладных мурз, которые были в Астарахани, а Івашка взялъ с собою розными по себѣ по разным

стугом. А приговорили Атаманы и казаки, что итти на Яикъ, а на Яике добывся запасами рыбою итти на Волгу; а что их умыслъ вперед, того не вѣдают. А Івашка Заруцково казаки не слушают. Да Василей же сказал: какъ побии вора Івашка Заруцково, и на том бою взяли Паню Казановскую да Пана Попруцково да убили Римского чернца, что был на Соловках ꙗ Нїколая Оренцеколеса да Литовсково попа Онтоня. А взял с собою Івашка Араслана да Урак мурзу, которой был прислан с Терка с нагошами людми Івашку на помоч. Да закладных мурз ресова сына Ахмет мурзу да Каракел Маметева сына. А двум мурзам имяны и которыхъ пород того не упомнит. А менял бы ходе тѣх мурз всѣх казаков иш Тереку на зіпуны и на . . . на басаргѣ на учюг от Астарахани ̄ (60) верстѣ . . . их было Иван Заруцково не дават и то им помешал тѣмъ, что . . . де послали их под Астарахан. А от Боярина ꙗ воеводы от князя Івана Никитича Одоевского с товарищи головы с ратными людми пришли в Астарахан после побою спустя на пятой недѣли после Велика днї. А князь Иван пришел в Астарахан на шестой неделе в середу; а людей с нимъ ̄ (5) Приказовъ стрелцов, во шестом иноземцов и дворянъ и дѣтей боярскихъ казачев, да Вятчане, а сколько их всѣх числом и тово он не вѣдает. А за Івашком Воеводы послали головъ Гордѣя Палчикова да Сава с приказы, да в прибавку с ними Астараханскихъ ̄ (500) человѣкъ стрелцов в судѣх Болдою рекою да на море осмотра въ Яикъ и велѣли имъ Івашкомъ промышлят, а что их над Івашком будутъ промыслы, того онъ не вѣдает, а чает то, толко с ними сойдутца, и чает, что Государевы люди над ним промыслы учинят вскоре. ꙗ Василей запрашивал толко Івашко послужит к Шаху и мол почему прити и на которое мѣсто подет мочно . . . Василей сказал, что ему отнюд к Шаху проити не мочно потому Терки нїкоім дѣлы до Кумык проити нелзѣ, а хот Терку и пройдут, и ево тут возмут и побют отъ Кумык не мочно, потому что оттуда не на усах итти в стругах нїкоим обычаем можно—кряжей камен великой того онъ не знает. А Уурсова родства под Астраханю Государю служат: Кнай Мурза, у а Кудаш Мурза да

ВЫПИСКА

изъ документовъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Дѣла кабардинскія
1614 г. № 3.

Выборки изъ грамоты царя Михаила воеводѣ Боярину князю Одоевскому съ товарищами.

Отъ царя і великаго князя Михаила Федоровича всеа Русіи Боярину нашему і воеводѣ Князю Ивану Никитичю Одоевскому да Окольничему Нашему і воеводе Семену Васильевичу Головину да Дьяку Нашему Василью Юдину нынешнего РКВ [1722—1614] году, июня въ Е (5) день, пісали есте к намъ с татарским талмачемъ с Стипанкомъ Офонасьевым, что вы пошли с Казани . . . і на Самару мая въ Е [5] день, а на Самару пришли мая въ ДІ [14] день и маяж въ ЗІ [17] день вышли к нам на Самару із Асторохани Астороханские конные стрѣльцы Григорьевскаго Приказау Застѣцкаго Мокинка Караганъ съ товариши семнатцать человекъ... про Астороханские дѣла сказали, і вы о томъ к нам пісали да выжъ пісали к нам, что Терские люди отъ Асторохани отстали и целовали крестъ на Терке всякие люди намъ. Да того ж числа прѣѣхали на Самару в станице сынъ Боярский казанецъ терской годовальщикъ Костентин Шушеринъ і Терские дѣти боярские і сотники і атаманы і казаки і стрельцы, всего шестнатцать человекъ, а съ ними пісал к намъ с Терка Воевода Петръ Головинъ і всѣ Терские люди, что они слыша про насъ, что мы великий государь учинились на Московскомъ государствѣ государемъ царемъ і великимъ княземъ всеа Русіи и они намъ целовали

крестъ послали к Нам Сотника Костентина Шушерина стоварыші, а под Асторохан послали с Терка для тоѣ станицы провожанья Голову стрелецкаго Василья Хохлова, а с нѣмъ *атамановъ і казаковъ* і стрельцовъ пятьсотъ человѣкъ. А что Василей Хохловъ пісал изъ Асторохани про вора про Івашка де Заруцкого и что их над Івашком Заруцкимъ промыслы и чтоб по тѣмъ Астороханским вестемъ послали с Самары к Асторохани головъ, а съ ними детей боярскихъ і *сотниковъ* и стрельцовъ...

ВЫПИСКА

изъ документовъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Кабардинскія дѣла 1614 г. № 5.

Отписка Терскаго воеводы Петра Головина.

Государю царю і великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русіи холопъ Твой Петрушка Головинъ челом бьетъ: въ нынешнемъ, **государь**, въ **рѣк** [7122 — 1614] году, августа въ **и** [18] день, в Твоей в **государеве** **цареве** і великаго князя **Михаила Федоровича** всеа русіи грамоте писано ко мне холопу Твоему на Терекъ, что по Твоему **государеву** указу посланъ от Тебя **государя** с Москвы под Астрахан и на Терекъ ко мне холопу Твоему к Терским жилецкимъ людемъ с Твоими **государевыми** грамотами Астраханской жилецъ Болгдан Износковъ да *Терские станишники Яков Курачерин і вольной атаманъ казачей Олеска Ивановъ* да Терской конной стрелецъ Монгалъ Коневлевъ... И Астраханской жилецъ Богданъ Износковъ с Твоими **государевыми** грамоты на Терк приѣхал, а привес ко мне холопу Твоему отъ Тебя **государя** грамоту за приписью Твоего **государева** Дика Олексѣя Шапилова, другую грамоту привес на Терек к Двореню і к головам к детем боярскимъ к стельцом и *казакю* і ко всему миру Терскаго города, а третья, **государь**, грамота написана под Асторохан к голове к Василью Хохлову і к *атаманю и казакю* і ко всемъ ратнымъ людем. И я холоп Твой тѣ Твои **государевы** грамоты взял у ево Богдана Износково велѣл вычест у соборново храму у Троицы Живоначальные всемъ людем вслух во весь мир Терскаго города. А в Твоей **государеве** грамоте писано ко мне холопу Твоему на Терек какъ велено холопу

Твоему о Твоей **государевъ** вѣдомо учинилось. И я холоп Твой, помня Бога и душу свою и прежних **великих государей царей росиескихъ предковъ твоихъ государевыхъ** к себѣ жалованье и свою к ним службу и правду обрадовался и **тебѣ великому государю** я холоп Твой крестъ целовал с великою радостью и Кабардинских черкас на то привел, что им Тебѣ **государю** служить и под Твою **государеву** вотчину и под Асторохан на изменника Твоего **государева** и на разорителя истинныя православныя христианские вѣры Государства Московскаго на Івашка на Заруцсково послал я холоп Твой с Терка с Терскими с ратными людьми и с *волными атаманы і казаки* Голову стрелецкого Василя Хохлова, а велѣлъ им над Астороханскими воры над Івашкой Заруцким промышлять, И ты, **великии государь**, слыша мое холопа Твоего к собѣ к **государю** і ко всему Московскому государству прямую службу за то меня холопа Своего похваляеш и мнѣ холопу Твоему какъ службу свою зачат, такъ и совершить. И с Твоим **государевымъ** Бояриномъ и с воеводы со князем Иваном Никитием Одуевским с товарищи о Твоих **государевыхъ** о всяких дѣлах ссылатца и над воромъ над Івашкомъ над Заруцкимъ с товарищи промышлят. А ты, де, **великии государь** меня холопа Своего і всѣх Терски людей пожалуеш своимъ **царскимъ** великимъ жалованьемъ. И посылаеш, де, Ты, **государь**, ко мнѣ холопу Своему и ко всѣмъ Терскимъ людямъ с Своимъ **царскимъ** з жалованьемъ с милостивымъ словомъ Дворенина Своего **государева**. И мнѣ, холопу Твоему однолично службу свою к Тебѣ **великому государю** совершить над воромъ над Івашкомъ Заруцким промышлять сколько Милосердый Богъ помочи подаст, чтобъ тому вору вперед в Государстве Твоемъ **государеве** смуты не чинитъ і кровей Християнских не разливать, а какъ, оже дастъ Богъ, отчина Твоя **государева** Астороханское Царство от воров очиститца и Ты, де, **великии государь**, мнѣ холопу Своему велиш быти к собѣ к Москве и за мою де холопа Твоего службу пожалуеш, **государь**, своим Царским великим жалованьемъ и *учиниши, де, Ты Госудаѣ ту мою службу помяну во вѣки*. И Твоимъ **государевымъ** счастьем Царство Астороханское Терские ратные люди *Атаманы і казаки*, которых я холоп Твой с Терки послал с Головою с Васильем с Хохловым от воров от Литовских от Маринки и от Івашка Заруцкаго очистили за десят ден до Твоих **государевыхъ** Боярина і воеводы Княз Івана Никитича Одоевского с товарищи в Асторохан приходу и Астороханских служилых і

всяки людей привели ко кресту за Тобя **государя царя і великого князя Михаила Федоровича** всеа Русіи. А какъ вор Івашко Заруцкой и с Маринкою из Асторохани бежал и Твои **государевы** Терские ратные люди и *атаманы и казаки воровъ Івашка Заруцкого и Маринку на побѣге на Волгѣ* побили *многих людей и многих живыхъ* поймали, а взяли, **государь**, Івашки Заруцкого и Маринки воровских атаманов і казаков и тѣхъ, которые приѣхали с Маринкою и Маринкиных дворовых людей, на дракѣ взяли де литовку ...Козоновскую, Івашка Попруцкого, Волскихъ Атамановъ Івашка Афонасьева с товарищи сто шестьдесят человекъ, а он де, вор Івашко Заруцкій и с Маринкой ушел на море со многими ворами. И Твои **государевы** Терские ратные люди, *атаманы и казаки* гонели за ним на море. И голова Василей Хохлов про Астороханское дѣло и про побѣгъ вора Івашка Заруцкого и съ Маринкою из Асторохани писал к Тебѣ ко **государю**, а грамота та послан был в станице Терского конного Сотника Василя Смагина. И Твои **государевы** Бояринъ і воеводы князь Иванъ Никитич Одоевской стоварыщи, какъ шли Волгою к Асторохани, того сотника Василья Смагина з дороги воротили с собою в Асторохан отъ Асторохани за сто двадцать верстъ с Катеринкина и грамоты у станишников у Василья Смагина взявъ переписали, а переписав с тѣми грамотами послали к Тебѣ к **государю** того же Терского сотника Василья Хохлова отпустили из Асторохани к Тебѣ же к **государю**, а і Терских ратных людей и *казановъ і атамановъ*, которые посланы съ Терки для вора Івашка Заруцкого пожаловалъ Твоимъ **государевымъ** жалованьемъ изъ Асторохани отпустил всех на Терек, а за вором за Івашкомъ за Заруцким и за Маринкою съ сыномъ с Верховскими и с Астороханскими людьми в посылку не послалъ.

ВЫПИСКА

изъ документовъ Московскаго Главнаго Архива
Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Дѣла кабардинскія 1614 года.

Царскій Наказъ Дворянину Д. С. Погожему, посланному въ
Астрахань.

Лѣта ЗРКВ (7122—1614) го(ду) июля въ де(нь), **Государь Царь і Великіи Князь Михайло Ѳедоровичъ** всеа Русіи велѣлъ Дмитрею Семеновичу Погожему ѣхати в Свою **Государеву** отчину в Асторохан к Своему **Государеву** Боярину і воіводамъ ко князю Ивану Никитичю Одоевскому с товарищи с своимъ **Государевымъ** жалованнымъ словомъ да къ разнымъ ко всякимъ людемъ, которые пришли под Асторохан з Головою с Васильемъ Хохловымъ і к Нагайскимъ х Конай Мурзѣ з братьею и з детми и с племенникі и к юртовскім татаромъ і к Астраханским ко всяким людемъ, которые стояли под Асторохан и над воромъ над Івашком Заруцким и над Маринкою и надъ Астраханю **Государевымъ** дѣломъ промышляли и **Государю** служили с Васильемъ Хохловымъ вмѣстѣ да на *Терекъ к Воеводе к Петру Петровичю Головину* да к Сунчалѣю мурзѣ Янглычевичу и ко всяким Терскимъ служилым и жилецкимъ людем и к Кабардинскимъ и Кумыцким князем и мурзамъ своимъ **Государевымъ** жалованнымъ словомъ и з жалованьемъ з золотыми. И Дмитрею Семеновичю ѣхати съ Москвы в Нижней Новгород, да в Казан да в Астрахан, а прѣбхав в Астрахан итти в сѣзжую избу к Боярину і Воіводамъ ко князю Ивану Никитичю Одоевскому с товарищі, а пришед к Боярину князю Ивану Никитичю да к Окольничему і Воіводе Се-

мену Васильевичю Головину от Государя і Великого Князя Михаила Федоровича всеа Русіи сказать поклон и спросить от Государя о здоровье а молыти:

Князь Иванъ.

Семень.

Великии Государь Царь і Великии Князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи Самодержецъ и многих Государствъ Государь и Обладатель жалуетъ тебя Боярина і Воеводу князя Ивана Никитича да Околничего і Воюводу Семена Васильевича велѣлъ Вамъ поклонитися і велѣлъ вас о здоровье спросить какъ васъ Богъ милуетъ. А после того от Государя спросить о здоровье Дворянъ и Голов и Детей Боярских и всякихъ ратныхъ людей, которые пришли з Бояриномъ со княземъ Иваномъ Никитичемъ Одоевскимъ с товарищи потомужъ. Да говорити Дмитрею Семеновичю, Боярину і воюводамъ князю Ивану Никитичю Одоевскому с товарищи, чтобъ велѣл быти к себѣ к Съѣзжей избѣ Терскимъ всякимъ ратнымъ людемъ, которые пришли под Астарахан з Головою с Васильемъ Хохловымъ с Терки от Воюводы от Петра Петровича Головина и Нагайскимъ мурзамъ Канай Мурзѣ с товарищи и Табуннымъ Головамъ и Юртовскимъ татаромъ и Астараханскимъ всякимъ людемъ, которые были с Васильемъ Хохловымъ под Астараханю и Государю служили и над вором над Івашкой Заруцкимъ промышляли за один. Да какъ онѣ всѣ в съѣзжую избу сойдутца, и Дмитрею Семеновичю спросити от Государя Царя і Великаго Князя Михаила Федоровича, всеа Русіи Самодержца, Головъ и Дворянъ і Детей Боярскихъ и Сотниковъ Стрелецких и Атамановъ і Казаковъ и всякихъ ратныхъ русскихъ людей, которые пришли под Астарахан с Терки з Головою с Васильемъ Хохловымъ, о здоровьи, а молыти: Великии Государь Царь и Великии Князь Михайло Федоровичъ, всеа Русіи Самодержецъ, жалуетъ васъ Головъ и Дворянъ и Детей Боярскихъ и Атамановъ и Стрельцовъ и Казаковъ и всякихъ ратныхъ людей и велѣлъ васъ о здоровье спросити: какъ васъ Богъ милуетъ, а спрося о здоровье говорити ему от Государя им рѣчь, Великии Государь Царь і Великий Князь Михайло Федоровичъ, всеа Русіи Самодержецъ и многихъ государствъ и обладателъ, велѣлъ вамъ говорит: в нынѣшнем во РКВ (122)-м году писалъ къ намъ Голова Нашъ Василей Хохлов как имъ на Терке Терскимъ всякимъ людемъ вѣдомо учинилось про насъ Великого Государя, что Мы Великий Государь Царь і Великий Князь Михайло Федоровичъ, всеа Русіи Самодержецъ, учинилис на наших

Великих и преславныхъ Государствахъ Росиского Цаствия Государемъ і Великимъ Княземъ всеа Русіи, и они Терские всякие служилые и жилецкіе люди, помня Бога и души свои и православную свою крестьянскую вѣру и прежнихъ Великихъ Государей Царей росискихъ к себѣ жаловане, тому порадовались і крестъ намъ Терские всякие люди целовали, а целовавъ крестъ и собрався служилыми людьми, пошли на вора и нашего измѣнника на Івашка Заруцкаго подъ Асторохан. А идучи на Асторохани писали напередъ себя къ вамъ мурзамъ и юртовскимъ татаромъ, чтобы помня прежнихъ Великихъ Государей Царей Росискихъ, предковъ нашихъ къ себѣ жалованье, къ намъ Великому Государю обратились, а отъ вора отъ Івашка Заруцкаго и отъ Маринки отстали и ни в чемъ врежей прелести не вѣрили намъ мурзы; і всѣ мурзы и юртовские татарови, помня прежнихъ Великихъ Государей Царей Росискихъ претковъ нашихъ, къ себѣ жалованье и листы, отъ вора Івашка Заруцкаго с товарищи отъ злы ихъ бѣсовскихъ прелестей отстали, изъ Асторохани къ нашимъ Терскимъ ратнымъ людямъ вышли и с нашими Терскими людьми подъ Астороханью стояли и над воромъ надъ Івашкомъ Заруцкимъ промышляли за одинъ и тесноту Астороханскимъ людямъ, которые воровали, чинили; и отъ тоѣ ваши тесноты воръ Івашка Заруцкой изъ Асторохани побежалъ і вы с нимъ учинили подъ Астороханью бой; и милостію Божіею, а нашимъ Царскимъ счастьемъ воръ Івашка Заруцкаго побили и многихъ живыхъ поймали і в водѣ потопили, а воръ Івашко Заруцкой побежалъ с немногими людьми, которые къ нему вору пристали. А наша отчина Асторохан отъ воровъ очистилась вашею і всѣхъ нашихъ ратныхъ людей службою.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІИ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІИ, ВЕЛИКІИ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІИ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему вѣрнолюбезному и доблестному Терскому казачьему войску.

Слишкомъ триста лѣтъ, со времени построенія Терскимъ воеводою Лукіяномъ Новосильцевымъ города Терка, на рѣкѣ Терекѣ, славные Терскіе казаки, сначала подъ различными наименованіями казаковъ Гребенскихъ, Терскихъ, Семейныхъ, Аграханскихъ, Кизлярскихъ, Кавказскихъ Линейныхъ, а затѣмъ, съ 1860 года, подъ общимъ наименованіемъ, казаковъ войска Терскаго, ревностно и беззавѣтно-преданно служатъ своимъ **Царямъ** и Отечеству.

Являясь на окраинѣ царства Русскаго надежнымъ и грознымъ оплотомъ грани Государственной, Терскіе казаки, съ присутіемъ имъ мужествомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ усердно способствовали расширенію предѣловъ Государственныхъ.

Въ нынѣ минувшую войну съ Японіей и особенно въ наступившее смутное время, Терскіе казаки, свято исполняя завѣты своихъ предковъ, продолжаютъ вѣрою и правдою служить **Царю** и Родинѣ.

За столь **самоотверженную, неутомимую и вѣрную службу** объявляемъ ближнему сердцу **нашему** доблестному Терскому казачьему войску **особое МОНАРШЕЕ НАШЕ** благоволеніе и подтверждаемъ **Императорскимъ** словомъ **Нашимъ** ненарушимость

настоящаго его образа служенія, стяжавшаго сему войску историческую славу и благодарность Отечества.

Озабочиваясь же нынѣ укрѣпленіемъ за Терскимъ казачьимъ войскомъ предоставленныхъ ему земель и рыболовныхъ водъ, долженствующихъ служить въ будущемъ источникомъ для поддержанія и развитія войскового благосостоянія, **Мы** признали за благо, въ воздаяніе за означенную службу, пожаловать Терскому войску настоящую **Нашу** грамоту на укрѣпленіе въ вѣчное его владѣніе указанныхъ земель и рыболовныхъ водъ въ безспорныхъ ихъ границахъ, сохранивъ въ силѣ ограниченія въ пользованіи ихъ нѣдрами, установленныя въ § 151 Положенія о бывшемъ Кавказскомъ Линейномъ войскѣ 14 декабря 1845 года и въ ст. 204 Уст. Горн., изд. 1893 года, и съ тѣмъ, чтобы какъ существующіе, такъ и могущіе впредь возникнуть споры о владѣмой войскомъ землѣ подлежали разсмотрѣнію въ общемъ порядкѣ.

Въ ознаменованіе сего, и пребывая къ Терскому казачьему Войску **Императорскою Милостію Нашею** неизмѣнно благосклонны, благоволили **Мы** сію грамоту собственною **Нашею** рукою подписать и Государственною печатью утвердить повелѣли.

Дана въ Царскомъ Селѣ въ лѣто отъ Рождества Христова въ тысяча девятьсотъ шестое, Царствованія же **Нашего** въ двѣнадцатое.

НИКОЛАЙ.

Въ Царскомъ Селѣ 23-го апрѣля
1906 г. Военный Министръ, Генералъ-Лейтенантъ Редигеръ.

Въ Министерствѣ Иностранныхъ
дѣлъ записано подъ № 140.

ПРИМѢЧАНІЕ. Высочайшая грамота эта 25 августа 1912 года была торжественно вновь объявлена и прочитана на Войсковомъ кружѣ въ г. Владикавказѣ, въ присутствіи Наказнаго атамана генерала Флейшера и представителей Терскаго казачьяго войска, Начальникомъ Войскового штаба, генераломъ Чернозубовымъ.

Полнымъ сердцемъ торжествуя.

Полнымъ сердцемъ торжествуя, терцы весело поютъ!
Предъ Отцомъ-Царемъ ликуя, Богу славу воздаютъ...
Говорятъ, что, слава Богу, нынѣ также, какъ и встарь,
Нашу бранную тревогу не забылъ нашъ Государь.
Онъ своимъ державнымъ словомъ Самъ напомнилъ намъ Кавказъ,
Гдѣ съ пеленъ въ бою суровомъ жизнь воспитывала насъ,
Гдѣ издревле наши дѣды прорубалися въ горахъ,
Въ громѣ битвы и побѣды шли впередъ за шагомъ шагъ...
Гдѣ въ скалахъ, въ лѣсахъ дремучихъ горцы съ нами споръ вели,
Но у насъ въ рядахъ могучихъ отступленья не нашли...
Смерть и раны презирая, дѣды въ смертный часъ и намъ
Свой завѣтъ передавали, чтобъ мы шли по ихъ слѣдамъ...
Вѣдь Кавказъ добыть не шутка—храбрый тамъ гнѣздился врагъ,
Приходилось часто жутко, крови стоилъ каждый шагъ.
И въ Чечнѣ и въ Дагестанѣ, гдѣ лилася кровь отцовъ,
Доставалось по ранѣ и на нашихъ удалцовъ...
Но забыты кровь и пламя: Царь насъ милостью почтилъ
И намъ, вѣрнымъ терцамъ, знамя изъ руки Своей вручилъ.
Знамя Царское святое мы поднимемъ высоко
И завѣтъ нашъ въ ретивое врѣжемъ, братцы, глубоко:
Вѣрой-правдой достославный Царскій тронъ оберегать,
Крестъ высоко православный надъ луною воздвигать!
Да склоняя взоръ свой къ терцамъ, какъ отецъ къ своимъ
сынамъ,
Царь возрадуется сердцемъ и „спасибо“ скажетъ намъ...

И. Ив. Сафоновъ.

Приложение 8.

Про дѣло 19 августа 1832 года.

(На смерть Волжинскаго).

Пыль клубится по дорогѣ
Темной, длинной полосой:
Тамъ въ Червленной по тревогѣ
Скачетъ полкъ нашъ Гребенской.

Скачетъ, мчится, точня буря,
Къ Гудермесу подскакалъ,
Гдѣ Кази-Мулла съ ордою
Въ десять тысячъ его ждалъ.

Полкъ не дрогнулъ, увидавши
Таку силу предъ собой;
Шашки вынулъ и помчался
На бой смертный съ той ордой.

Храбрый Волжинскій полковникъ
Первый врѣзался въ орду.
И съ полкомъ онъ такъ метался,
Точно будто былъ въ чаду.

Всѣ рубились, на смерть бились,
Удалые Гребенцы;
Храбрый Волжинскій полковникъ
Молвилъ: „браво, молодцы“!

Орда дрогнула, бѣжала,
Мы помчались за ней,
Но ждала насъ тамъ засада
Изъ отважныхъ ихъ людей.

Мы засаду ту разбили
И шли дальше шагъ впередъ,
Но не знали, что въ оврагѣ
Насъ другая бѣда ждетъ.

Собиралися чеченцы,
Все отважные бойцы,—
Вотъ отъ нихъ-то пострадали
Тогда наши Гребенцы.

Залпъ раздался... отвѣчали
Двумя пушками ему:
Бой отважный тутъ начался,
Здѣсь забыли мы жену,

Здѣсь забыли матерей,
Сестеръ, братьевъ и отцовъ,—
Только помнили одно
Славу дѣдовъ Гребенцовъ.

Справа, слѣва обходили
Храбрый полкъ нашъ Гребенской;
Тутъ Волжинскаго убили,
Тутъ-то кровь прошла рѣкой.

Враги думали, что можно
Всѣхъ въ могилу насъ сложить,
И что больше беспокоить
Мы не будемъ уже ихъ.

Но не такъ свершилось дѣло
Въ ту минуту съ Гребенцами:
Полкъ не дрогнулъ, пошелъ смѣло,
Искать путь себѣ началъ.

Полкъ рубился, на смерть бился
Съ тѣмъ безчисленнымъ врагомъ;
Врагъ отъ страху разступился,
Путь открылся предъ полкомъ.

Полкъ примчался къ переправѣ,
Что за Терекомъ была;
Тамъ кричали намъ солдаты:
— „Честь и слава вамъ, ура“!

Переправясь черезъ Терекъ,
По станицамъ разбрелись,—
Кто веселый, кто съ слезами,
Тамъ мать съ сыномъ обнялась.

Въ Червленной, встрѣтивъ убитыхъ,
Такъ сказали матеря:
— „Мы привыкли видѣть жертвы
За любимаго ЦАРЯ“.—

**На прїѣздъ на линію Августѣйшаго Атамана Наслѣдника
Цесаревича Александра Николаевича въ 1850 году.**

Тебя мы ждали круглый годъ
И ждали съ сильнымъ нетерпѣньемъ;
Такъ сынъ отца къ себѣ не ждетъ—
Съ такимъ не встрѣтитъ восхищеньемъ!

И такъ невѣста не страдаетъ
Въ разлукѣ съ милымъ женихомъ,
Какъ бѣдный полкъ нашъ унываетъ
Всегда въ отсутствіи Твоемъ!

Тебя не ждуть такъ въ цѣломъ войскѣ,
И ты никѣмъ такъ не любимъ;
Тебя мы встрѣтимъ здѣсь по-свойски
И хлѣбомъ-солью угостимъ!

Скажи, безцѣнный Атамане,
Скажи отрадное намъ слово—
И мы всѣ вспыхнемъ, какъ вулканы,
Врагамъ гостинцы ужъ готовы!

За вѣру, честь въ бою съ врагами
Мы станемъ грудію своей;
Готовы сдѣлать женъ вдовами,
И встрѣтить тысячу смертей!

На покореніе Кавказа въ 1864 г.

Днесъ возсіялъ свѣтъ въ государствѣ!
Россія станеть въ славѣ жить.
Нѣтъ битвъ, тревогъ, что было раньше—
О чемъ же намъ теперь тужить?

Живемъ, работаемъ, трудимся,
Но помнимъ:—клятва что велить—
Слухъ о войнѣ—мы веселимся,
Готовы снова кровь пролить.

Скажи намъ, Царь, одно лишь слово:
— „А нутка, дѣти, казаки!“
И въ мигъ казачество готово
Всѣ двинуть въ бой свои полки.

И съ пѣшимъ строемъ мы поладимъ:
Лошадкамъ скажемъ:—„ну, ложись!“
Враговъ стрѣльбою позабавимъ—
На лошадь въ мигъ—и съ шашкой мчись.

Тогда посмотрятъ—гдѣ дѣваться,
Имъ умереть придетъ пора.
Въ живыхъ врагамъ не оставаться—
Мы прогремимъ вездѣ „ура“!

Ура! Царю и всей Россіи—
Матушкѣ на много лѣтъ,
Наслѣднику и Михаилу*)
Отъ всѣхъ казачьихъ войскъ привѣтъ!

*) Главнокомандующему на Кавказѣ, Вел. Кн. Михаилу Николаевичу.

Приложеніе II.

Не орелъ подъ облаками
Высоко летаетъ,—
То штандартъ надъ казаками
Гордо развѣваетъ.

Съ нимъ казакъ несокрушимый
Бури не боится;
Онъ привыкъ, неутомимый,
По степямъ носиться.

Головы не преклоняетъ
Конь его ретивый,
Съ сѣдокомъ, какъ вихрь летаетъ,
Развѣвая гривой.

Точно пулей роковою,
Давшей свистъ протяжный,
Мчится въ бой съ степной ордою
Нашъ казакъ отважный.

Нашъ казакъ не вѣритъ въ горе—
Удаль въ немъ съ измала;
Что ему въ колѣно море—
Русь давно узнала.

Все казакъ, Царемъ любимый,
Испыталъ съ терпѣньемъ,
Охраняя край родимый
Съ самоотверженьемъ.

И теперъ,—какъ кличъ военный
Чуть лишь разнесется,
То казакъ нашъ неизмѣнный
Сердцемъ встрепенется.

Пѣсню слыша удалую,
Онъ зарвется къ бою;
За Царя, за Русь святую
Ляжетъ головою!..

Л. Н. Толстой и Гребенскіе казаки.

(Настоящую статью любезно предоставилъ В. А. Гиляровскій въ распоряженіе составителя „Памятки“).

Пребываніе Л. Н. Толстого въ 1851 г. въ Гребенскихъ казачьихъ станицахъ замѣтно отразилось на его творчествѣ и вылилось въ разсказахъ: „Кзаки“, „Набѣгъ“, „Рубка лѣса“ и „Встрѣча въ отрядѣ“.

Впечатлѣнія, возникшія въ широкой вольной душѣ великаго русскаго писателя, благодаря особымъ условіямъ жизни среди опасностей и патріархальной простоты казачества, прошли яркой нитью во всемъ его художественномъ творчествѣ и въ его вѣчныхъ исканіяхъ правды жизни. Самое его стремленіе опроститься зародилось тамъ же, въ этихъ станицахъ, среди этихъ самобытныхъ людей...

Чувствуется, что и умереть ему хотѣлось тамъ, въ этихъ же станицахъ.

Ровно черезъ 60 лѣтъ послѣ своего пребыванія среди кавказкаго казачества, онъ изъ Ясной Поляны, изъ роскоши барской, отъ славы и почета, устремился въ станицы вольныя. Въдъ желѣзнодорожный билетъ, найденный въ его карманѣ при смерти, былъ взятъ до Владикавказа.

Тамъ, въ станицахъ и поселкахъ, на волѣ, въ жизненной простотѣ, искалъ онъ послѣдняго покоя. Глухія станицы Гребенскія, особенно старообрядческія, до сихъ поръ сохранили старинную простоту во всей ея неприкосновенности, съ казачьими обычаями, которые такъ ярко описаны Л. Н. въ его чудной повѣсти „Кзаки“. Условія жизни на Кавказѣ выработали рѣдкій типъ могучихъ, прямыхъ людей.

Первое свѣдѣніе о казакахъ находится въ Москвѣ въ церкви Успенія на Лубянской площади, въ выпискѣ изъ древней лѣтописи, помѣщенной у образа иконы Гребневской Божіей Матери,

поднесенной казаками Дмитрію Донскому, разбившему Мамаю, гдѣ можно разобрать только: „тамъ народъ христіанскій воинскаго чина живушій, завоми казацы“.

Это говорится о донскихъ казакахъ, но въ 1577 году упоминаются уже въ исторіи и Гребенскіе казаки.

Когда Ермакъ умеръ въ Сибири, волжскіе и донскіе казачіе люди раздѣлились на два отряда: одинъ съ атаманомъ основалъ Яицкое казачество, другой ушелъ въ Кабарду и въ Кумыкскія владѣнія, гдѣ расселился на гребняхъ горъ, откуда и получилъ свое названіе.

Казаки эти тогда же основали городокъ Ендери въ честь своего атамана Андрея и на Терекѣ выстроили городокъ Терки. Вслѣдъ за этимъ гребенцы расселились по Тереку, перероднились съ мѣстными племенами и защищали кровью свои станицы въ непрерывной Кавказской войнѣ съ горцами.

Съ началомъ покоренія Кавказа, въ 30—40 годахъ прошлаго столѣтія, изъ кавказскихъ казаковъ было образовано линейное войско, о которомъ даже герой Ермоловъ отзывался такъ:

— „Въ Россіи нѣтъ имъ подобныхъ: я не видѣлъ ни одного казака, стрѣлявшаго попусту, ни одного ѣдущаго подъ сильнымъ огнемъ непріятеля иначе, какъ малымъ шагомъ“...

Въ вѣчной войнѣ проводили жизнь линейные казаки съ окружающими ихъ племенами, а по временамъ цѣлымъ полкомъ уходили въ далекіе походы. Въ 1717 году ходили гребенцы, въ числѣ 500 человекъ, съ кн. Бековичемъ, въ Хиву. И въ это время женщины съ оружіемъ въ рукахъ защищали свои станицы отъ набѣговъ горцевъ.

Л. Н. Толстой, какъ извѣстно, началъ службу на Кавказѣ и въ этой средѣ началъ писать онъ свою повѣсть „Казаки“, которую закончилъ уже въ Ясной Полянѣ, въ 1862 г.

Впрочемъ, напечатана была только первая часть „Казаковъ“; вторая не окончена.

Биографъ Л. Н. Толстого, П. И. Бирюковъ, рассказывалъ мнѣ слѣдующее:

— Левъ Николаевичъ закончивъ первую часть „Казаковъ“, пріѣхалъ въ Москву и въ Англійскомъ клубѣ на китайскомъ билліардѣ (онъ и теперь цѣлъ) проигралъ незнакомому офицеру 1.000 рублей. Заплатить было нечѣмъ, но его выручилъ находившійся въ это время въ клубѣ М. Н. Катковъ, который и далъ

1.000 руб. займа. Въ уплату Л. Н. отдалъ первую часть „Казаковъ“, которая и была напечатана въ 1862 году Катковымъ въ его „Русскомъ Вѣстникѣ“. Эта исторія подѣйствовала на Л. Н., и онъ нѣсколько разъ принимался писать слѣдующія части этой повѣсти, но не могъ закончить. Написанные отрывки неоконченной повѣсти хранятся въ Московскомъ Историческомъ музеѣ.

Въ письмахъ и дневникѣ Л. Н. есть воспоминаніе о жизни его въ Гребенскихъ станицахъ.

Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, Л. Н. совершенно неожиданно, не предупредивъ никого, уѣхалъ 20 апрѣля 1851 года изъ Ясной Поляны на Кавказъ.

Въ глухихъ Гребенскихъ станицахъ, на берегу Терека, гдѣ съ одной стороны степи Моздокскія неоглядныя, а съ другой — снѣговой хребетъ высится надъ предгорьями, зародились въ душѣ великаго писателя художественные образы героевъ казаковъ славной эпопеи кавказской войны.

Его вышеназванные четыре разсказа и его письма съ Кавказа ярко подтверждаютъ страницы о кавказской жизни, приведенныя въ біографіи, составленной Бирюковымъ...

Мнѣ посчастливилось найти человѣка, который помнитъ Л. Н., когда онъ жилъ въ Старогладковской станицѣ.

И вотъ его-то разсказами я подѣлюсь здѣсь. Это единственный современникъ, который могъ что-нибудь разсказать о Л. Н., на котораго въ то время обращали вниманіе столько же, какъ и на всякаго юнкера, стоявшаго со своей частью войска въ ста-

Гр. Левъ Николаевичъ Толстой.

у*

ницахъ, гдѣ не долюбивали солдатъ вообще, особенно въ Гребенскихъ станицахъ, населенныхъ старообрядцами строгой жизни, соблюдавшими свои обычаи и вѣрованія.

„Епишка“, неразлучный другъ Л. Н., удалецъ былыхъ временъ, есть тотъ самый „Ерошка“, который выведенъ какъ живой, въ повѣсти „Казакѣ“.

И тотъ сверстникъ Л. Н., о которомъ я говорю, хорошо зналъ и помнитъ „Епишку“. Эту встрѣчу я записалъ въ Ессентукахъ и сейчасъ выписываю ее изъ дневника въ томъ самомъ видѣ, какъ она была набросана подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ.
„Ессентуки, 19 іюня.

Рѣдко бывають такія встрѣчи. Давно обратилъ мое вниманіе старый полковникъ-терець съ солдатскимъ Георгіемъ и кавказскимъ крестомъ. Давно-давно, съ самой турецкой кампаніи, не видѣлъ я этого рѣдкаго знака-ордена, показывающаго, что владѣлецъ его воевалъ съ горами при покореніи Кавказа.

Немного теперъ осталось этихъ „раковъ“, какъ называли тогда эти почетные боевые знаки кавказскіе герои, обижавшіеся, что имъ дали не серебрянные кресты:

— Рака мѣднаго заслужили—говорили старики!

Но съ глубокимъ почтеніемъ къ этому, поистинѣ боевому, ордену относились всѣ знающіе походы въ горы и отчаянные набѣги того времени *).

И вотъ, увидавъ на старомъ полковникѣ кавказскій крестъ, я разговорился съ нимъ. Онъ оказался исконный гребенскій казакъ Кириллъ Григорьевичъ Синюхаевъ, родомъ изъ Старогладковской станицы, которая описана въ повѣсти „Казакѣ“.

Мой собесѣдникъ—современникъ Л. Н. Ему далеко за 70 лѣтъ, но это еще бодрый, энергичный старикъ, кажущійся на видъ моложе своихъ лѣтъ. Сижу и радуюсь на него. Повыше средняго роста, сухой, стройный, бѣлый какъ лунь, полвѣка боевой жизни проведеній въ горахъ, еще юношей „бравшій Шамиля“, глава джигитовъ славнаго Сунженскаго казачьяго полка, за что и былъ награжденъ солдатскими Георгіевскими крестами 3-й и

*) 25 августа 1909 г., въ день празднованія 50-ти-лѣтняго юбилея покоренія Восточнаго Кавказа, по ходатайству Главн. Кавк. Воен. Окр. Генералъ-Адъютанта гр. И. И. Воронцова-Дашкова, войскамъ, Кавк. Воен. Округа Высочайше повелѣно носить „Кавказскій крестъ“, въ воспоминаніе славнаго юбилея.

4-й степеней. Онъ въ Сунженскомъ полку дрался и въ кампанію 1877—78 г.г.

Заговорили о Л. Н.

— Да, я хорошо помню Толстого... Въ 1845 году у насъ въ станицѣ поселились старообрядцы изъ Украйны и полстаницы новой пристроили. Такъ онъ сначала по пріѣздѣ у тѣхъ поселился, въ новой, а потомъ къ намъ перешель. У насъ стояла 20-я артиллерійская бригада, тамъ у него братъ офицеромъ былъ. Только онъ съ братомъ не жилъ. Отдѣльно у казака Сехина поселился. У насъ много Синюхаевыхъ и Сехиныхъ,—родня между собой. Такъ Толстой жилъ у богатаго Сехина, а рядомъ жилъ другой братъ Сехина, другъ Толстого, дядя Епишка, охотникъ и джигитъ, какихъ и нѣтъ теперь. Вотъ съ него Толстой, какъ живого, Ершку списаль.

Полковникъ говорилъ оживленно, увлекаясь воспоминаніями.

Я слушалъ его съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Знатный казакъ былъ дядя Епишка. Жена отъ него еще въ молодости куда-то ушла, пропала безъ вѣсти. Онъ одиноко жилъ со своими собаками да ястребами и съ разнымъ звѣрьемъ прирученнымъ. Все у него въ хатѣ и жило. Любили и уважали всѣ дядю, не то что мы, а и чеченцы и ногайцы. Къ немирнымъ въ аулы въ гости хаживаль, и вездѣ его принимали, какъ почетнаго гостя... А говорилъ онъ всѣмъ одно и то же:

— Богъ у всѣхъ одинъ... Всѣ живемъ, потомъ умремъ... Люди не звѣри, такъ и драться людямъ не надо... Вотъ звѣря бей.

Такъ и жилъ—либо на охотѣ, либо съ балалайкой.

Въ праздникъ разрядится: ему бешметъ шелковый красный немирные Гирей подарили. Чевяки и ноговицы серебромъ расшиты. Папаха или волчья или лисья, какихъ, кромѣ него, никто не носилъ. И обязательно съ балалайкой и безъ оружія. Ростомъ почти въ сажень, силищи непомѣрной. Ужъ я-то какъ помню его, ему—подъ 70 было. А выпьетъ чихиря съ полведра да въ хороводъ, поеть, пляшетъ...

— Дядя Епишка, еще, еще!—просятъ его плясать.

— А ну-ка швинья, тащи чапуру чихиря!—попросить.

Принесутъ, выпьетъ и опять поеть, пляшетъ и на балалайкѣ играетъ.

Въ будни—суровый, ни съ кѣмъ слова не скажетъ. На немъ старый бишметъ, козловые штаны, поршни, папаха волчья,

на плечахъ шкура звѣриная вверхъ шерстью и въ рукахъ фланта, изъ которой промаха не дѣлалъ по звѣрю. Тогда порохъ и свинець были дороги, состязаній въ стрѣльбѣ не устраивали и промаховъ не давали. ...

Въ это время мимо насъ проходилъ огромный и плотный кубанецъ. Разказчикъ, указавъ на него, сказалъ:

— Вотъ, повыше и пошире его былъ дядя Епишка...

И тогда я представилъ себѣ, каковъ былъ онъ.

— Кромѣ охоты, ничѣмъ не занимался. Былъ у него и крестъ Георгіевскій, только никогда его не носилъ и о прежнихъ боевыхъ своихъ отличіяхъ не говорилъ—не любилъ. А славный джигитъ былъ,—да потомъ отъ войны отказался... И никого сроду онъ ни словомъ, ни дѣломъ не обидѣлъ, развѣ только „швиней“ назоветъ... Съ офицерами дружилъ и всѣмъ говорилъ „ты“. Никому не услуживалъ,—а любили всѣ его: было что послушать, что разказать. То пѣсни поетъ... Голосъ сильный, звонкій. На станичные сборы не ходилъ, общественныхъ дѣлъ не касался. Зналъ ружье, охоту, сѣти.

Толстого очень любилъ... Кунаки были, на охоту съ собой никого, кромѣ Толстого, не бралъ.

Бывало, у своей хаты въ садочкѣ варить кулешъ—и Толстой съ нимъ. Вдвоемъ варятъ и ѣдятъ. Идутъ, бывало, съ Толстымъ съ охоты вдвоемъ,—оба дичью увѣшаны, сумки набиты. За плечьями ружья, а надъ ними шаталы торчатъ (рогатки, на которыя ставили ружья для прицѣла). Походка легкая, а въ самомъ пудовъ 10 вѣса. На конѣ никогда не ѣздилъ, всегда пѣшій. Говорилъ по-ногайски. Къ немирнымъ князьямъ хаживалъ,—и всѣ его принимали. Даже при немъ марушки чадрой не закрывались.

— Не бойтесь, я шутю. Я руками не трону,—говорилъ онъ имъ.

Горцы—любители съ ястребами охотиться, такъ дядя Епишка вынашивалъ ястребовъ и продавалъ ихъ по большой цѣнѣ.

— Скажите, Кириллъ Григорьевичъ,—обратился я къ себе-сѣднику:—а вы хорошо помните Толстого?

— Какъ сейчасъ вижу. Когда еще формы не носилъ военной, въ простой рубашкѣ ходилъ. Съ ребятами игралъ. Наберетъ молодежь и въ войну играютъ. А мы, ребяташки, подбѣжимъ къ его окну и просимъ гостинцевъ. Всегда давалъ. А вотъ въ хороводъ Толстой не ходилъ, далеко держался. Развѣ только дядя Епишка затащитъ его...

— Вы помните повѣсть „Кзаки“?—спрашиваю я.

— Чуть не наизусть. Вѣдь мы всѣ ею зачитывались. Такъ и говорили:

— Пишетъ нашъ Толстовъ. Его звали не Толстой, а Толстовъ.

— Съ кого онъ писалъ Лукашку?

— Лукашка былъ у насъ кривой сапожникъ. А того джигита не Лукашкой звали,—забылъ я. Да вѣдь всѣ такіе у насъ Лукашки были. Всѣ джигиты...

— А Марьянка?

— Не такъ давно умерла.

— Помню я у Толстого на конюшнѣ были очень хорошія лошади—гнѣдая и чалая. Выведутъ, разгорячатъ лошадь, а онъ по станицѣ и скачетъ... Вотъ джигитъ былъ. Только мы и обращали вниманіе на Толстого, потому что джигитъ былъ, да съ дядей Епишкой дружилъ...

А то развѣ зналъ кто, что онъ такой будетъ послѣ. Мнѣ-то въ памяти, потому что мы жили рядомъ. Помню вотъ: сначала онъ у Глушкана на Новой улицѣ жилъ. А потомъ къ Сехину, родному брату дяди Епишки, перебрался.

А это рядомъ съ нами. Потомъ ужъ Толстой офицеромъ былъ. Рассказывали, что въ набѣгахъ отличался.

За Старый-Юртъ ходила ихъ батарея. О немъ тогда говорили. Если бы не былъ джигитъ—кто бы вниманіе обратилъ.

— Кромѣ васъ, помните кто-нибудь въ станицѣ Льва Николаевича?

— Нѣтъ. Развѣ Ергушовъ, которому уже самому много больше 80 лѣтъ.

— Знакомая фамилія—Ергушовъ.—Въ „Кзакахъ“ ее упоминаетъ Толстой.

— Который пьянъ-то казакъ лежитъ.—Это онъ съ натуры взялъ и по фамиліи назвалъ. Тотъ Ергушовъ любитель выпить былъ. Родственникъ нашъ. Его уже давно въ живыхъ нѣтъ.

— Скажите, Кирилль Григорьевичъ, а въ станицѣ узнали послѣ, какой Толстой жилъ у васъ?

— Конечно, давнымъ давно, послѣ его первыхъ произведеній. И книги его все читали, и въ школахъ говорили. Да вотъ мой племянникъ Сехинъ, сынъ Михаила Сехина, родной племянникъ дяди Епишки, къ Толстому въ Ясную Поляну ѣздилъ, портретъ съ надписью для станицы отъ самого получилъ—да украли портретъ.

— Какъ это вышло?

— А ужъ это самъ Дмитрій расскажетъ. Онъ теперь войсковой старшина, помощникъ командира кизляро-гребенскаго полка. Да вы можете его повидать хоть завтра. Около Пятигорска, подъ Юцой, въ лагерѣ стоитъ.

Тамъ кубанцы стоятъ. Въ Екатеринодарскомъ полку у васъ знакомые есть?

— Да, знаю многихъ...

— Рядомъ съ гребенцами въ лагеряхъ стоятъ. Поѣзжайте,—онъ расскажетъ...

Рано утромъ я былъ подъ горой Юцой, верстахъ въ шести отъ Пятигорска, на ученьи Екатеринодарскаго казачьяго полка. Жара была невыносимая,—градусовъ 45. при полномъ отсутствіи вѣтра.. Пыль поднималась тучей.

Ученье окончилось около полудня, и пока разсѣдывали коней и готовились къ обѣду, на который меня пригласилъ мой старый знакомый, командиръ полка, полковникъ Ягодкинъ, я нашелъ возможнымъ воспользоваться часомъ и отправиться къ Д. М. Сехину.

Полкъ расположенъ рядомъ. Гребенцы только-что вернулись съ ученья, и я нашелъ Сехина въ его палаткѣ. Казакъ доложилъ. Вышелъ въ синихъ шароварахъ шире Чернаго моря, въ бѣлой рубашкѣ и огромной папахѣ, красавецъ казачина съ огромными усищами. Онъ былъ покрытъ пылью—не успѣлъ еще умыться послѣ ученья.

— Вамъ меня? Я--Сехинъ.

— Дмитрій Михайловичъ?

— Да.

— А я къ вамъ отъ Кирилла Григорьевича Синюхаева.

Я назвалъ свою фамилію. Оказалось, что Сехинъ знаетъ меня черезъ кубанцевъ и по литературѣ. И онъ пригласилъ меня въ палатку. Я рассказалъ мой разговоръ съ Синюхаевымъ и цѣль моего приѣзда.

— Да съ удовольствіемъ расскажу! Эта встрѣча со Львомъ Николаевичемъ незабвенна.

Съ его разрѣшенія, я вынулъ карандашъ и записную книжку, въ которую и внесъ:

„Въ Ясную Поляну я приѣхалъ въ февралѣ 1908 г. Въѣзжаю. Снѣгъ. Вотъ идутъ два мужика. Гляжу—одинъ изъ нихъ Толстой. Я спрыгиваю съ саней, подбѣгаю,— а онъ въ снѣгъ

свернулъ—лошадямъ проѣздъ даетъ. Подхожу, кланяюсь и говорю:

— Левъ Николаевичъ! Необыкновенный случай! 55 лѣтъ спустя, внукъ за дядю отвѣтнѣй визитъ дѣлаетъ.

Л. Н. не понялъ и переспросилъ, строго на меня посмотрѣвъ. Я повторилъ мои слова.

— А, Палкинъ?—спросилъ Л. Н.

— Нѣтъ, не Палкинъ, а внукъ дяди Ерошки.

Насупился Л. Н. Стоитъ и внизъ смотритъ.

— Какого Ерошки?

— Того самаго, у котораго вы 55 лѣтъ назадъ въ гостяхъ бывали и котораго въ своей повѣсти описали.

— Епишка!.. Вотъ оно...

И просіяло лицо Л. Н.

— Да не можетъ быть? У Епишки дѣтей не было.

— А былъ братъ, Алексѣй Ивановичъ, а у него былъ сынъ Михаилъ Алексѣевичъ, а я Дмитрій Михайловичъ Сехинъ.

— Сехинъ, Сехинъ! Да...

Руку мнѣ протянулъ и крѣпко пожалъ.

— А вы кто же? Ротмистръ? (я былъ въ военной шинели)

— Нѣтъ, я войсковою старшина.

— А, значить, подполковникъ. Ну, пойдете.

Онъ повернулъ къ дому, потомъ вдругъ сказалъ:

— Да вы садитесь въ сани. Поѣзжайте ко мнѣ и скажите Ильѣ Васильевичу, что мнѣ надо десять минутъ погулять.

Я исполнилъ волю Л. Н., проѣхалъ къ дому, гдѣ передалъ распоряженіе Ильѣ Васильевичу, который и принялъ меня, помѣстивъ въ комнатѣ внизу. Черезъ 10 минутъ Илья Васильевичъ пришелъ ко мнѣ и позвалъ наверхъ. Тамъ были И. И. Горбуновъ-Посадовъ, Гусевъ и двѣ переписчицы. Л. Н. вышелъ съ сіяющимъ лицомъ и отрекомендовалъ меня:

— Позвольте представить племянника моего дяди Ерошки!

Л. Н. началъ меня разспрашивать о станицѣ, вспоминая видѣнное имъ.

— А камышевыя крыши еще есть?

— Есть.

— А сверстники мои живы ли?

— Ергушовъ, Иванъ Варфоломеевичъ, еще живъ.

— А чихирь тотъ же? Какой прекрасный напитокъ!

— И чихирь такой же.

- А шемая?
- Мало, плохо ловится, да и притомъ очень измельчала.
- Жаль, жаль... А я отлично все помню—и Старогладковскую, и Старый-Юртъ. Горы. Какая красота!.. Терекъ... Степи... Вотъ гдѣ настоящая жизнь...
- А Лукашка, братъ Михаила Алексѣевича?
- Да, да, все помню... А домъ, гдѣ я жилъ? А домъ Бабенковыхъ, гдѣ жилъ братъ Николай?.. А Епишкинъ домъ?..
- Все перестроено...
- Л. Н. сказалъ мнѣ:
- Вотъ вамъ Гусевъ... Расскажите ему...
- Потомъ онъ вышелъ, но черезъ пять минутъ вернулся, сѣлъ, разбитый, усталый... и все вопросы о старинѣ задаетъ...
- Забываю я... А что было, все помню... А что теперь—забываю; о чемъ спрашиваю, тоже забываю!..
- Л. Н. опять всталъ и ушелъ, а черезъ нѣсколько минутъ позвалъ въ кабинетъ. Я сталъ прощаться.
- Садитесь, куда вы торопитесь... Я не успѣлъ поговорить...
- И потомъ сразу спросилъ:
- Были на войнѣ?
- Да, былъ.
- Китайцы хорошій народъ... А книги мои читали?
- Да, конечно.
- Нѣтъ, я не про тѣ, не про первыя... „Кругъ Чтенія“ не читали?
- Нѣтъ.
- Ну, вотъ у меня на каждый день... Вотъ возьмемъ 26-е февраля... Прочтемъ.
- Прочелъ.
- Ну, возьмемъ другое...
- Прочли другое и третье.
- Вамъ сколько лѣтъ? Вы молоды еще... Я въ эти годы и самъ не думалъ... Доживете до моихъ лѣтъ и думать будете и будете читать.
- Вы графъ...— началъ я, но Л. Н. перебилъ:
- Зачѣмъ такъ...
- Какъ же мнѣ васъ называть? Называть Левъ Николаевичъ—ужь очень будетъ фамильярно.
- А вы меня по-гребенскому,—и самъ улыбается.

— Да, у насъ старшихъ себя изъ почтенія дядями зовутъ; какъ, помните, раньше звали: „дядя Епишка“...

— Стало-быть, и зовите дядя Левка... Это очень почтенно... И засмѣялся ласково.

— Помню... дядя Левка... дядя Епишка...—И Л. Н. задумался...

Я попросилъ у Льва Николаевича для Старогладковской школы портретъ. Л. Н. досталъ портретъ и надписалъ:

„На память старогладковцамъ. Левъ Толстой“.

Я уѣхалъ обласканный, счастливый, но дорогой случилось несчастье: портретъ я не довезъ до Старогладковской школы, его у меня съ вещами украли дорогой.

И съ какимъ восторгомъ, съ какой гордостью боевой офицеръ рассказывалъ мнѣ о великомъ другѣ своего дяди, старого казака Епишки!

Икона Гребневской Божіей Матери.

Военный министр
генераль-адъютантъ,
генераль-отъ-кавалеріи
В. А. СУХОМЛИНОВЪ.
Поч. старикъ Сунженск. стан.).

Генераль-адъютантъ
графъ Пиларіонъ Івановичъ
ВОРОНЦОВЪ-ДАШКОВЪ.
(Наказ. атаманъ Кавказскаго
казацкаго войска).

Нач. Тер. области и Нак. Атам.
Терскаго каз. войска
генераль - лейтенантъ
С. Н. ФЛЕЙШЕРЪ.

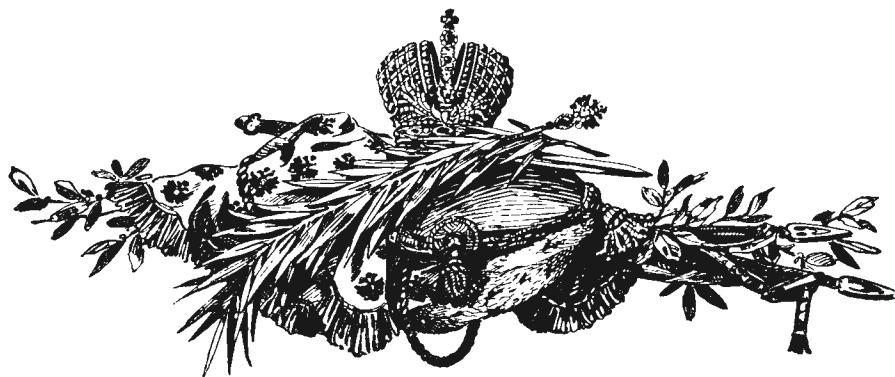
Начальник 3-ей Кавказской
казачьей дивизіи
генераль - лейтенантъ
П. Л. ХЕЛМИЦКІЙ.

Командирь 1-го Князя-Гребенского полка
полковникъ А. Г. РЫБАЛЪЧЕНКО.

Командирь 5-ой сотни
есауль И. Ф. ШАЛНИКОВЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Участіе Гребенскихъ казаковъ
въ Романовскихъ юбилейныхъ торжествахъ.

Выступленіе изъ Персіи и прибытіе въ Кострому.

Болѣе 2 лѣтъ тому назадъ, 1-й Кизляро-Гребенскій полкъ изъ гор. Грознаго былъ экстренно командированъ въ Персію, для поддержанія въ этой еще полудикой странѣ порядка, нарушаемаго народными волненіями, и для защиты русскихъ промышленныхъ промысловъ.

Стремясь укрѣпить въ гребенцахъ, заброшенныхъ судьбой на далекую чужбину, связь съ матерью-родиной, командиръ ихъ, въ сентябрѣ 1912 г., возбудилъ ходатайство объ отправкѣ полка въ Россію для участія въ юбилейныхъ торжествахъ по случаю 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ.

Начальникъ 3-й Кавказской казачьей дивизіи, генералъ-лейтенантъ П. Л. Хелмицкій, принялъ горячее участіе въ этомъ дѣлѣ и усиленно ходатайствовалъ о командировкѣ на Романовскія юбилейныя торжества въ Кострому гребенскихъ казаковъ, какъ потомковъ единственной части войскъ русской арміи, которая принимала непосредственное участіе, какъ въ избраніи перваго царя изъ Дома Романовыхъ, такъ и въ искорененіи смуты, посѣянной на окраинѣ Московскаго Государства—въ Астрахани и пригородѣ—Теркахъ—Иваномъ Заруцкимъ и Мариной Мнишекъ.

Въ февралѣ 1913 года послѣдовало ВЫСОЧАЙШЕЕ соизволеніе на командированіе на торжества въ Кострому одной сотни гребенцовъ, и телеграммой отъ 15 февраля Начальникъ штаба Кавказскаго военнаго округа увѣдомилъ командира полка объ этой Царской милости.

Группа офицеровъ сотни, во главѣ съ командиромъ полка и подполковникомъ Б. С. Эсадзе.

Верхній рядъ: хорунжій Старицкій, сотникъ Бирюлькинъ, хорунжій Томашевскій и есаулъ Шаликовъ. Въ срединѣ: Подполковникъ Эсадзе и Полков. Рыбальченко. Внизу: подъесаулъ Астаховъ и сотникъ Каринъ.

Особыя условія службы гребенцовъ въ Персіи не позволяли вызвать въ Россію не только весь полкъ, но даже и какую-либо отдѣльную сотню его полностью. Поэтому было рѣшено отправить въ Кострому сводную сотню гребенскихъ казаковъ, придавъ ей № той сотни полка, изъ которой будетъ выбрано наибольшее

число людей. Такая сотня и была окончательно сформирована подъ № 5 въ гор. Рештѣ. Въ составъ ея вошли: командиръ сотни—есаулъ Шаликовъ, младшіе офицеры—сотники Каринъ и Бирюлькинъ, хорунжіе—Томашевскій и Старицкій, и 134 казака.

Изъ Решта сводная сотня выступила въ портъ Энзели на Каспійскомъ морѣ, чтобы, погрузившись на пароходъ, слѣдовать въ Баку, откуда по Владикавказской жел. дорогѣ отправиться въ свою постоянную штабъ-квартиру въ гор. Грозный, Терской области. 15 марта сотня была уже въ Грозномъ и, тотчасъ же по пріѣздѣ, стала спѣшно готовиться къ предстоявшему ей въ Костромѣ великому событію—**ВЫСОЧАЙШЕМУ** смотру.

Такъ какъ о посылкѣ вмѣстѣ съ сотней полкового Георгіевскаго штандарта, хора трубачей и адъютанта въ упомянутой выше телеграммѣ Начальника штаба Кавказскаго военнаго округа ничего не было сказано, то командиру полка пришлось возбудить вторичное ходатайство о командированіи ихъ.

12 апрѣля это ходатайство тоже было уважено, и начальникъ дивизіи телеграфировалъ командиру полка: „Немедленно выступить“. Эта телеграмма была получена уже въ послѣдніе дни Страстной недѣли, вслѣдствіе чего хоръ трубачей со штандартомъ, подъ командой полкового адъютанта, подъесаула Астахова, задержался съ отправкой на 2 дня, и выступилъ въ путь только 15 апрѣля. Однако гребенцы сумѣли наверстать время, пройдя разстояніе отъ Казвина до порта Энзели, въ 222 версты, безъ дневокъ, всего только въ теченіе 5½ сутокъ. Прибывъ въ Энзели къ полудню 20 апрѣля, они тотчасъ же погрузились на пароходъ, и отплыли въ Баку, откуда въ 4 часа утра 22 апрѣля выѣхали далѣе по Владикавказской желѣзной дорогѣ и 24 апрѣля утромъ были уже въ Грозномъ.

29 апрѣля вечеромъ сотня уже должна была выступить изъ Грознаго въ Кострому. Слѣдовательно, на экипировку команды трубачей оставалось всего 4 дня. Приуныли казаки: въ такой короткій срокъ трудно было сшить двойной комплектъ обмундированія на 35 человѣкъ и привести въ порядокъ конское снаряженіе, сильно износившееся за 1½ года пребыванія полка въ Персіи. Но... „Богъ не безъ милости, казакъ не безъ счастья“,—говорить пословица. Въ войсковой ремесленной мастерской закипѣла работа портныхъ: спѣшно снимались мѣрки, и шились черкески, бешметы и башлыки. Наканунѣ выступленія сотни изъ Грознаго была сдѣлана примѣрка обмундированія, заготовленнаго пока

вчернѣ; послѣ нея трубачи могли уже выступить вмѣстѣ съ сотней, надѣясь, что, по изготовленіи, обмундированіе будетъ прислано имъ въ Кострому. Дѣйствительно, въ ночь на 2 мая, т.е. какъ-разъ ко дню смотра сотни Командующимъ войсками Московскаго военнаго округа, обмундированіе трубачей, отлично изготовленное, было получено въ Костромѣ

Передъ выступленіемъ сотни изъ г. Грознаго были произведены смотры: Ком. бригады ген.-маіор. Майборода, Начальн.

Командиръ сотни есаулъ Шаликовъ съ урядниками.

дивизіи и Коман. 3 кавказск. арм. корп. генераломъ Ирманомъ. Въ день выступленія, 29 апрѣля, гребенцы, отслуживъ напутственный молебень, стали грузиться въ вагоны.

Проводить сотню въ далекій путь на ст. Грозный собрались родственники и близкіе. Старики благословляли своихъ дѣтей на предстоящій смотръ Царя-Батюшки, давая имъ отеческія наставленія.

Путь до города Костромы гребенцы совершили въ 8 дней, и вечеромъ 7 мая благополучно прибыли къ мѣсту назначенія,

на ст. „Кострома“. На городскомъ берегу Волги сотню встрѣтила, со знаменемъ, рота 183 пѣхотнаго Пултускаго полка. Эта встрѣча была высоко трогательной: братались двѣ воинскія части, которыя въ скоромъ времени должны были вмѣстѣ предстать передъ своимъ Державнымъ Вождемъ. Вслѣдствіе поздняго времени было затруднительно высадиться изъ поѣзда и вступить въ городъ, тѣмъ болѣе, что нужно было еще переправляться на паромѣ черезъ Волгу; поэтому командиръ сотни рѣшилъ ночевать въ вагонахъ.

Бивакъ сотни въ Костромѣ.

Утромъ слѣдующаго дня, 9 мая, сотня высадилась. Къ этому времени прибылъ и командиръ полка, полковникъ Рыбальченко. На берегу Волги гребенцы выстроились и блестяще представились выѣхавшему навстрѣчу сотнѣ Начальнику костромскаго гарнизона, командиру 2 бригады 46 пѣхотной дивизіи, генералъ-маіору Парскому, поздравившему казаковъ съ благополучнымъ прибытіемъ въ Кострому. Въ 10 час. утра сотня вступила въ городъ и расположилась въ городскомъ баракѣ для ратниковъ, любезно отведенномъ воинскимъ начальникомъ, генералъ-маіоромъ Токмачевымъ; лошади были по-

ставлены подъ открытымъ небомъ, на коновязи. Вблизи барака офицеры наняли домъ-особнякъ, очень уютный, расположенный въ саду. Гребенцы очень скоро вполне освоились съ новой обстановкой. Ихъ бивакъ сразу сталъ привлекать массу любопытныхъ, стекавшихся отовсюду посмотрѣть на невиданныхъ до толъ казаковъ, у которыхъ, какъ и на Кавказѣ, музыка, пѣніе и танцы смѣняли конныя ученія, джигитовку и др. служебныя занятія. Но гребенцы не стали терять свободное время на одни развлечения, а партіями, при офицерахъ, отправлялись осматривать святыни и достопримѣчательности города, снимаясь группами въ разныхъ мѣстахъ Костромы— у памятника Сусанину, у Троицкаго собора и проч. Эти снимки будутъ напоминать каждому гребенцу о незабвенныхъ дняхъ пребыванія въ Костромѣ. Около Ипатьевскаго монастыря гребенцы встрѣтили братьевъ-казаковъ, чиновъ Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА конвоя, которые, въ числѣ 20 человекъ при 3-хъ офицерахъ, пріѣхали въ Кострому для занятія караула у Царскихъ покоевъ и охраны Государя при поѣздкахъ по городу.

К о с т р о м а.

Чѣмъ дальше внизъ—тѣмъ берегъ краше,
Все шире, глубже все рѣка,
И—что ни шагъ—свой сказъ завѣщанъ
Ей вами, прошлые вѣка...

Что сказъ, то—новая страница
Той книги, что тобой полна,
Блаженной памяти, родная,
Пережитая старина...

Вотъ Костромскихъ соборовъ главы...
Снимайте шапки, младъ и старъ,
Предъ этой царственной святыней
Гнѣздомъ Романовыхъ бояръ!...

Отсюда въ смутную годину
Надъ Русью вспыхнула заря...
Царь Михаилъ... Иванъ Сусанинъ,
Жизнь положившій за царя...

О, сколько, сколько пробудилось
Завѣтныхъ думъ, забытыхъ словъ
Предъ этимъ сверстникомъ достойнымъ
Старѣйшихъ русскихъ городов!...

Онъ не великъ, но славенъ в малѣ,
Ковали славу не мечи,
Хоть встарь сѣдую не дремали
И предъ врагомъ костромичи.

Работникъ мирный, правя тризны
Надъ прахомъ доблестныхъ отцовъ,
Онъ въ рати мирныя отчизны
И слалъ, и шлетъ своихъ бойцовъ;

И на скрижаляхъ славы нашей
Горять, не гаснутъ имена
Ихъ, рассыпавшихъ полной чашей
Могучей мысли сѣмена...

Ап. Коринфскій.

Кострома, ея святыни и историческіе памятники.

„Спаси Богъ тебѣ, Кострома—городу,
И честному монастырю Ипатцкому,
Что соблюлъ намъ сѣмена Царскія
На великое Московское Государство
Всея Русіи Самодержца...
„И чего то мы у Господа молили,
И чего то мы у Спасителя Свѣта
Со слезами властью и соборы
Всенародно усердно просили--
То намъ Господь-Богъ и подалъ:
Далъ намъ Господь-Богъ Государя,
Царя Михаила Феодоровича на Царство.
А нынѣча у насъ Государь богомоленъ,
Праведенъ и честенъ, и славенъ
Во всѣ окрестныя царства,
И умирилъ Московское Государство,
И утвердилъ свою Царскую Державу“.

Прежде чѣмъ продолжать дальнѣйшее повѣствованіе о счастливыхъ дняхъ, проведенныхъ гребенцами въ Костромѣ, не лишнимъ будетъ ознакомить читателя съ краткимъ обзоромъ этого историческаго города и его святынь.

Колыбель Царственнаго Дома Романовыхъ, давшая Русскому народу родоначальника династіи, возвеличившей страну, городъ Кострома широко раскинулся на высокомъ берегу Волги, утопая въ зелени садовъ. Расположенный на главной водной артеріи края, при сліяніи двухъ рѣкъ, Кострома еще въ древности представляла крупный населенный центръ. Время основанія города теряется въ глубокой древности: еще въ 1213 году о немъ упоминается въ лѣтописяхъ уже какъ о городѣ; слѣдовательно, въ 1913 году Костромѣ исполнилось 700 лѣтъ вполне достовѣрнаго историческаго существованія. Самое слово „Кострома“, по опредѣленію извѣстнаго археолога Уварова, происходитъ отъ эльтонскаго слова „Косторъ“—городъ и мордовскаго „Масъ“—красивый*).

По предположенію историковъ, Кострома первоначально была расположена на правомъ берегу Волги, на мѣстѣ теперешняго села Городища; но въ 1152 г. великій князь Юрій Долгорукій перенесъ городъ на лѣвый берегъ Волги. Его потомокъ великій князь Ярославъ Всеволодовичъ (1238—1246) далъ Кострому въ удѣлъ своему младшему сыну Василию, который въ лѣтописяхъ и получилъ прозваніе „Костромскаго“. Ставъ въ 1272 г. самъ

*) Г. Кострома въ исторіи. Сборникъ рефератовъ. Кострома.

Приваніє на царство Михаїла Сеодоровича Романова.

великимъ княземъ, Василій Ярославичъ не поѣхалъ въ стольный городъ Владиміръ, а остался жить въ любимой имъ Костромѣ, которая такимъ образомъ, до его смерти, въ продолженіе 5 лѣтъ была стольнымъ городомъ Древней Руси.

По свидѣтельству лѣтописцевъ, великій князь Василій Ярославичъ былъ Государь мудрый, милостивый и набожный. Между 1259 и 1262 годами, 16 августа, ему было чудесное явленіе иконы Θεодоровской Божіей Матери, до настоящаго времени служащей предметомъ глубоко-благоговѣйнаго почитанія костромичей.

Впослѣдствіи Кострома часто страдала отъ набѣговъ разбойниковъ, новгородской вольницы, бусурманскихъ купцовъ и татаръ, неоднократно подступавшихъ къ городу. Выдающуюся роль Кострома играла въ Смутное время, начавшееся со смерти послѣдняго Царя изъ Рюриковичей, Θεодора Іоанновича, и продолжавшееся до вступленія на престолъ перваго Царя изъ Дома Романовыхъ, Михаила Θεодоровича.

Расположенный на лѣвомъ берегу Волги, при впаденіи въ нее р. Костромы, городъ отстоитъ въ 348 в. отъ Москвы и въ 742 в. отъ Петербурга. Губернскимъ онъ считается съ 1796 года. По переписи 1912 года въ немъ до 60 тысячъ жителей, занимающихся, главнымъ образомъ, торговлей, промыслами и работой на фабрикахъ, заводахъ и въ промышленныхъ заведеніяхъ. Въ Костромѣ ежегодно бывають двѣ ярмарки, на которыхъ торгуютъ ситцами, полотнами, деревянными кустарными издѣліями, уральскими горными издѣліями, садовой мебелью, всевозможными сластями и пр.

Какъ всякій старинный русскій городъ, Кострома имѣетъ много храмовъ. Самымъ большимъ и замѣчательнымъ по сооруженію является грандіозный Успенскій соборъ, колокольня котораго считается самой красивой во всемъ Поволжьѣ. Лѣтній соборный храмъ былъ построенъ еще великимъ княземъ Васиціемъ Ярославичемъ, въ концѣ XIII вѣка, въ Кремлѣ, или Старомъ городѣ. Это единственный храмъ въ Россіи, алтари котораго обращены не на востокъ, а на сѣверъ. Главная святыня собора— чудотворный образъ Θεодоровской Богоматери. Въ соборѣ хранится много разныхъ вкладовъ Царя Михаила Θεодоровича и его родительницы, инокини Марѣи.

Въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

Въ обители далекой,
Подъ Костромой, въ лѣсахъ глухихъ,
Мать съ тоской глубокой
Молилась... сынъ при ней
Возросъ въ тиши уединенья,
Какъ голубъ чистый подъ крыломъ
Голубки-матери. Вдвоемъ
Они чуждались блеска міра,
Его ничтожной суеты!
Она отъ жизненнаго пира,
Во цвѣтѣ лѣтъ и красоты,
Была оторвана насильно
И долго мучилась безсильно,
Совсѣмъ одна: но наконецъ,
Ей отданъ сынъ! Его отецъ
Въ плѣну, въ Литвѣ, томится долго.
Въ годину бурь, въ годину бѣдъ
Слуга отчизны Филаретъ
Не отступалъ на шагъ отъ долга.

Весь родъ Романовыхъ давно
Народу близокъ былъ; въ одно
Слились теперь воспоминанья
Заслугъ Романовыхъ... Земля
Въ ихъ родѣ выберетъ царя.
И вотъ однажды, съ этой цѣлью.
Къ смиренной инокини въ келью
Явились старцы: „Весь народъ
Челомъ тебѣ и сыну бьетъ!
Благослови его на царство!“

— Нѣтъ!... Нѣтъ!... На тяжкое мытарство
Я не отдамъ его!... За честь
Благодаримъ... Другіе есть—
И старше, и опытнѣе Миши..
Пускай полетъ подниметъ выше
Двуглавый царственный орелъ.
Удѣлъ царей земныхъ тяжелъ,
Тяжка и шапка Мономаха!“

Гребенцы въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

И, вся полна тоски и страха,
Съ горячей, страстною слезой,
Она къ груди своей родной
Прижала сына. Но дорога
Ему намѣчена; обѣтъ
Онъ долженъ дать, исхода нѣтъ:
Народа голосъ—голосъ Бога.

Львовъ.

Ипатьевскій монастырь.

Наибольшій историческій интересъ представляетъ, конечно, Ипатьевскій мужской монастырь, расположенный на правомъ берегу р. Костромы, при впаденіи ея въ Волгу. Онъ основанъ въ 1330 г. татарскимъ мурзой Четомъ, родоначальникомъ бояръ Годуновыхъ, который ушелъ изъ Золотой Орды, крестился, принялъ имя Захарія и поступилъ на службу къ московскому князю Іоанну Даниловичу Калитѣ. Проѣзжая однажды изъ Орды въ Москву, Четъ заболѣлъ и остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Ипатьевскій монастырь. Здѣсь онъ удостоился чудеснаго явленія Божіей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ и съ молящимися предъ нею св. апостоломъ Филиппомъ и св. Ипатіемъ Гангринскимъ *) Въ память этого явленія Четъ построилъ деревянную церковь, обнесенную дубовой стѣной. Во второй половинѣ XVI вѣка въ Ипатьевскомъ монастырѣ былъ сооруженъ каменный соборъ Живоначальныя Троицы, строителями котораго были бояре Годуновы, избравшіе монастырь своей усыпальницей. 14 марта 1613 г. въ этомъ соборѣ юный костромской бояринъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, избранный на Всероссійскій престолъ, принялъ московское посольство. Въ настоящее время монастырь служитъ мѣстопробываніемъ костромскихъ епархіальныхъ и викарныхъ епископовъ.

Надъ западными воротами Ипатьевского монастыря возвышается такъ называемая Зеленая башня, построенная въ 1642 г. по повелѣнію царя Михаила Ѳеодоровича **). Въ эти ворота, 300 лѣтъ тому назадъ, вышелъ изъ Ипатьевской обители, слѣдуя въ Москву, первый государь новой династіи.

*) Г. Кострома въ исторіи. Сборникъ рефератовъ, прочит. въ Костр. мужской гимн.

***) Костромской край. Юбилейный сборникъ 1613—1913 гг.

Дворецъ Романовыхъ.

Въ Ипатъевскомъ монастырѣ сохранился, хотя и въ значительно измѣненномъ видѣ, дворецъ Михаила Ѳеодоровича, верхній этажъ котораго занимали покои инокини Марѳы и ея сына Михаила, а нижній былъ отведенъ подъ службы. Внутреннія помѣщенія этого дворца представляютъ хорошій образецъ русскаго жилища XVII вѣка: низкія, сводчатая, полутемныя и очень маленькія комнаты. Вся обстановка палатъ Михаила Ѳеодоровича въ настоящее время перенесена изъ дворца въ Романовскій музей—остались только обитыя шелковой матеріей скамьи вдоль стѣнъ. Особое вниманіе посѣтителя привлекаютъ хорошо сохранившіеся во всѣхъ комнатахъ печи—высокія, до потолка, далеко выступающія, сверху донизу обложенныя цвѣтными узорчатыми изразцами, съ разными надписями подъ картинами. Напримеръ, подъ деревомъ съ висящимъ на немъ змѣемъ написано: „Съ тобой засыхаю“. Подъ изображеніемъ боченка: „Былъ бы ромъ, а то что толку въ немъ“. Около ласточки написано: „Весну вѣщаетъ“. Въ такомъ же родѣ надписи и на другихъ изразцахъ. Стѣны палатъ были расписаны сценами, относящимися къ восшествію на престолъ Михаила Ѳеодоровича, но эта живопись не сохранилась; повидимому, точная копія картинъ, написанныхъ на стѣнахъ дворца, вскорѣ послѣ 1613 г. была воспроизведена и на стѣнахъ Костромскаго Успенскаго собора, гдѣ сохранилась въ хорошемъ состояніи до настоящаго времени *).

Богоявленскій монастырь.

Почти въ центрѣ Костромы находится Богоявленскій женскій монастырь, бывшій до 1847 г. мужскимъ. Онъ основанъ въ XV столѣтіи, при великомъ князѣ Василии II Темномъ (1425—1462), инокомъ Никитой, ученикомъ преподобнаго Сергія Радонежскаго. Въ 1608 г. поляки напали на этотъ монастырь, разграбили все имущество, а монаховъ перебили. Въ 1642—1648 гг. монастырь былъ обнесенъ каменной, съ б-ю башнями и двойными воротами, оградой. Въ 1847 г. онъ сгорѣлъ, и послѣ пожара долго находился въ запустѣніи, пока стараніями архіепископа костромскаго

*) Г. Кострома въ исторіи. Сборникъ рефератовъ.

Платона и игумені Маріи Давыдовой не былъ возстановленъ въ прежнемъ видѣ.

Въ Богоявленскомъ монастырѣ находятся особо чтимыя костромичами святыни: чудотворный образъ Смоленской Божіей Матери и образъ Святителя Николая Чудотворца; обѣ иконы написаны красками на стѣнѣ собора.

Памятникъ Ивану Сусанину.

Тебѣ-ль чугунонъ, тебѣ-ли мраморъ ставить,
Сусанинонъ, доблестный и вѣрный гражданинъ,
Святой Руси достойный сынъ?...
Тебя-ли можемъ мы чрезъ памятникъ прославить?
Увѣковѣчимъ-ли тебя въ странѣ твоей
Дѣяньемъ рукъ и грудями камней?...
Чугунонъ расплавится... полудня мраморъ бѣлый
Раздробятъ долгіе морозы русскихъ зимъ...
Есть памятникъ иной: онъ твердъ, несокрушимъ,
Онъ силенъ и великъ, какъ ты, Сусанинонъ смѣлый!
Сей вѣчный памятникъ давно сооруженъ
Тебѣ въ сердцахъ признательныхъ потомковъ:
Во дни крамоль и смуть изъ пепла, изъ обломковъ,
Съ Россіей новою возсталъ, какъ Фениксъ, онъ
И съ нею все растеть, могучій и спокойный.
Да!... благоденствіе и слава Россіянъ,
Да!... громкія хвалы позднѣйшихъ согражданъ,—
Вотъ памятникъ, Сусанина достойный!

Ростопчина.

14 марта 1851 г., въ Костромѣ былъ открытъ памятникъ Царю Михаилу Ѳеодоровичу и крестьянину Ивану Осипову Сусанину. Этотъ монументъ, воздвигнутый по мысли костромскаго дворянства, величаво красуется на главной площади города. Онъ строго выдержанный по стилю, искусной работы талантливаго скульптора Демуть-Малиновскаго. За массивной бронзовой оградой, на квадратномъ пьедесталѣ, изъ красноватаго гранита, возвышается стройная, увѣчанная бронзовымъ бюстомъ юнаго Царя Михаила колонна. Съ лѣвой стороны, у подножія колонны, колѣнопреклоненная фигура молящагося Сусанина, съ прижатыми къ груди руками и поднятой вверхъ головой, а съ правой—его родословная и двѣ грамоты, данныя его роду за великія заслуги

Ивана Сусанина передъ отечествомъ *). На лицевой сторонѣ пьедестала бронзовый барельефъ, изображающій мученическую смерть Сусанина въ дремучемъ лѣсу. На серединѣ колонны гербъ

Гребенцы, у памятника Сусанину.

Костромской губерніи, а подъ самымъ бюстомъ Царя — гербъ Россіи. На задней сторонѣ пьедестала надпись:

Ивану Сусанину
за Царя,
Спасителя Вѣры и Царства, животь свой
положившему благодарное потомство.
1858.

*) Г. Кострома въ исторіи. Сборникъ рефератовъ.

На двухъ боковыхъ сторонахъ пьедестала поставлены даты: 1613 и 1851 г., т.-е. годъ избранія на царство Михаила Ѳеодоровича и подвига Сусанина и годъ открытія памятника.

На Сусанинской же площади находится часовня, построенная въ память мученической кончины Царя-Освободителя Александра II-го, на средства, пожертвованныя жителями Костромы и Костромского уѣзда.

„Иванъ Сусанинъ“.

„Куда ты ведешь насъ?... Не видно ни зги!...—
Сусанину съ сердцемъ вскричали враги:—
Мы вязнемъ и тонемъ въ сугробинахъ снѣга.
Намъ, знать, не добратся съ тобой до ночлега.
Ты сбился, братъ, вѣрно, нарочно съ пути,
Но тѣмъ Михаила тебѣ не спасти;
Пусть мы заблудились, пусть вьюга бушуетъ,
Но смерти отъ ляховъ вашъ царь не минуетъ...
Веди жъ насъ, такъ будетъ тебѣ за труды;
Иль бойся—не долго у насъ до бѣды!
Заставилъ всю ночь насъ пробиться съ метелью...
Но что тамъ чернѣетъ въ долинѣ за елью?“
„Деревня!—сарматамъ въ отвѣтъ мужичекъ:—
„Вотъ гумна, заборы, а вотъ и мостокъ.
За мною! въ ворота: избушечка эта
Во всякое время для гостя нагрѣта.
Войдите—не бойтесь!“—„Ну, то-то, москаль“!...
„Такой я проклятой не видывалъ ночи!
Слѣпились отъ снѣга соколии очи...
Жупанъ мой—хоть выжми, нѣтъ нитки сухой!“
Вошелъ, проворчалъ такъ сарматъ молодой.
„Вина намъ, хозяинъ, мы смокли, иззябли!
Скорѣй!... не заставь насъ приняться за сабли!“
Вотъ скатерть простая на столъ постлана,
Поставлено пиво и кружка вина,
И русская каша, и ши предъ гостями,
И хлѣбъ передъ каждымъ большими ломтями.
Въ оконницы вѣтеръ, бушуя, стучитъ,
Уныло и съ трескомъ лучина горитъ.
Давно ужъ за полночь... Сномъ крѣпко объаты,

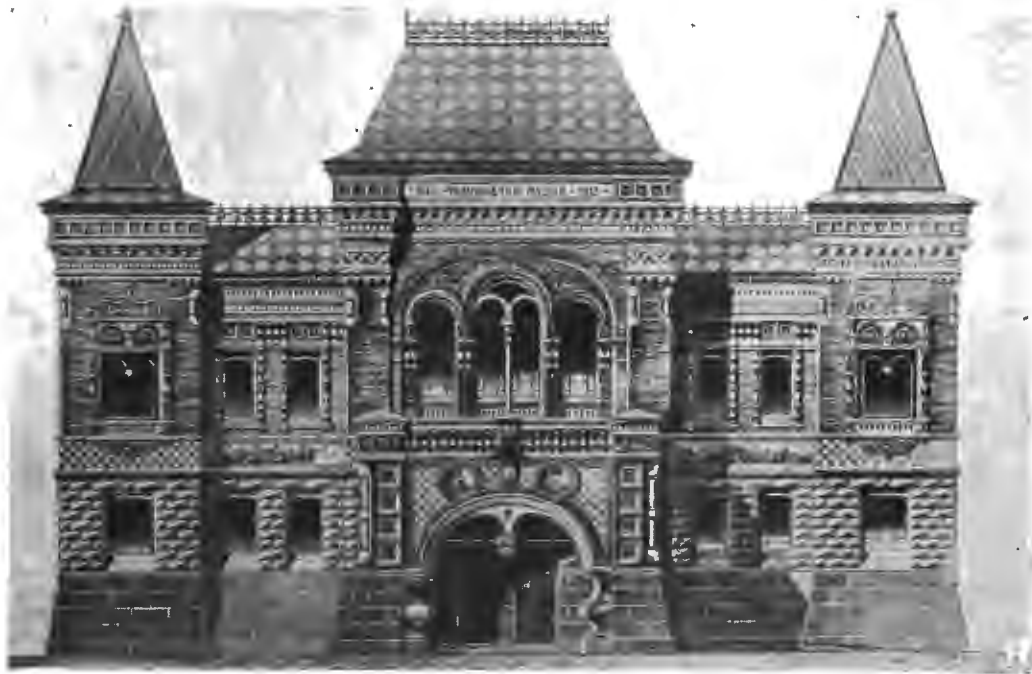
Лежать беззаботно по лавкамъ сарматы,
Всѣ въ дымной избушкѣ вкушаютъ покой;
Одинъ на сторожѣ Сусанинъ сѣдой:
Вполголоса молить въ углу у иконы
Царю молодому святой обороны.
Вдругъ кто-то къ воротамъ подъѣхалъ верхомъ.
Сусанинъ поднялся и къ двери тайкомъ...
„Ты-ль это, родимый?... А я за тобой!
Куда ты уходишь ненастный порой?
За полночь... и вѣтеръ еще не затихъ...
Наводитъ тоску лишь на сердце родныхъ!“—
„Приводитъ самъ Богъ тебя къ этому дому!
Мой сынъ, поспѣшай же къ царю молодому;
Скажи Михаилу, чтобъ скрылся скорѣй;
Что гордые ляхи по злобѣ своей
Его потаенно убить замышляютъ,
И новой бѣдою Москвѣ угрожаютъ!
„Скажи, что Сусанинъ спасаетъ царя,
Любовью къ отчизнѣ и вѣрѣ горя.
Скажи, что спасенье въ одномъ лишь побѣгѣ;
И что ужъ убійцы со мной на ночлегѣ!“
„Но что ты затѣялъ? подумай, родной!
Убьютъ тебя ляхи... Что будетъ со мной?
И съ юной сестрой и съ матерью хилой?“—
„Творецъ защититъ васъ святой своей силой.
Не дастъ Онъ погибнуть, родимые, вамъ.
Покровъ и помощникъ Онъ всѣмъ сиротамъ.
Прощай же, о сынъ мой, намъ дорого время,
И помни: я гибну за русское племя!“—
Рыдая, на лошадь Сусанинъ молодой
Вскочилъ и помчался свистящей стрѣлой.
Луна между тѣмъ совершила полъ-круга:
Свистъ вѣтра умолкнулъ, утихнула вьюга;
На небѣ восточномъ зардѣлась заря:
Проснулись сарматы, злодѣи царя.
„Сусанинъ!“—вскричали:—„что молишься Богу?
Теперь ужъ не время: пора намъ въ дорогу!“
Оставивъ деревню, шумящей толпой
Въ лѣсъ темный вступаютъ окольной тропой,
Сусанинъ ведетъ ихъ... Вотъ утро настало,

И солнце сквозь вѣтви въ лѣсу засіяло:
То скроется быстро, то ярко блеснетъ,
То тускло засвѣтитъ, то вновь пропадетъ...
Стоять, не шелохнись, и дубъ, и береза;
Лишь снѣгъ подъ ногами хруститъ отъ мороза.
Лишь временно воронъ, вспорхнувъ, прошумитъ,
И дятель дуплистую иву долбитъ.
Другъ за другомъ идутъ въ молчаньи сарматы;
Все далѣ и далѣ сѣдой ихъ вожатый.
Ужъ солнце высоко сіяетъ съ небесъ;
Все глуше и диче становится лѣсъ,
И вдругъ пропадаетъ тропинка предъ ними.
И сосны, и ели, вѣтвями густыми
Склонившись угрюмо до самой земли,
Дебристую стѣну изъ сучьевъ сплели,
Вотще насторожѣ тревожное ухо:
Все въ томъ захолустѣ и мертво и глухо...
„Куда ты завелъ насъ?“—ляхъ старый вскричалъ.
„Туда, куда нужно!“ Сусанинъ сказалъ.
„Убейте. замучьте!—моя здѣсь могила!
Но знайте и рвитесь,—я спасъ Михаила!
Предателя, мнили, во мнѣ вы найти:
Ихъ нѣтъ и не будетъ на Русской земли!
Въ ней каждый отчизну съ младенчества любить
И душу измѣной свою не погубитъ“.—
„Злодѣй!“— закричали враги, закипѣвъ:
„Умрешь подъ мечами!“— „Не страшень вашъ гнѣвъ!
Кто русскій по сердцу, тотъ бодро и смѣло,
И радостно гибнетъ за правое дѣло!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнувъ, умру за Царя и за Русь!“
„Умри же!“—сарматы герою вскричали.—
И сабли надъ старцемъ свистя засверкали.
„Погибни, предатель! конецъ твой насталь!“
И твердый Сусанинъ весь въ язвахъ упаль.
Снѣгъ чистый чистѣйшая кровь обагрила.
Она для Россіи спасла Михаила. **К. Ѡ. Рылѣевъ.**

Романовскій музей.

Романовскій музей заложенъ 21 іюня 1909 г. и оконченъ постройкой въ 1912 г. Онъ состоитъ изъ отдѣловъ: церковнаго, нумизматическаго (собраніе древнихъ монетъ), историческаго, этнографическаго и доисторическаго. Крімъ того, имѣется специаль-

Романовскій музей.

ный отдѣлъ—Романовскій, въ которомъ собрано все относящееся къ Дому Романовыхъ *). Особенно богатъ и интересенъ отдѣлъ церковныхъ древностей XVI и XVII вѣковъ, т.-е. самой блестящей эпохи въ исторіи русскаго искусства. Здѣсь собраны рѣдкіе образцы церковной художественной утвари и живописи, металлическихъ издѣлій, ювелирныхъ, литейныхъ, шитья, разныхъ украшеній (миніатюры) и проч.

*) Г. Кострома въ исторіи. Сборникъ рефератовъ.

Заонежская заточница.

Этимъ именемъ въ историческихъ документахъ конца XVI вѣка и начала XVII вѣка называется мать царя Михаила Феодоровича, „великая старица“, инокиня Марѳа, сосланная царемъ Борисомъ Годуновымъ въ Толвуйскій погостъ Олонецкой губ. и проведенная въ заточеніи 5 лѣтъ.

Инокиня Марѳа, въ міру боярыня Ксенія Ивановна Романова, родилась около 1570 г. Ея отецъ, Иванъ Васильевичъ Шестовъ, происходилъ отъ древняго рода, поступившаго на службу къ Александру Невскому и отличившагося въ Невской битвѣ.

Еще будучи боярышней, Ксенія Ивановна была хорошо обучена грамотѣ, что по тогдашнему времени было большою рѣдкостью. Около 1590 г. она вступила въ бракъ съ очень знатнымъ юношей Феодоромъ Никитичемъ Романовымъ, впоследствии ставшимъ патриархомъ Филаретомъ. Отъ этого брака родилось 6 человѣкъ дѣтей: Борисъ, Никита, Левъ, Михаилъ, Татьяна и Иванъ, но въ живыхъ остались только сынъ Михаилъ, родоначальникъ Дома Романовыхъ, и дочь Татьяна *).

Въ 1601 г. Ксенія Ивановна была насильственно пострижена въ монашество, подъ именемъ Марѳы, и сослана въ пустынные заонежскія погосты. Ея дѣтей, 5-лѣтняго Михаила и 3-лѣтнюю

Инокиня Марѳа.

*) Г. Кострома въ исторіи. Сборникъ рефератовъ.

Татьяну, отняли и тоже сослали, отдѣльно отъ матери, на Бѣлоозеро. Инокія Марѳа жила въ Толвѣ въ „маломъ теремѣ“, подъ присмотромъ двухъ приставовъ; пищу ей отпускали плохого качества и въ недостаточномъ количествѣ. По словамъ лѣтописцевъ, „Царицѣ Марѳѣ Ивановнѣ данъ былъ столикъ, подъ столикомъ въ чашѣ вода, а на столикѣ овесъ ей есть“. Такое строгое заточеніе продолжалось, впрочемъ, только годъ, и уже въ 1602 г. Марѳѣ Ивановнѣ разрѣшили „войти въ сношеніе“ съ населеніемъ, и она, черезъ вѣрныхъ ей людей, стала получать свѣдѣнія о дѣтяхъ и мужѣ.

Долгіе годы ссылки истомили инокиню Марѳу. Но и по возвращеніи изъ ссылки много горя пришлось пережить ей въ тяжелое Смутное время, прежде чѣмъ она могла поселиться, вмѣстѣ съ сыномъ, въ Костромѣ, въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

Вскорѣ въ Кострому прибыло московское посольство съ извѣщеніемъ, что Михаилъ Ѳеодоровичъ единогласно избранъ земскимъ соборомъ на престолъ.

Чердынскій узникъ.

Въ томъ же 1601 г., когда была заточена Ксенія Ивановна, по рѣшенію боярскаго суда и по приказу царя Бориса Годунова, ея мужа боярина Ѳеодора Никитича Романова, тоже постригли въ монашенство, подъ именемъ Филарета, и сослали въ Антоніево-Сійскій монастырь, Архангельской губерніи, а братьевъ его разослали по разнымъ отдаленнымъ мѣстамъ государства: Василія—въ Яранскъ, Ивана—въ Пельмъ, Александра—въ Усолье и Михаила—въ село Ниропъ, близъ Перми, въ 7 верстахъ отъ Чердыни.

Тяжкія физическія мученія и нравственныя страданія перенесли въ ссылкѣ бояре Романовы. Но всѣхъ больше мученій пришлось вынести чердынскому узнику Михаилу Никитичу: онъ былъ посаженъ въ сырую, темную яму и закованъ въ желѣзныя цѣпи, никогда не снимавшіяся. Для наблюденія днемъ и ночью къ нему были приставлены жестокіе стражи. Безгранично кроткій и смиренный по природѣ, страдалецъ Михаилъ Никитичъ съ такимъ терпѣніемъ и мужествомъ переносилъ свои мученія, что

мѣстные крестьяне и даже ихъ маленькія дѣти прониклись глубочайшимъ уваженіемъ и любовью къ нему; несмотря на угрозы смертью за сношенія съ узникомъ, они всетаки приносили зако-

Патріархъ Филаретъ.

ванному „въ чепи и кандалы“ Михаилу Никитичу пищу и всячески облегчали его страданія. Они почитали его праведникомъ, и память о немъ до сего времени сохраняется среди ниропцевъ, которые за свое участіе и помощь узнику получили въ 1625 г. жалованную грамоту, „чтобы имъ, для вѣчнаго поминовенія

бывшей у нихъ въ ссылкѣ столь знатной персоны, отъ всякихъ податей быть свободными“ *).

Въ 1606 г. Михаилъ Никитичъ Романовъ „въ тѣсномъ заключеніи умре насильственной смертью“. Его тѣло было перевезено въ Москву и погребено въ Ново-Спасскомъ монастырѣ, вмѣстѣ съ братьями Александромъ и Василиемъ.

Объ Александрѣ Никитичѣ Романовѣ сохранилось преданіе, что послѣ его смерти враги его хотѣли уничтожить слѣды могилы, но надъ ней выросли могучія сосны, помѣшавшія злomu дѣлу.

Юбилейная выставка.

Костромская губернская выставка, устроенная въ ознаменованіе 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ, расположена была на набережной р. Волги и занимала довольно обширную площадь. По внѣшнему виду выставка носила чисто древне-русскій характеръ. Въ центрѣ ея, на площади, покрытой клумбами, газонами и дорожками, воздвигнута была большая конная статуя русскаго богатыря, олицетворявшая мощь русскаго народа, съ поникшей головой погруженнаго въ великую думу. Самый большой павильонъ на выставкѣ—Земскій, двухъ-этажное зданіе, съ башней и золотымъ шатромъ, увѣнчанымъ двуглавымъ орломъ. Стѣны башни украшены декоративными панно, изображающими избраніе Михаила Ѳеодоровича на царство и др. событія 1613 г. Внутри, въ особо устроенной нишѣ, находился бюстъ Императора Николая II. Очень интересенъ по внутреннимъ росписямъ павильонъ г. Костромы, гдѣ во фризѣ второго яруса зданія была изображена панорама города и рѣки Волги. Кромѣ названныхъ, на выставкѣ имѣлись еще павильоны: кустарный, Бол. Костромской Льяной Мануфактуры, крупной ткацко-прядельной промышленности, сельско-хозяйственный, животноводства, лѣсной, рыболовства, охоты и навѣсъ для сельско-хозяйственныхъ машинъ. Всѣ зданія художественной архитектуры: постройка и украшенія ихъ были исполнены по проектамъ и рисункамъ талантливаго архитектора-художника Л. Р. Сологуба.

Выставка открыта была съ мая и продолжалась до сентября.

*) Вся Кострома. Путеводитель.

Учебныя заведенія.

Въ Костромѣ много среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній: 2 мужскихъ гимназій, духовная семинарія, реальное училище, механико-техническое училище, Костромское землемѣрное училище, городская женская гимназія, частная женская гимназія Смольяниновой, Костромское епархіальное женское училище, Костромская женская учительская семинарія, духовное мужское училище, химико-техническое училище, торговая школа, училище слѣпыхъ и много низшихъ городскихъ и частныхъ учебныхъ заведеній и воскресныхъ школъ.

Приготовленія къ Высочайшему смотру.

Вернемся теперь къ нашей главной темѣ—описанію пребыванія сотни гребенскихъ казаковъ въ Костромѣ и участія ея въ юбилейныхъ торжествахъ.

Кавказскихъ казаковъ костромичи никогда раньше не видали, и поэтому, съ перваго же дня пребыванія гребенцовъ въ Костромѣ, проявили къ нимъ живое любопытство: обступали ихъ толпою, заглядывали въ лица и съ интересомъ разсматривали азіатскій костюмъ и красивое вооруженіе. Бивакъ сотни каждый день, съ ранняго утра и до поздняго вечера, былъ окруженъ толпой народа, среди котораго преобладали женщины и дѣти; послѣднія положительно не давали гребенцамъ прохода, всюду слѣдуя за ними. Первое время казаки относились къ этому спокойно, но потомъ пришлось просить мѣстное начальство назначить къ биваку сотни особый полицейскій нарядъ, чтобы не допускать любопытныхъ на мѣсто расположенія гребенцовъ. Чистить-ли казакъ ружье, или лошадь, осматриваетъ-ли вооруженіе, или сбрую, а вокругъ него уже собралась цѣлая толпа: заглядываютъ на каждую вещь, спрашиваютъ, —вообще мѣшаютъ дѣлу.

Гребенцы привлекли къ себѣ вниманіе и интересъ не только простого народа, но и лицъ интеллигентныхъ. Многіе изъ послѣднихъ часто спрашивали офицеровъ: „Когда же вы покажете намъ вашихъ казаковъ на ихъ выхолненныхъ лошадяхъ на

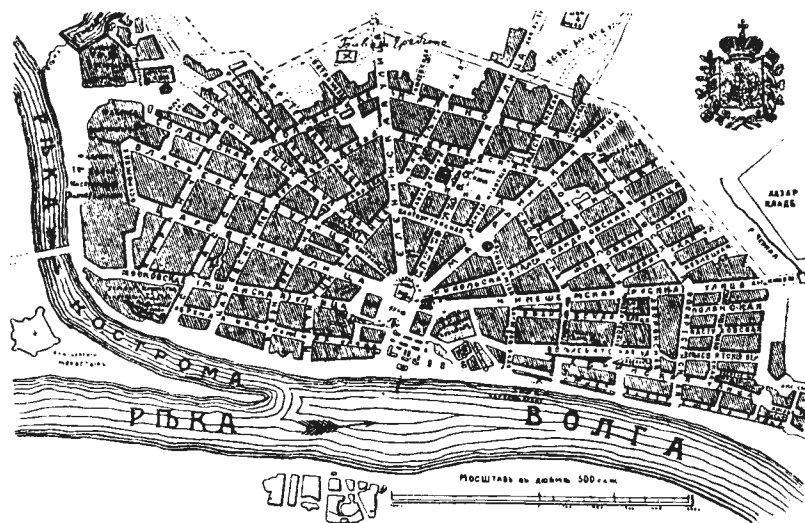
улицахъ города?“ И люди, и кони, и гребенскій оркестръ, и лихія казацкія пѣсни, подъ звуки зурны, прямо-таки очаровывали костромичей. Да и было чѣмъ любоваться! Статныя фигуры, типичныя красивыя, южныя лица, блестящее новое вооруженіе и обмундированіе, косматыя ружейныя чехлы, бѣлые бешметы и такого же цвѣта папахи, выхоленныя лошади, новыя сѣдла—все это даже и на Кавказѣ бросалось бы въ глаза, а на сѣверѣ Россіи, гдѣ терскіе казаки появились, носомнѣнно, впервые, привлекало особое вниманіе костромичей.

Мѣстныя военныя власти—Начальникъ гарнизона генераль-майоръ Парскій и Уѣздный Воинскій начальникъ генераль-майоръ Токмачевъ—отнесли къ прибывшимъ гребенцамъ очень заботливо и радушно: они съ полной готовностью оказали свое содѣйствіе наиболѣе удобному размѣщенію сотни и снабженію ея въ изобиліи всѣмъ необходимымъ. Квартирующій въ Костромѣ 183-й пѣхотный Пултусскій полкъ встрѣтилъ прибывшія на юбилейныя торжества части—13-й лейбъ-гренадерскій Эриванскій ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полкъ и сотню гребенцовъ хлѣбомъ-солью, съ искреннимъ товарищескимъ радушіемъ и гостепріимствомъ.

Съ каждымъ днемъ своего пребыванія въ Костромѣ гребенцы все больше и больше осваивались съ городомъ и его жителями. Жизнь ихъ проходила очень разнообразно: утромъ служба, выѣзды на ученія, затѣмъ осмотръ города, посѣщеніе новыхъ знакомыхъ костромичей, любезно приглашавшихъ къ себѣ кавказскихъ гостей, къ вечеру товарищескіе обѣды и ужины.

Тѣмъ временемъ городъ лихорадочно готовился къ предстоящимъ торжествамъ. Постепенно цѣны на все стали подниматься до неимовѣрной высоты, особенно послѣ того, какъ въ Кострому начали съѣзжаться высокія особы всѣхъ вѣдомствъ. Такъ, за номеръ въ гостиницѣ за 2 недѣли запрашивали 700 р.; самый обыкновенный одноконный извозчикъ просилъ за это время 500 рублей и т. п. Костромичи говорили: „Надо же пользоваться,—случай рѣдкій, небывалый; обывателямъ пришлось не мало потратиться на приведеніе домовъ и улицъ въ порядокъ, такъ надо же вернуть свои денежки“. Кострома дѣйствительно украшалась и убиралась надиво: генеральная очистка улицъ, побѣлка и окраска домовъ кипѣли повсюду, не только въ Костромѣ, но и по всей дорогѣ, начиная отъ самой Москвы. Спѣшной работы вездѣ было такъ много, что поневолѣ приходилось задумываться: успѣютъ ли все окончить къ пріѣзду Государя. Въ самомъ

центрѣ Костромы, на площади, вблизи Успенскаго собора, противъ городского сада, воздвигается памятникъ 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ. Цоколь былъ приготовленъ заранѣе, а самая закладка приурочена къ приѣзду Государя, которая и была совершена 20 мая въ присутствіи Государя Императора и др. Высочайшихъ Особъ. Памятникъ сооружается по проекту скульптора Адамсона. Рядомъ съ нимъ строился особый царскій павильонъ и деревянный помостъ отъ собора къ памятнику; улицы перемасивались и посыпались пескомъ, набережная Волги одѣвалась дерномъ, на рѣкѣ Костромѣ наводился мостъ на плоткахъ,

Планъ гор. Костромы.

а отъ Ипатьевскаго монастыря до специально устроенной Царской пристани на Волгѣ проводилось особое шоссе. Противъ памятника, въ городскомъ саду, для публики построены были 4-хъ ярусныя трибуны. Весь городъ обновлялся и украшался. Всѣ эти работы велись очень спѣшно тысячами рабочихъ, которымъ платились тройныя цѣны.

Размѣстившись въ отведенномъ имъ городскомъ баракѣ, гребенцы уже на другой день по прибытіи въ Кострому, т.-е. 9 мая, выѣхали на ученье на лагерный участокъ Пултускаго полка и тамъ же, передъ самымъ лагеремъ, встрѣтили прибывшихъ эриванцевъ ихъ Даргинскимъ полковымъ маршемъ и радостными кликами „ура“.

На слѣдующій день, въ 10 час. утра, начальники отдѣльныхъ частей собрались въ квартирѣ начальника костромскаго гарнизона, чтобы обсудить вопросъ о встрѣчѣ Командующаго войсками Московскаго военнаго округа, генерала-отъ-кавалеріи Плеве. По плану мѣстности было точно рассчитано, что пѣхотнымъ полкамъ надо выступить въ 6 ч. утра, чтобы вовремя прибыть на шоссе къ Царской пристани, а сотня гребенцовъ къ 8 час. утра должна подойти къ переправѣ черезъ рѣку Кострому. Послѣ совѣщанія, начальники частей, вмѣстѣ съ начальникомъ гарнизона, отправились въ экипажахъ на Царскую пристань и тамъ, на мѣстѣ встрѣчи, условились относительно разстановки войскъ шпалерами и о размѣщеніи почетнаго караула. На обратномъ пути они осмотрѣли мѣста, предназначенныя для расположенія войскъ для парада на Соборной площади. Эта площадь такъ мала, что участвовавшіе въ парадѣ два пѣхотныхъ полка, Эриванскій и Пултусскій, предположено было расположить въ резервныхъ колоннахъ по-батальонно, а сотню гребенцовъ поставить въ полусотенной колоннѣ въ пѣшемъ строю. Для церемоніальнаго марша эриванцамъ нужно было отойти назадъ и втянуться въ улицу, изъ которой затѣмъ и начинать маршъ. Что же касается Пултусскаго полка и сотни гребенцовъ, то имъ необходимо было пройти черезъ городской садъ и дворъ торговыхъ рядовъ, а затѣмъ стать въ затылокъ эриванцамъ на Мшанской улицѣ, со стороны Сусанинской площади.

На слѣдующій день, 11 мая, была сдѣлана репетиція предстоящей встрѣчи. Къ заранѣе назначенному времени войска уже были разставлены шпалерами на опредѣленныхъ мѣстахъ: на правомъ флангѣ, съ лѣвой стороны отъ шоссе, стали эриванцы, за ними пултусцы, а у самага Ипатьевскаго монастыря, противъ воротъ Зеленой башни, расположилась сотня гребенцовъ. Почетный карауль отъ 13-го лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка былъ выставленъ противъ Царской пристани. Въ 10¹/₂ час. утра прибылъ Командующій войсками Московскаго военнаго округа, генер. Плеве, сопровождаемый Командиромъ 25 армейскаго корпуса, генераломъ Зуевымъ, и Начальникомъ штаба округа. Обойдя карауль, генералъ-отъ-кавалеріи Плеве совершилъ объѣздъ войскъ. Бравый видъ гребенцовъ и ихъ коней произвелъ на него самое лучшее впечатленіе, и онъ два раза благодарилъ командира полка и командира сотни, а казакамъ сказалъ: „спасибо“. Командиръ корпуса тоже выразилъ

полковнику Рыбальченко свое полное удовольствіе, сказавъ: „Ви-дѣлъ не разъ и кубанцевъ и терцевъ, но такихъ молодцовъ не видалъ“.

Когда генер. Плеве окончилъ объѣздъ, войска были отпу-щены на обѣдъ, и стали переправляться на паромѣ черезъ р. Кострому обратно въ городъ, а Командующій войсками, гене-ралы и начальники частей собрались у Начальника гарнизона, генерала Парскаго, на завтракъ. Къ 2 ч. того же дня части войскъ опять были вызваны для репетиціи парада и церемоніаль-наго марша на Соборной площади, гдѣ генералъ Плеве и произ-велъ парадъ, оставшись вполне доволенъ состояніемъ войскъ, которымъ вскорѣ предстояло участіе на Царскомъ смотру. Затѣмъ Командующій войсками округа осмотрѣлъ городскую пристань и принялъ тамъ же почетный караулъ отъ 183 пѣхотнаго Пул-тусскаго полка, пропустивъ его церемоніальнымъ маршемъ. Къ сожалѣнію, близъ пристани вся мѣстность была изрыта, вслѣд-ствіе производившихся земельныхъ работъ, и ротѣ почетнаго караула было крайне неудобно маршировать по кучамъ камней и песку.

12 мая пултусцы чествовали прибывшія въ Кострому войска хлѣбомъ-солью, при чемъ каждая рота ихъ угошала соответст-вующую по номеру роту эриванцевъ, а сотню гребенцовъ уго-шала учебная команда. Вечеромъ состоялись танцы и пѣсни, а затѣмъ джигитовка ординарцевъ Пултусскаго полка, которые на своихъ маленькихъ киргизскихъ лошадакахъ исполняли разные приемы: лихо соскакивали, клали на скаку лошадей и открывали огонь холостыми патронами.

14 мая, въ день св. коронованія ИХЪ ИМПЕРАТОР-СКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, на площади у Собора былъ произведенъ по ранѣе установленному плану церковной парадъ войскамъ. Три-буны и тротуары у церковной ограды, а также городской садъ были сплошь наполнены публикой, не смотря на то, что съ утра шелъ дождь, который, впрочемъ, къ концу обѣдни пересталъ, такъ что парадъ вышелъ вполне удачнымъ. Всюду на улицахъ города оживленіе, толпы гуляющихъ мѣстныхъ жителей, жи-вленные разговоры, веселыя лица...

17 мая, съ 10 час. утра, еще разъ была произведена репе-тиція парада войскъ на площади у будущаго памятника 300-лѣ-тія Дома Романовыхъ. Одновременно съ этимъ на городской при-

стани была устроена репетиція почетному караулу отъ Пултускаго полка. Погода свѣжѣла, небо хмурилось, но толпа народа не обращала на это вниманія и запружала улицы и тротуары.

Время летѣло быстро, приближались дни торжествъ. Уже прибыли придворные царскіе экипажи, которые тоже приняли участіе въ репетиціяхъ, чтобы ознакомиться съ мѣстностью. Собирались депутаціи волостныхъ старшинъ, и во время репетицій разставлялись шпалерами вдоль улицъ. У Начальника гарнизона происходили частныя совѣщанія командировъ отдѣльныхъ частей. 18 мая ожидался пріѣздъ Великихъ Князей и Княгинь, Военнаго Министра и другихъ высшихъ сановниковъ. Оживленіе въ городѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивалось.

18 мая войскамъ гарнизона былъ данъ полный отдыхъ. Въ теченіе всего этого дня на улицахъ происходила репетиція разстановки шпалерами воспитанниковъ и воспитанницъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній, а такъ-же и учениковъ, прибывшихъ въ Кострому изъ всѣхъ уѣздовъ губерніи. Въ общемъ дѣтей собралось до шести тыс. Приготовленія къ пріѣзду Государя усиливались. Администрація распредѣляла на улицахъ, по которымъ прослѣдуютъ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА, мѣста для волостныхъ старшинъ и депутацій. Въ канцеляріи губернатора было открыто „Юбилейное Бюро“, гдѣ уже третьи сутки кипѣла работа по выдачѣ билетовъ на право посѣщенія публикой торжествъ. Городъ представлялъ изъ себя сплошной муравейникъ. Среди толпы мелькали гребенцы въ своихъ красивыхъ костюмахъ, и въ пестрой массѣ народа ихъ бѣлыя папахи и синіе башлыки выдѣлялись какъ цвѣты. Въ сумерки для пробы зажгли электричество, освѣтивъ множествомъ огней весь городъ, площади, церкви и памятникъ. Украшенія спѣшно заканчивались; народъ до поздней ночи толпился на улицахъ. Тѣмъ не менѣе, вездѣ царилъ образцовый порядокъ; все дѣлалось спокойно, безъ суеты; каждый работалъ сознательно, преисполненный чувствомъ долга и мыслью: „Дай, Господи, чтобы все было хорошо къ пріѣзду Батюшки-Царя“. Съ этими чувствами костромичи разошлись по домамъ, чтобы на слѣдующій день съ ранняго утра занять облюбованныя мѣста, съ которыхъ можно всего лучше увидать Царя, Царицу и Царскую Семью.

Приѣздъ Государя и Августѣйшей Семьи.

Въ ожиданіи ЦАРЯ.

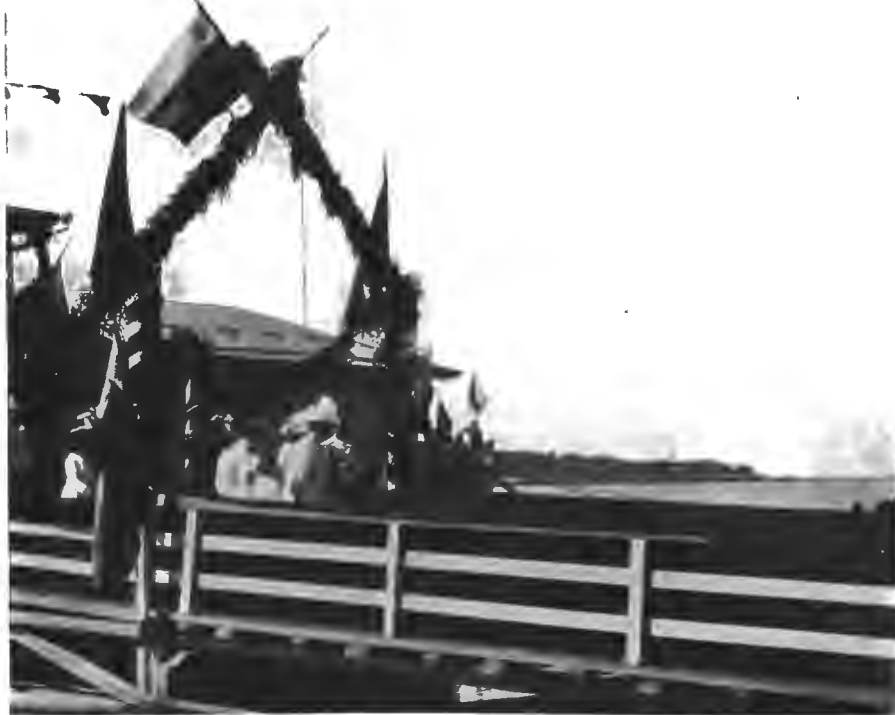
19 мая—первый день торжествъ. Кострома ликуетъ. Свѣтлыя, радостныя минуты переживаетъ этотъ древній русскій городъ, съ его вѣковыми святынями, съ его великими историческими памятниками, свидѣтелями воцаренія перваго государя изъ Дома Романовыхъ.

Теперь на долю города выпало великое счастье встрѣчать въ своихъ стѣнахъ Державнаго Хозяина Русской земли. И Кострома слѣлала все, чтобы оказать Государю достойный пріемъ: во всю свою ширь—отъ берега Волги до самыхъ отдаленныхъ предмѣстій она разукрасилась множествомъ флаговъ, арками, гирляндами, цвѣтами и т. п. Уже съ восходомъ солнца костромичи устремили взоры въ далекую синеву Волги и стали ожидать **ВЫСОКИХЪ ГОСТЕЙ.**

Съ 6 ч. утра всѣ жители города на улицѣ. Празднично наряженная толпа спѣшитъ занять всѣ площади, улицы, набережную Волги и вообще всѣ отведенныя для публики мѣста, съ которыхъ можно будетъ видѣть **ИМПЕРАТОРСКУЮ** флотилію во время ея слѣдованія мимо города. Войска, назначенныя для участія во встрѣчѣ **ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.** стройными рядами, съ оркестрами музыки, направляются на такъ называемую „Стрѣлку“ — мѣсто слиянія рѣкъ Костромы и Волги, гдѣ, близъ Ипатьевского монастыря, устроена особая Царская пристань. Туда же спѣшатъ всѣ, имѣющіе билеты на мѣста какъ въ самой оградѣ монастыря, такъ и у стѣнъ его. Отъ монастыря до этой пристани раскинулся обширный лугъ, покрытый ярко зеленой травой, какъ изумруднымъ ковромъ. Скоро онъ наполнился народомъ изъ окрестныхъ деревень, пришедшимъ посмотрѣть своего Царя. Порядокъ всюду образцовый. На Царской пристани съ ранняго утра собрались высокопоставленныя лица и высшее военное и гражданское начальство. По дорогамъ то и-дѣло мелькаютъ автомобили и флигель-адъютантскія тройки. Всѣ напряженно ожидаютъ прибытія Царской Семьи.

Встрѣча на Царской пристани.

Около 9 час. утра вдали, на горизонтѣ, сталъ вырисовываться силуэтъ парохода „Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ“, а вслѣдъ за нимъ, огибая изгибъ берега Волги, покрытаго лѣсомъ, шла цѣлая флотилія судовъ. Ровно въ 10 час. утра Царскій пароходъ

Прибытіе Государя Императора въ Кострому.
(Царская пристань).

„Межень“ былъ противъ города. Взвился ИМПЕРАТОРСКІЙ штандартъ, и одновременно съ этимъ съ батареи 46-й артиллерійской бригады, выставленной на правомъ берегу Волги, противъ села Городищъ, загремѣлъ орудійный салютъ въ 31 выстрѣлъ. Гулъ его далеко разносился перекатнымъ эхомъ, возвѣщая населенію о прибытіи Царя, и былъ подхваченъ праздничнымъ перезвономъ колоколовъ всѣхъ костромскихъ храмовъ. Пароходы:

Царскій, великокняжескій и свитскій, одинъ за другимъ, плавно и медленно, при несмолкаемыхъ восторженныхъ кликахъ собравшагося народа, стали подходить къ Царской пристани, сооруженной у Ипатьевского монастыря. Затѣмъ все смолкло и замерло въ радостномъ ожиданіи лицезрѣнія обожаемаго Монарха. Оба берега Волги на громадное разстояніе были сплошь покрыты народомъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ откоса берега былъ выстроенъ почетный караулъ, со знаменемъ, отъ 13-го лейбъ-гренадерскаго

Государь Императоръ обходитъ почетный караулъ 13-го л.-гренад. Эриванскаго полка.

Эриванскаго имени ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка. На правомъ флангѣ почетнаго караула, находились: Военный Министръ, Командующій войсками Московскаго военнаго окр. и др. высшія начальствующія лица, а на лѣвомъ—начальники частей. На пристани Государя встрѣчали: предсѣдатель Совѣта министровъ, статсъ-секретарь В. Н. Коковцевъ, министры: Путей Сообщенія С. В. Рухловъ и внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклаковъ; товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ В. Ѳ. Джунковскій, костромской губернаторъ камергеръ П. П. Стремоуховъ, губернскій предводитель дворянства М. Н. Зузинъ, вице-губернаторъ Хозиковъ, предсѣдатель губернской земской управы Б. Н. Зузинъ, костромской уѣздный предводитель дворянства Кравковъ, предсѣдатель костромской

уѣздной земской управы Прохоровъ. Дальше стояла депутація отъ крестьянъ Шунгенской волости, въ составѣ 5-ти человекъ, во главѣ съ земскимъ начальникомъ княземъ Вяземскимъ и непременно членомъ Губернскаго присутствія Трухинымъ.

Ровно въ 10^{1/2} часовъ утра Государь Императоръ съ Августѣйшей Семей сошелъ съ парохода и, поднявшись по особо устроенной лѣстницѣ, устланной краснымъ сукномъ, приблизился къ встрѣчавшимъ Его лицамъ. Костромской губернаторъ представилъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ рапортъ о состояніи губерніи, а супруга губернатора поднесла ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ роскошный букетъ цвѣтовъ. Принявъ рапортъ и „хлѣбъ-соль“ отъ депутаціи крестьянъ Шунгенской волости, Государь изволилъ милостиво благодарить депутацію, а затѣмъ направился къ почетному караулу. Рота ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА взяла „на караулъ“. Склонилось полковое знамя, и ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО, подъ торжественные звуки народнаго гимна, направился по рядамъ почетнаго караула Эриванскаго полка. За Государемъ слѣдовали въ экипажахъ Государыня Императрица, Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великія Княжны, а за ними прочія Особы Императорскаго Дома и Царская Свита.

Поздоровавшись съ Эриванцами и обойдя почетный караулъ, Государь милостиво принялъ представлявшихся начальниковъ частей. Молодецкій видъ гренадеръ, ихъ открытый взглядъ, любовь и преданность, горѣвшія въ ихъ взорахъ, обращенныхъ на Царскую Чету, могучее восторженное „ура“, грянувшее навстрѣчу Державному Шефу—все это представляло такую величественную картину, которая глубокими чертами навѣки врѣзалась въ память каждаго, кто ее видѣлъ. Государь пропустилъ гренадеръ-эриванцевъ церемоніальнымъ маршемъ и милостиво благодарилъ ихъ.

Затѣмъ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЕЛИЧЕСТВА съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Августѣйшими Дочерьми изволили отбыть въ экипажахъ въ Ипатьевскій монастырь. По всему пути слѣдованія ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, отъ пристани до Ипатьевскаго монастыря, были выстроены въ полномъ составѣ: Эриванскій и Пултусскій полки и сотня Кизляро-Гребенскаго полка. У историческихъ воротъ Зеленой башни стояли гребенцы въ конномъ строю, и ихъ трубачи, одѣтые въ красныя форменныя черкески, голубые бешметы, косматыя папахи, съ голубыми башлыками за плечами. Строй гребенскихъ казаковъ, сидѣвшихъ на выхоленныхъ рослыхъ кабардинскихъ коняхъ, имѣлъ очень внушительный видъ; на ихъ загорѣлыхъ лицахъ свѣтилась та неукротимая

энергія и отвага, которая издавна такъ прославила кавказскихъ линейныхъ казаковъ. Здѣсь находилась отборная гребенская молодежь, полная силъ... Это все кровные сыны Терскаго казачества—это его славные представители.

Въ этихъ доблестныхъ сынахъ бурнаго Терека, точно въ зеркалѣ, какъ бы отражалась полная опасностей и тревогъ жизнь порубежнаго казачества. Когда смотришь на нихъ, такъ и хочется разпросить каждаго изъ этихъ неустрашимыхъ воиновъ о его боевой службѣ.

Никогда не изсякнуть въ казацкой средѣ богатырскія силы, потому что создали эту среду историческія условія жизни, ширь русской натуры и мощь русскаго духа. Ни одинъ народъ въ мірѣ никакими искусственными мѣрами не могъ создать казачества—этого неисчерпаемаго источника военной доблести и оплота государственнаго могущества.

Сотня гребенцовъ была выстроена со своимъ Георгіевскимъ штандартомъ. При приближеніи Царскаго экипажа трубачи заиграли торжественную встрѣчу своему Державному Вождю и Его Августѣйшей Семѣ.

Настала высокаторжественная минута... Государь, выйдя изъ экипажа, поздоровался съ гребенцами: „Здорово, гребенцы!“ Раздался восторженный отвѣтъ, смѣненный гимномъ, затѣмъ громовымъ „ура“...

Въ Ипатьевской обители.

Государь Императоръ, обойдя фронтъ гребенцовъ, направился къ воротамъ исторической Зеленой башни Ипатьевскаго монастыря, гдѣ былъ встрѣченъ архіепископомъ Тихономъ и высшимъ духовенствомъ съ копіей иконы Θεодоровской Божіей Матери, которой, триста лѣтъ тому назадъ, старица Марѳа благословила на царство своего юнаго сына, Михаила Θεодоровича, и историческими реликвіями московскаго посольства: крестомъ и фонаремъ. Владыка привѣтствовалъ Царскую Семью слѣдующей рѣчью:

„ВАШИ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЕЛИЧЕСТВА, БЛАГОЧЕСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ и БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ! На этомъ мѣстѣ, за этими высокими стѣнами, три вѣка тому назадъ открылись дивныя дѣла Божьяго Промышленія, и въ нашемъ дорогомъ отечествѣ иноческа обитель, основанная татар-

скимъ мурзой, родоначальникомъ бояръ Годуновыхъ, сохранила въ своихъ стѣнахъ драгоцѣнную жизнь юнаго боярина Михаила Феодоровича, родоначальника Августѣйшаго Дома Романовыхъ. Иноческая обитель съ такимъ тщаніемъ устроенная Годуновымъ,— который, вопреки Божіей волѣ, стремился удержать Царскій тронъ въ своемъ родѣ,— по устроению Божію стала Царственной колыбелью Августѣйшаго Дома Романовыхъ. Лѣтописецъ, бывший сви-

У Зеленой башни Ипатьевского монастыря.

дѣтелемъ воцаренія благовѣрнаго Государя Михаила Феодоровича въ стѣнахъ Ипатьевского монастыря, говоритъ: „Великая тогда была радость въ Костромѣ и всей Москвѣ“. Но если бы тотъ же лѣтописецъ былъ свидѣтелемъ настоящаго нашего высокаго торжества, если бы онъ видѣлъ это Царственное пришествіе къ намъ, если бы слышалъ этотъ благовѣстный гулъ колоколовъ, эти клики всеобщаго восторга,—сказалъ бы онъ о настоящемъ днѣ: „Великая радость въ Ипатьевской обители и по всей Костромѣ“. Да будетъ благословенъ сей благознаменательный день въ жизни

нашей обители, да будетъ благословенно и это Царственное пришествіе къ намъ ВАШИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, БЛАГОВѢРНАГО ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА и всего Царствующаго Дома“.

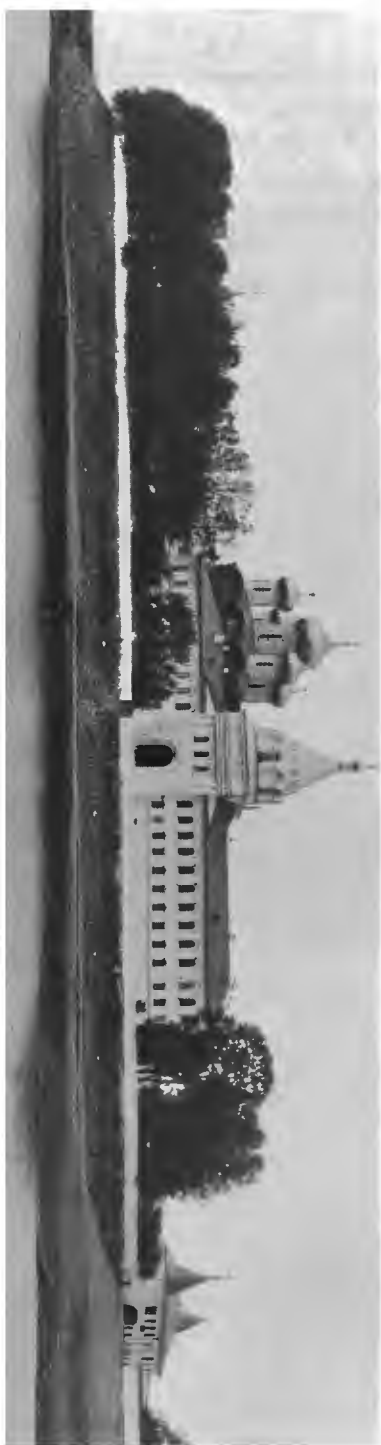
Зеленая башня построена на томъ самомъ мѣстѣ, до котораго, 300 лѣтъ тому назадъ, провожали отъѣзжавшихъ, вмѣстѣ съ посольствомъ, въ Москву новоизбраннаго Царя и его мать братія Ипатьевского монастыря, духовенство и граждане - Костромы.

Около самой башни стояли въ особой группѣ потомки и правопреемники московскихъ пословъ, пріѣзжавшихъ въ Кострому въ 1613 г., а также предсѣдатель и члены комитета по устройству въ Костромѣ празднованія 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ. Государь изволилъ подойти къ этой группѣ лицъ и милостиво бесѣдовалъ съ ними. Тутъ же, передъ оградой монастыря, у Зеленой башни были размѣщены волостные старшины и выборные отъ крестьянскаго населенія Костромской губерніи.

Столь славный въ русской исторіи Ипатьевскій монастырь красиво расположенъ въ углу, образованномъ сліяніемъ Волги съ рѣкой Костромой. Эта скромная обитель является „колыбелью необъятной славы“ города Костромы, который самъ на протяженіи семи вѣковъ своего славнаго историческаго существованія хранилъ русскихъ государей не только изъ Дома Романовыхъ, но и Рюриковичей. Кромѣ того, Кострома является родиной Сусанина и Комисарова, которыхъ само Провидѣніе избрало для спасенія Царей.

Войдя въ ограду монастыря, ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА прослѣдовали съ крестнымъ ходомъ къ Троицкому собору, который составляетъ лучшее украшеніе Ипатьевской обители. Онъ построенъ около 1650 года по образцу древнихъ московскихъ церквей и красиво выдѣляется, точно царить, среди окружающихъ монастырскихъ зданій, ярко отражая на своихъ золотыхъ куполахъ солнечные лучи, чаруя зрителя своей спокойной, величественной гармоніей массъ и отсутствіемъ рѣзкихъ контуровъ. Въ немъ много древнихъ фресокъ, отъ которыхъ такъ и вѣетъ святыней и минувшей исторической славой обители.

Около Троицкаго собора находились Особы Императорской Фамиліи, министры, придворныя дамы, придворные чины и кавалеры и свита Великихъ Князей и Княгинь. Въ предшествіи костромскаго духовенства ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА прослѣдовали изъ монастыря отъ собора, черезъ Екатерининскія ворота, навстрѣчу кре-

Одній видъ Пятъренскаго монастыря.

стному ходу, который, съ епископомъ кинешемскимъ во главѣ, несъ изъ Костромскаго кафедральнаго собора чудотворную икону Ѳеодоровской Божіей Матери. Процессія доходитъ до того мѣста, гдѣ должна произойти встрѣча Государемъ чудотворной иконы. ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА приложились къ иконѣ. Духовенство благословляетъ путь Царскій.

Свѣтлыя, радостныя, высокаторжественныя минуты! Многіе плакали отъ умиленія.

Въ предшествіи духовенства ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА, Особы

Палаты Царя Михаила Оеодоровича Романова въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

Императорской Фамиліи, лица свиты и народъ направились обратно къ Троицкому собору. Церковный перезвонъ, раздавшійся съ колокольни собора, сливался съ привѣтствіями тысячнаго ликующаго народа. Государь вступилъ подъ древніе своды собора. Началась Божественная литургія, а послѣ нея молебенъ Ѳеодоровской Божіей Матери. По окончаніи его, Государь, еще разъ приложившись къ чудотворной иконѣ, направился въ галерею собора, гдѣ изволилъ милостиво бесѣдовать съ находившимися въ храмѣ потомками московскихъ пословъ 1613 года. Здѣсь же были и члены Комитета по устройству юбилейныхъ торжествъ, а также бывшіе въ Кострому члены Государственной Думы, предводители

дворянства Костромской губерніи, предсѣдатели уѣздныхъ земскихъ управъ, начальники отдѣльныхъ войсковыхъ частей, ихъ семейства и высшіе чины правительственныхъ и судебныхъ учреждений. За оградой Ипатьевского монастыря находились штабъ-офицеры, съ супругами, городскія головы, старосты всѣхъ городовъ и посадовъ Костромской губерніи и духовныя лица. По берегу р. Костромы, у ограды Ипатьевского монастыря, стояли дворяне Костромской губерніи.

По выходѣ изъ собора Государь изволилъ осматривать дворецъ Романовыхъ, въ которомъ жилъ Михаилъ Ѳеодоровичъ со своей родительницей до переѣзда въ Москву. Этотъ памятникъ XVII вѣка замѣчателенъ своимъ древнимъ стилемъ.

Возвращеніе Государя на Царскую пристань.

Ровно въ 1½ ч. дня литургія и молебенъ въ Ипатьевскомъ соборѣ окончились. Государь съ Государыней, Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Августѣйшими Особами, въ сопровожденіи высшихъ сановниковъ, изволили направиться, какъ сказано выше, изъ собора во дворецъ Дома Романовыхъ, расположенный тутъ же, въ оградѣ монастыря. Въ это время стоявшіе за оградой войска изготавились къ новой встрѣчѣ Государя Императора, на обратномъ пути слѣдованія ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА къ Царской пристани. По докладу командира Собственнаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА конвоя, князя Трубецкаго, сотнѣ гребенцовъ была предоставлена великая честь конвоировать ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА при проѣздѣ на пристань. Пока Государь осматривалъ Романовскій дворецъ, Государыня Императрица съ Августѣйшими Дѣтьми, не выходя изъ экипажей, ожидали въ оградѣ Ипатьевского монастыря. Осмотрѣвъ дворецъ и собранныя въ немъ древнія святыни, Государь, сѣвъ въ коляску, изволилъ прослѣдовать обратно черезъ ворота Зеленой башни.

Между тѣмъ гребенцы уже заранѣе выстроились для конвоированія и ожидали выѣзда Царя. Едва царскій экипажъ тронулся, выѣхавъ изъ воротъ, какъ вся сотня заняла свои мѣста: впереди коляски, въ 60—80 шагахъ отъ нея, слѣдовала 1-я полусотня, у самой коляски, съ правой стороны, ѣхалъ командиръ Гребенскаго полка, полковникъ Рыбальченко; далѣе, у коляски Великихъ Княженъ, ѣхалъ командиръ сотни, есаулъ Шаликовъ, а сзади этой коляски шла 2-я полусотня гребенцовъ. Войска взяли „на кара-

уль“ и восторженно привѣтствовали ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА могучимъ несмолкаемымъ „ура“. Монастырскіе колокола величественно перезванивали, и ихъ серебристые звуки сливались съ народными кликами ликованія.

Во время проѣзда къ пристани Его Императорское Величество Государь Императоръ удостоилъ командира Гребенскаго полка милостивыми разспросами о томъ, какъ давно сотня прибыла въ Кострому, гдѣ размѣстилась, и принимая во вниманіе, что по ночамъ въ эти дни стояли морозы до 3°, задалъ вопросъ командиру полка: не холодно ли лошадямъ стоять подъ открытымъ небомъ, не болѣютъ ли люди; кромѣ того, изволилъ разспрашивать о пребываніи полка въ Персіи и о томъ, какъ вліяетъ тамошній климатъ на здоровье гребенцовъ.

Когда блестяшій кортежъ приблизился къ Царской пристани сотня гребенцовъ карьеромъ выстроилась противъ остановившейся коляски. Государь благодарилъ сотню, изволилъ сказать ей: „Спасибо, гребенцы“. Проводивъ Государя, сотня возвратилась въ городъ на свой бивакъ. На Царской пристани остались: командиръ полка, командиръ сотни и полковой адъютантъ; кромѣ того хоръ трубачей, заранѣе высланный на пристань по приказанію командира конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, князя Трубецкого, еще во время нахождения Государя въ Ипатьевскомъ монастырѣ, на тотъ случай, не будетъ ли гребенцамъ Всемилостивѣйше разрѣшено играть во время Высочайшаго завтрака. Такое разрѣшеніе послѣдовало, и гребенскіе трубачи сыграли во время завтрака нѣсколько увертюръ по особой программѣ, заранѣе доложенной Министру Двора *). За хорошее музыкальное исполненіе хоръ трубачей заслужилъ милостивое Царское „Спасибо“. Во время игры трубачей Великія Княжны сдѣлали съ нихъ нѣсколько фотографическихъ снимковъ.

Пока на Царскомъ пароходѣ „Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ“ происходилъ семейный завтракъ Высочайшихъ Особъ, командиръ полка, командиръ сотни и полковой адъютантъ были приглашены командиромъ конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, княземъ Трубецкимъ, къ завтраку на свитскій пароходъ.

Послѣ завтрака ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ сначала прогуливаться по пристани, а затѣмъ выразилъ желаніе принять въ Царской столовой полковую депутацію гребенцовъ, во главѣ съ

*) Приложение № 4.

командиромъ полка. Выйдя къ ней, вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Государь подошелъ къ командиру полка, который, обратившись къ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ, просилъ, въ ознаменованіе радостной минуты лицезрѣнія гребенцами своего Августѣйшаго Атамана, всемилостивѣйше разрѣшить поднести ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ на память старинную шашку. Государь соизволилъ благосклонно принять отъ вѣрно-преданныхъ гребенцовъ этотъ скромный даръ для ихъ Августѣйшаго Атамана, и благодарилъ за него. Затѣмъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО обратился къ командиру полка съ вопросомъ:

— „Давно-ли командуете Гребенскимъ полкомъ?“

— „Второй годъ, Ваше Императорское Величество, имѣю счастье командовать этимъ старѣйшимъ полкомъ Терскаго войска, ранѣе же я служилъ болѣе 30 лѣтъ въ Хоперскомъ полку Кубанскаго войска“—отвѣтилъ командиръ полка.

— „Такъ вашъ бывшій Шефъ, Великая Княгиня Анастасія Михайловна, здѣсь“—сказалъ Государь, а затѣмъ удостоилъ милостивыми разспросами о службѣ командира сотни есаула Шаликова и полкового адъютанта подъесаула Астахова..

Радостными и счастливыми вернулись гребенцы въ сотню и рассказали о великой Царской милости къ нимъ.

На футлярѣ корельской березы, въ которомъ была уложена поднесенная гребенцами старинная шашка съ кривымъ булатнымъ клинкомъ, на особой серебрянной пластинкѣ выгравирована надпись: „Своему Августѣйшему Атану, Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу и Великому Князю Алексію Николаевичу отъ вѣрно-преданныхъ гребенцовъ. Кострома“; а сверху стояла великокняжеская корона и дата: „1613—1913 г.“.

На городской пристани.

Около 3-хъ часовъ дня на городскую пристань собрались представители городского самоуправления, во главѣ съ городскимъ головой Костромы Шевалдышевымъ. Тутъ же находились городскіе головы и городскіе старосты уѣздныхъ городовъ Костромской губерніи. Взоры всѣхъ были устремлены на Царскую пристань. Скоро стоявшій по берегу народъ зашевелился, и раздалось громовое „ура“: на горизонтѣ показался Царскій пароходъ, слѣдовавшій внизъ по Волгѣ къ городской пристани, у которой выстроился почетный караулъ отъ 183 пѣх. Пултусскаго полка. По выходѣ съ парохода на пристань Государь былъ встрѣченъ

городскимъ головой Костромы, который поднесъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ хлѣбъ-соль и сказалъ слѣдующее привѣтствіе:

„Несказанно счастливы жители г. Костромы, встрѣчая ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО у вала стараго Костромскаго Кремля, гдѣ хранится чудотворная икона Феодоровской Божіей Матери, гдѣ 300 лѣтъ тому назадъ стоялъ осадный дворъ любимыхъ Костромскихъ бояръ Романовыхъ, и гдѣ воздвигается

Депутация гор. Костромы на городской пристани въ ожиданіи пріѣзда
ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

величественный памятникъ, памятникъ славнымъ предкамъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, памятникъ славному прошлому Россіи, которая подъ державнымъ руководствомъ Царей своихъ изъ Московскаго царства выросла въ величайшую имперію міра.

„Мы знаемъ, что во всемъ русскомъ народѣ живы завѣты костромичей Сусанина и Комисарова; знаемъ мы и то, что династія, близкая намъ по историческому прошлому, поведетъ Россію по пути славы.

„Примите, ЦАРЬ-БАТЮШКА, хлѣбъ-соль отъ родины предковъ!“.

Выслушавъ привѣтствіе городского головы и милостиво принявъ отъ него хлѣбъ-соль, Государь изволилъ обойти почетный караулъ и пропустить его церемоніальнымъ маршемъ. Поблагодаривъ Пултусцевъ за ихъ молодецкій видъ, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО направился въ Романовскій музей. На городской пристани находились, кромѣ представителей сословій, высшіе сановники, а также мѣстное гражданское и военное начальство. Здѣсь, у почетнаго караула, командиру Кизляро-Гребенскаго полка, полковнику Рыбальченко, находившемуся въ строю, вновь выпало счастье лицезрѣть обожаемаго Монарха.

Царскій экипажъ направился сперва по Ильинской улицѣ убранной арками, флагами, гербами и цвѣтами и заполненной массой народа, а затѣмъ, черезъ Сусанинскую площадь, къ Романовскому музею. Снова на улицахъ раздалось восторженное „ура“ и клики народнаго ликования. По всему пути слѣдованія ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА шпалерами были разставлены ученики и ученицы разныхъ школъ, а также волостные старшины; позади ихъ стояла густая толпа народа. Могучее, потрясающее воздухъ „ура“ несло навстрѣчу Государю и Его Августѣйшей Семѣ.

Лица всѣхъ сіяли безграничной радостью и счастьемъ.

Посѣщеніе Ихъ Величествами Романовскаго музея.

Весь довольно длинный путь слѣдованія Государя и Августѣйшей Семьи къ Романовскому музею былъ уставленъ шпалерами учащихся. По обѣимъ сторонамъ аллеи, на Павловской улицѣ, были выстроены воспитанницы среднихъ учебныхъ заведеній Костромы и ученицы городскихъ школъ. Въ другихъ мѣстахъ стояли учащіеся мужскихъ училищъ, среднихъ и низшихъ. На тротуары была безпрепятственно допущена публика. Всѣ окна и балконы были открыты и усѣяны народомъ, радостно привѣтствовавшимъ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ. Кромѣ того, густыя толпы народа стояли на Сусанинской площади и у городского сквера.

Около 5 час. дня во всѣхъ костромскихъ церквахъ начался перезвонъ колоколовъ, возвѣстившій объ отбытіи Государя Императора вмѣстѣ съ Августѣйшей Семьей съ городской пристани въ Романовскій музей. Восторженные несмолкаемые клики

„ура“ оглашали воздухъ, переливаясь въ пространствѣ до самаго музея.

Задолго до прибытія ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, въ Романовскомъ музеѣ собрались всѣ члены Совѣта Архивной комиссіи, почетные члены ея и крупнѣйшіе жертвователи. Къ 5 час. въ музей начали прибывать Особы Императорской Фамиліи и лица Государевой свиты.

Ровно въ 5^{1/4} пополудни къ музею прибыли въ открытыхъ экипажахъ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЕЛИЧЕСТВА Государь Императоръ, Государыня Императрица, Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великія Княжны. Въ вестибюлѣ музея ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА были встрѣчены членами Строительнаго Комитета по сооруженію музея, при чемъ Государынѣ Императрицѣ и Великимъ Княжнамъ были поднесены роскошные букеты цвѣтовъ.

На верхней площадкѣ Августѣйшихъ Посѣтителей встрѣтили члены Губернской Ученой Архивной Комиссіи, во главѣ съ почетнымъ непремѣннымъ Попечителемъ ея, костромскимъ губернаторомъ П. П. Стремоуховымъ. Отсюда ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА прослѣдовали прежде всего въ залъ, посвященный Дому Романовыхъ; по стѣнамъ его развѣшаны портреты всѣхъ Государей и Государынь изъ Дома Романовыхъ, начиная съ Михаила Ѳеодоровича, патріарха Филарета и Царицы-инокини Марѳы. Въ шкафахъ, украшенныхъ бюстами художественной работы, Государь Императоръ и сопровождавшіе Его высокія Особы изволили осматривать многочисленные документы и книги, относящіеся къ исторіи Дома Романовыхъ.

Изъ этого зала ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ пройти въ Козыревскій залъ, въ которомъ находится богатѣйшее собраніе гравюръ, исполненныхъ рѣзцомъ на мѣди, офортвъ, художественныхъ литографій, эстамповъ и т. п., всего около 4000 листовъ. При осмотрѣ этого рѣдкаго собранія, объясненія Государю Императору имѣлъ счастье давать самъ жертвователь, К. Н. Козыревъ.

Затѣмъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО прослѣдовалъ въ залъ церковныхъ древностей, гдѣ осмотрѣлъ большое собраніе оловянныхъ сосудовъ, рѣдкихъ иконъ, церковныхъ облаченій, веригъ, вѣнцовъ, антиминсовъ и т. п.

Отсюда Августѣйшій Посѣтитель музея прошелъ въ нумизматическій отдѣлъ, гдѣ среди другихъ лицъ, находился жертвователь П. А. Сахаровъ, принесшій въ даръ Романовскому музею богатѣйшую коллекцію рѣдкихъ монетъ, размѣщенную въ 10 боль-

шихъ витринахъ. Здѣсь ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ имѣли счастье представиться авторъ картины „Иванъ Сусанинъ“, художникъ И. Ф. Порфиоровъ, а также пайшики-владѣльцы Б. Костромской Мануфактуры С. Н. Третьяковъ, Коншинъ и Олеховъ, пожертвоваше эту картину музею.

Изъ нумизматическаго отдѣла Государь Императоръ прослѣдовалъ въ залы: этнографическій, доисторическихъ древностей и

Высочайшій выходъ изъ дома Костромскаго дворянства.

исторіи Костромскаго края. Въ послѣднемъ залѣ Л. П. Скворцовымъ былъ поднесенъ Государю Императору вышедшій изъ печати I томъ исторіи Костромы, а почетный членъ Комиссіи, членъ Государственнаго Совѣта статсъ-секретарь А. Н. Куломзинъ удостоился поднести ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ документъ на землевладѣніе въ XVII столѣтіи въ одномъ изъ уголковъ Костромской губерніи, снабженной предисловіемъ А. Н. Куломзина, и историческую работу: „Архивъ сельца Зиновьева“, составленную подъ редакціей А. Н. Куломзина и сотрудника Императорской Археологической комиссіи М. Г. Курдюмова.

Въ залѣ засѣданій Архивной комиссіи ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ имѣли счастье представляться главнѣйшіе жертвователи Музея: Г. К. Горбуновъ, А. И. Акатовъ, М. Г. Вахрамѣевъ и др.

Послѣ этого Государь Императоръ, Государыня Императрица. Наслѣдникъ Цесаревичъ и Августѣйшія Дочери ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, провожаемые членами Комиссіи, изволили отбыть изъ Романовскаго музея въ сосѣдній съ нимъ Домъ костромскаго дворянства на раутъ, куда прослѣдовали пѣшкомъ по особому помосту, устланному краснымъ сукномъ.

Въ домѣ Костромскаго дворянства.

Въ вестибюлѣ, у лѣстницы Дворянскаго собранія, находились, въ ожиданіи Августѣйшихъ Посѣтителей, костромской губернской и уѣздный предводители дворянства. Государь изволилъ милостиво поздороваться съ ними и направился на верхнюю площадку лѣстницы, гдѣ супруги губернскаго и уѣзднаго предводителей дворянства поднесли Государынѣ Императрицѣ роскошный букетъ. Зала собранія была украшена бюстомъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и изяшно декорирована тропическими растеніями.

При входѣ Государя Императора въ залъ собранія губернской предводитель дворянства произнесъ привѣтственное слово. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО обошелъ ряды костромскихъ дворянъ и удостоилъ милостивой бесѣды супругъ предводителей дворянства. Въ особомъ маломъ залѣ собранія ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВАМЪ былъ предложенъ чай и десертъ, а затѣмъ подано шампанское. Принявъ бокаль, Государь Императоръ обратился къ дворянамъ со слѣдующими словами:

«Отъ имени ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, отъ Моего имени и всей Нашей Семьи сердечно благодарю костромское дворянство за его радушный пріемъ и гостепріимство. Я счастливъ, что первое посещение Мое Костромы съ Моею Семьей состоялось въ нынѣшнемъ году и совпало съ 300-лѣтіемъ царствованія Нашего Дома, чѣмъ мы навсегда связаны съ Костромой и со всеми ея сословіями. Отъ души пью за процвѣтаніе и здоровье костромскаго дворянства и за Ваше здоровье, господа».

Здѣсь же, въ главномъ залѣ собранія, на хорахъ, по особой программѣ были исполнены номера вокально-музыкальнаго отдѣленія: „Кантата о воцареніи Дома Романовыхъ“—Ипполитова-Ива-

нова; „Слава“ изъ оп. „Князь Игорь“; Хоръ изъ оп. „Русалка“; Арія Вани и „Славься“ изъ оп. „Жизнь за Царя“ и др. Исполнителями концертнаго отдѣленія были: хоръ Костромскаго отдѣленія Императорскаго русскаго музыкальнаго общества, подъ управленіемъ С. Д. Барсукова, В. Р. Петровъ, артистка Императорской сцены Е. Н. Збруева, М. Х. Дмитриева и др.

Пробывъ среди дворянъ больше часа, Высокіе Гости, напутствуемые ликующимъ народомъ и учащимися учебныхъ заведеній губерніи, разставленными шпалерами вдоль Высочайшаго пути,

Отъѣздъ Ихъ Величествъ изъ дома Костромскаго дворянства.

отбыли на Городскую пристань, откуда на пароходѣ „Межень“ возвратились на Царскую пристань, гдѣ въ 8 час. вечера состоялся Высочайшій обѣдъ.

Въ числѣ лицъ, приглашенныхъ на раутъ, въ собраніи Костромскаго дворянства находился и командиръ Кизлярско-Гребенскаго полка, полковникъ Рыбальченко.

Незадолго передъ прибытіемъ въ собраніе ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, онъ былъ милостиво приглашенъ на аудіенцію Вел. Кн. Анастасіей Михайловной, которая знала лично его еще съ чина есаула, когда онъ, въ 1904 году, въ составѣ депутаціи отъ 1-го Хоперскаго полка Куб. каз. в., имѣлъ счастье представляться

ЕЯ ВЫСОЧЕСТВУ въ гор. Каннѣ, для принесенія поздравленія съ 25-лѣтіемъ Шефствованія ЕЯ ВЫСОЧЕСТВА старѣйшимъ полкомъ Кубанскаго войска.

— „Васъ желаетъ видѣть Великая Княгиня Анастасія Михайловна,“—доложилъ полковнику подошедшій къ нему флигель-адъютантъ, и указалъ на малый залъ собранія, гдѣ находилась Великая Княгиня и другія Высочайшія Особы.

— „Рада васъ видѣть!“—привѣтствовала Она вошедшаго гребенскаго командира.

Несказанно обрадованный этимъ высоко милостивымъ вниманіемъ своего бывшаго Августѣйшаго Шефа, полковникъ отвѣтилъ:

— „Я, въ свою очередь, счастливъ, ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, видѣть здѣсь Васъ и весь Царскій Домъ Романовыхъ во главѣ съ БАТЮШКОЙ-ЦАРЕМЪ“.

— „Представьте,—какое совпаденіе, — сказала Великая Княгиня, обратившись къ полковнику,—вы служили въ моемъ полку, а теперь командуете тѣмъ полкомъ, въ которомъ мой покойный мужъ былъ шефомъ“ *).

— „Да, это особое счастливое совпаденіе—милостивое благоволеніе судьбы ко мнѣ, ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО“,—отвѣтилъ полковникъ.

Далѣе Великая Княгиня изволила разспрашивать его о мѣстѣ стоянки и условіяхъ службы Гребенскаго полка и о томъ, какая именно часть гребенцовъ прибыла въ Кострому на торжества.

Эти нѣсколько минутъ высокаго вниманія, оказаннаго ЕЯ ВЫСОЧЕСТВОМЪ командиру Гребенскаго полка, въ его лицѣ, осчастливили всѣхъ гребенцовъ, которымъ онъ въ тотъ же день и передалъ о милостивой съ нимъ бесѣдѣ Великой Княгини.

Народное гулянье и иллюминація.

Наступилъ вечеръ. Когда послѣдніе лучи заходящаго солнца уже догорали, а полный мѣсяцъ величаво выплывалъ изъ-за горизонта, озаряя своимъ блѣднымъ серебристымъ свѣтомъ красавицу-Волгу, ея берега и весь городъ, народъ постепенно сталъ расходиться, заполняя улицы города, горѣвшія волшебной

*) Супругъ Ея Высочества Великій Герцогъ Фридрихъ Мекленбургъ-Шверинскій состоялъ Шефомъ 1-го Кизляро-Гребенскаго полка съ 1879 г. по 1896 г.

иллюминаціей. Въ этотъ вечеръ Кострома превратилась во что-то сказочно-аффектное. Множество домовъ было сплошь залито яркими переливающимися цвѣтными огнями.

Толпы ликующаго народа запрудили всѣ улицы города. Около пристаней, вокругъ сада и на площадяхъ тѣснились сплошныя неподвижныя массы. Тѣнистый садъ освѣщенъ весь до послѣдняго листочка. Сотнями лампочекъ разцвѣтились: городская канача, окружной судъ, всѣ присутственныя мѣста, памятникъ Сусанину, Романовскій музей, домъ Дворянскаго Собранія, городская водокачка, музей и склады костромскаго губернскаго земства, павильонъ на маленькомъ бульварчикѣ, Аристовская мельница, почтово-телеграфная контора, городскіе торговые ряды и многія др. зданія. Контуры этихъ зданій, залитыхъ свѣтомъ, величественно вырисовывались въ ночной мглѣ.

Съ особымъ вкусомъ и блескомъ были иллюминированы зданія Государственнаго Банка, Акцизнаго Управленія, присутственныхъ мѣстъ, Казенной Палаты, Пале-театра, Дворянскаго Дома и нѣкотор. другія.

Но не только казенныя и общественныя зданія въ центрѣ города, а и множество частныхъ домовъ на окраинахъ его были роскошно иллюминированы разноцвѣтными фонарями и плошками.

Пароходныя пристани, а также самыя пароходы, снятыя на время торжествъ пріѣхавшими въ Кострому высокопоставленными особами и другими гостями, тоже были роскошно иллюминированы электрическими лампочками и сплошь утопали въ зелени и флагахъ. Надъ однимъ большимъ пароходомъ красовалась громадныхъ размѣровъ электрическая корона, эффектно вырисовывавшаяся на темномъ фонѣ неба. Съ парохода О-ва „Кавказъ и Меркурій“ и съ крейсировавшей по Волгѣ канонерки ночную темноту пронизывали снопы яркихъ лучей отъ прожекторовъ.

Всѣ городскіе храмы тоже были блестяще иллюминированы, какъ въ Пасхальную ночь. Царская Ипатьевская пристань и ворота, воздигнутыя на Стрѣлкѣ, около монастыря, сверкали и переливались сотнями разноцвѣтныхъ огней.

Около Ипатьевскаго монастыря былъ зажженъ блестящій фейерверкъ, каждый изъ номеровъ котораго изображалъ ту или другую картину изъ эпохи царствованія царей Дома Романовыхъ. Огромныя снопы свѣта, сотни ракетъ, звѣздъ, звѣздныхъ букетовъ и вѣеровъ въ теченіе почти цѣлаго часа высоко взлетали вверхъ, лопались тамъ и оглашали воздухъ непрерывными взры-

вами. Особенно эффектенъ былъ моментъ, когда взлетѣвшій вверхъ огромный снопъ красныхъ фонариковъ въ теченіе нѣкотораго времени плылъ по воздуху совершенно горизонтально, не опускаясь на землю. Фейерверкъ закончился оглушительнымъ взрывомъ.

Около памятника Сусанину оркестръ пріѣхавшихъ изъ Кинешмы учащихся нѣсколько разъ исполнилъ національный гимнъ „Боже, Царя храни“, сопровождавшійся восторженными кликами „ура“, и затѣмъ съ музыкой продефилировалъ по городскимъ улицамъ, ведущимъ къ пристанямъ.

За городомъ, на циклодромѣ, было устроено народное гулянье: тоже пускались фейерверки, ракеты, устраивались разныя игры, состязанія, представленія и т. п.

Народъ до поздней ночи толпился по улицамъ города, съ наслажденіемъ любуясь волшебнымъ зрѣлищемъ иллюминаціи. Многотысячная толпа стояла на спускѣ къ рѣкѣ Костромѣ, на Московской улицѣ, и каждый новый номеръ фейерверка покрывала громкимъ восторженнымъ „ура“. А въ самомъ городѣ народъ огромными волнами переливался по улицамъ, смѣшиваясь въ одну сплошную массу съ многочисленными экипажами и автомобилями. Только далеко за полночь толпа стала расходиться по домамъ, чтобы на другой день съ ранняго утра снова занять удобныя мѣста и видѣть, какъ можно ближе, своего Монарха и Его Августѣйшую Семью. Кострома затихла. Небо было ясное и предвѣщало на слѣдующій день хорошую солнечную погоду, столь необходимую для предстоявшаго парада войскъ и другихъ торжествъ.

На Царской пристани.

Въ то время, когда народъ любовался иллюминаціей на Царской пристани, на пароходѣ Общества „Самолетъ“, въ 8 часовъ вечера, состоялся Высочайшій обѣдъ, на которомъ присутствовали Высочайшія Особы, министры, Государева свита, сановники, генералитетъ, представители дворянства, города и общественныхъ учрежденій. По окончаніи обѣда спеціальнй хоръ, сформированный изъ воспитанниковъ и воспитанницъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній, поплылъ въ лодкахъ по Волгѣ и около Царской пристани исполнилъ нѣсколько вокальныхъ и музыкальныхъ номеровъ, спѣвъ, между прочимъ, нѣсколько разъ „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“. Звонкіе и чистые дѣтскіе голоса оглашали

Волгу и ея берега, и звуки пѣсенъ разносились далеко въ пространство. ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА изволили слушать пѣніе съ палубы парохода, гдѣ находилась и вся Царская Семья, любуясь Волгой и ярко освѣщеннымъ городомъ, залитымъ тысячами огней еще не виданной въ Костромѣ грандіозной иллюминаціи.

Второй день пребыванія Царской Семьи въ Костромѣ.

На слѣдующій день, 20-го мая, едва взошло надъ Костромой солнце, какъ несмѣтныя толпы народа устремились за городъ на берегъ красавицы-Волги, чтобы еще разъ увидѣть Царя, Царицу и Наслѣдника.

День выдался на славу, ясный, солнечный: точно сама природа радовалась присутствію Царя.

Уже съ ранняго утра весь городъ былъ на ногахъ, и улицы снова оживились: проходили войска, направляясь къ Успенскому собору, для занятія на площади опредѣленныхъ мѣстъ къ предстоящему параду, рядами двигались безконечныя вереницы школьниковъ, шли толпы депутатовъ и волостныхъ старшинъ, и со всѣхъ концовъ города тысячами стекался народъ. Полиція слѣдила за порядкомъ движенія, который, впрочемъ, совсѣмъ не нарушался—все дѣлалось чинно, спокойно, даже благоговѣнно: каждый глубоко и искренно сознавалъ всю важность добраго поведенія хозяевъ, принимающихъ у себя дорогихъ Гостей: Батюшку-Царя и Его Августѣйшую Семью.

Во многихъ мѣстахъ города эффектно красовались высокіе шести, на которыхъ, въ видѣ стяговъ, были прикрѣплены гербы царей Дома Романовыхъ, совмѣщающіе въ своемъ рисункѣ, кромѣ изящества, еще особое символическое значеніе, и гербы города Костромы, изображающіе ладью древне-русской постройки съ флагомъ, на которомъ вышитъ гербъ Романовыхъ, увѣнчаный императорской короной. Кто умѣетъ читать знаки геральдики, тотъ прочтетъ на этомъ гербѣ: „Да не погибнемъ“.

Особенно роскошно были декорированы зданія: Государственнаго Банка, всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, Соединеннаго Банка, Городской Думы и многія др.

Уже къ 8 часамъ утра всѣ улицы, по которымъ долженъ былъ прослѣдовать Государь, наполнились народомъ. Съѣздъ въ городѣ огромный. Кромѣ официальныхъ лицъ, волостныхъ старшинъ и сельскихъ депутатовъ, удостоившихся наканунѣ предста-

вленія ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВАМЪ, въ городъ съѣхалось изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ Костромской губерніи множество народа, жаждавшего лицезрѣть Царскую Семью. И у всѣхъ замѣтно было высокопатріотическое, благоговѣйное настроеніе и неописуемая радость. Поэтому порядокъ всюду въ городѣ царилъ образцовый.

Волшебную картину представлялъ возвышенный берегъ Волги близъ Успенскаго собора, откуда, какъ на ладони, видна была Царская пристань, у Ипатьевскаго монастыря, и лежащая внизу городская пристань, гдѣ теперь ожидалось прибытіе Царской Семьи.

На городской пристани.

Около городской пристани красовалась великолѣпная арка, исполненная въ древне-русскомъ стилѣ, съ большимъ вкусомъ убранная гирляндами и флагами съ вытканными на нихъ гербами, и причудливыми рѣзными верхушками. Отъ пристани, вдоль дороги въ городъ, стали размѣщаться воспитанники и воспитанницы учебныхъ заведеній, дѣти городскихъ и сельскихъ школъ, привезенныхъ изъ отдаленныхъ уѣздовъ Костромской губерніи, и волостные старшины, одѣтые въ парадные кафтаны съ позументами. Многіе изъ старшинъ—почтенные старики, убѣленные сѣдинами. Весь путь ярко расцвѣтился флагами, красивыми транспарантами, гирляндами, цвѣтами и щитами съ изображеніемъ гербовъ и вензелей ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

Къ 9 часамъ утра войска: эриванцы, пултусцы, рота саперъ, полубатарей и сотня гребенцовъ, въ пѣшемъ строю, были выстроены на своихъ мѣстахъ. Первымъ изъ высокопоставленныхъ лицъ къ нимъ прибылъ военный министръ, который обошелъ фронтъ, здороваясь съ частями.

Между тѣмъ съ городской пристани къ собору стали подъѣзжать высшіе сановники.

Взоры всей несмѣтной толпы народа обращены къ Ипатьевскому монастырю. Скоро вдали на горизонтѣ сталъ обрисовываться силуэтъ парохода „Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ“, на которомъ слѣдовали ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЕЛИЧЕСТВА.

Ровно въ 10 часовъ утра Царскій пароходъ, конвоируемый нѣсколькими миноносцами, медленно подошелъ къ городской при-

стани. По остановкѣ, съ него сошли Государь вмѣстѣ съ Государыней Императрицей, Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Августѣйшими Дочерьми. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО былъ въ формѣ Эриванскаго полка, а Наслѣдникъ Цесаревичъ—въ формѣ Екатеринославскаго полка. Государыня Императрица была въ лентѣ Андрея Первозваннаго, Великія Княжны—въ Екатерининскихъ лентахъ. Первымъ Государя встрѣтилъ костромской городской голова, поднесшій Ея Величеству роскошный букетъ цвѣтовъ. Государь удостоилъ представителей г. Костромы милостивой бесѣдой, а затѣмъ отбылъ въ коляскѣ къ войскамъ, расположеннымъ на площади около Успенскаго собора.

Народъ восторженно привѣтствовалъ Царя: со всѣхъ улицъ несло несмолкаемое „ура“. Коляска ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА остановилась вблизи лѣваго фланга гребенцовъ. Раздалась команда „смирно“, и все замерло. Вотъ Государь уже у фронта казаковъ, и сердце каждаго гребенца невольно забилося сильнѣе: къ нимъ первымъ подходилъ Державный Вождь.

Объѣздъ войскъ.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО направился къ фронту гребенцовъ... Трубачи заиграли „походъ“, сотня взяла „на караулъ“. Государь поздоровался: „Здорово, гребенцы!“ Въ отвѣтъ на Царское привѣтствіе раздалось восторженное: „Здравія желаемъ, ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО“. Тотчасъ же „походъ“ смѣнился гимномъ, и изъ сотни грудей гребенцовъ вырвалось могучее „ура“. Когда Государь подходилъ къ правому флангу сотни, полковой Георгіевскій штандартъ величаво и плавно склонился, салютуя Императору, затѣмъ тотчасъ же принялъ первоначальное положеніе. Минута была высокаторжественная, счастливая, до тѣхъ поръ никогда еще не переживавшаяся гребенцами.

При прохожденіи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА по фронту войскъ, оркестры пултусцевъ и эриванцевъ постепенно, по мѣрѣ приближенія къ нимъ Державнаго Вождя, исполняли народный гимнъ. Въ коляскѣ, вслѣдъ за Государемъ, слѣдовали передъ войсками Государыня Императрица и Наслѣдникъ Цесаревичъ Великій князь Алексѣй Николаевичъ. Государыня привѣтливо кланялась войскамъ, съ такимъ энтузіазмомъ встрѣчавшимъ могучимъ „ура“ Царя и Августѣйшую Семью.

Въ Успенскомъ соборѣ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, обойдя фронтъ войскъ, прослѣдовалъ въ Успенскій соборъ. „Ура“ смолкло, войска взяли „къ ногѣ“.

Успенскій соборъ представляетъ древнѣйшій церковный памятникъ и величайшую святыню Костромы. Онъ построенъ еще въ XIII вѣкѣ великимъ княземъ Василиемъ Ярославовичемъ и, какъ уже было сказано выше, является единственнымъ въ Россіи храмомъ, алтари котораго обращены на сѣверъ, а не на востокъ, такъ какъ, по преданію, хранящаяся до сихъ поръ въ соборѣ чудотворная икона Феодоровской Божіей Матери явилась великому князю Василию Ярославовичу съ сѣверной стороны горизонта. Преданіе говоритъ также, что благовѣрный князь Александръ Невскій въ 1263 г., незадолго до своей кончины, принялъ схиму подъ сѣнью этой иконы, которая, до появленія въ Костромѣ, находилась въ с. Городцѣ, Нижегородской губерніи. Этой же святыней былъ благословленъ на царство и Михаилъ Феодоровичъ. Поэтому икона Феодоровской Божіей Матери является родовой святыней Дома Романовыхъ.—Въ Успенскомъ соборѣ хранятся также разные щедрые вклады царя Михаила Феодоровича и его родительницы, инокини Марѣы.

Въ преддверіи собора ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЕЛИЧЕСТВА были встрѣчены архіепископомъ Тихономъ, епископомъ Дмитріемъ рязанскимъ и епископомъ Арсеніемъ, викаріемъ костромскимъ, съ крестомъ и св. водою. Началось торжественное молебствіе.

Закладка памятника.

Войска на площади были выстроены вокругъ того мѣста, гдѣ должна была состояться закладка памятника 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ. Фундаментъ этого всенароднаго русскаго монумента уже былъ обдѣланъ въ гранитъ. Тутъ же, рядомъ съ памятникомъ, стоялъ Царскій павильонъ, роскошно украшенный коврами, гирляндами и флагами; полъ въ немъ былъ обитъ бархатомъ, а на стѣнахъ развѣшены дорогія матеріи. Вблизи павильона была сооружена на деревянномъ помостѣ Царская палатка-шатеръ съ государственными гербами на верху и

по угламъ. Передъ памятникомъ, ближе къ Волгѣ, на громадныхъ шестахъ развѣвались флаги и стяги.

Торжественное молебствіе въ Успенскомъ соборѣ окончилось, и Государь Императоръ, въ предшествіи духовенства, направился черезъ „Святыя ворота“, по особо устроенному помосту,

Проектъ памятника въ Костромѣ.

къ мѣсту закладки памятника. Войска снова взяли „на крауль“, и оркестры заиграли „Коль славень“. Драгоценныя, вызолоченныя хоругви рѣяли въ воздухѣ, облаченія духовенства ярко горѣли на солнцѣ. Для Костромы наступила великая историческая минута—закладка всенароднаго памятника, совершаемая Самимъ Государемъ Императоромъ.

Вокругъ мѣста закладки размѣстились кромѣ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, Особы Императорской Фамиліи, Государева свита, генералитетъ, высшіе сановники, предводители дворянства,

представители земства и городовъ Костромской губерніи, члены комитетовъ по постройкѣ памятника и по устройству юбилейныхъ торжествъ, а также главнѣйшіе жертвователи.

Начался молебенъ съ малымъ освященіемъ воды. Въ эту высокоторжественную минуту воцарилась полная тишина, и далеко по всей площади раздавался ясный голосъ архіепископа Тихона, внятно и благоговѣнно произносившаго слова св. молитвы. По окончаніи молебна, Государь первымъ положилъ камень

Закладка памятника вл. Высочайшемъ присутствіи вл. г. Кострохѣ 20 мая 1913 г.

въ основаніе памятника, затѣмъ положили камни: Государыня Императрица, Наслѣдникъ Цесаревичъ и Особы Императорской Фамиліи. Послѣ молебствія было провозглашено многолѣтіе. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ приложиться ко кресту, а затѣмъ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА направились къ особо устроенному на откосѣ павильону, гдѣ изволили осматривать планы и рисунки памятника.

Весь склонъ берега Волги, отъ павильона до самой рѣки, былъ сплошь покрытъ толпой по-праздничному принарядившагося народа. Когда Государь вышелъ на балконъ павильона, раздалось громкое восторженное „ура“, а когда Царь второй разъ показался на балконѣ вмѣстѣ съ Императрицей и Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, новое „ура“, еще болѣе радостное, огласило воздухъ.

Въ это время войска, разоидясь съ площади по разнымъ направленіямъ, прошли черезъ городской садъ и торговые ряды и стали занимать мѣста на Мшанской улицѣ, приготовляясь къ церемоніальному маршу. Минуть черезъ десять они уже были готовы.

Выйдя изъ павильона, Государь, вмѣстѣ съ Императрицей прослѣдовалъ подъ особо построенный Царскій шатеръ, въ которомъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО осталась, а ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО, по особому помосту, приблизился къ линіи жалонеровъ и подалъ знакъ къ началу церемоніальнаго марша, милостиво кланяясь народу, занимавшему выстроенныя вблизи трибуны и радостно привѣтствовавшему ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ восторженнымъ несмолкаемымъ „ура“.

Парадъ войскъ.

Парадомъ командовалъ генералъ-маіоръ Парскій.

Въ парадѣ принимали участіе доблестные эриванскіе гренандеры, славные пултусцы, рѣта саперъ, полубатарей артиллеріи и лихіе гребенскіе казаки. Спокойно и увѣренно стояли, рядомъ съ частями костромского гарнизона, достойные представители славныхъ кавказскихъ войскъ, вынесшихъ на своихъ богатырскихъ плечахъ всю тяжесть кровопролитной и многолѣтней Кавказской войны.

Ровно въ 12 часовъ раздалась команда генерала Парскаго— „Смирно! На плечо!“. Брякнуло оружіе, сверкнули на солнцѣ штыки и сабли, и тысячи людей на площади, вмѣстѣ съ войсками, точно замерли. Кругомъ воцарилась такая тишина, что,

Гребенцы проходят церемониальную маршью перед Государем, Императором.

казалось, можно было бы явственно слышать жужжаніе мухи. Только вдали глухимъ эхомъ перекатывался громъ восторженныхъ привѣтствій народа.

Государь, вмѣстѣ съ блестящей свитой, занялъ мѣсто, мимо котораго должны были проходить парадируюшія войска.

Есть минуты, къ которымъ никогда нельзя привыкнуть, во время которыхъ что-то захватываетъ сердце и подступаетъ къ горлу, вызывая слезы. Къ такимъ именно минутамъ относился и настоящій моментъ встрѣчи Государя войсками.

Начался церемоніальный маршъ. Еще разъ блеснули на яркомъ весеннемъ солнцѣ штыки, глухими перекатами раздалась барабанная дробь, и войска двинулись по-ротно, во взводныхъ колоннахъ. Ихъ повелъ командующій парадомъ генералъ-маіоръ Парскій, за которымъ шли высокіе широкоплечіе эриванцы-гренадеры, заслужившіе своимъ молодецкимъ маршемъ первое Царское „Спасибо“. За эриванцами двинулись brave пултусцы, затѣмъ саперы, артиллеристы и, наконецъ, красивымъ плавнымъ шагомъ прошли лихіе гребенцы, щеголевато одѣтые въ синіе бешметы, косматыя папахи и легкіе чевяки, съ заброшенными за плечи голубыми башлыками.

При прохожденіи войсковыхъ частей мимо Государя, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО благодарилъ отдѣльно каждую роту и сотню, отзываясь въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ о блестящемъ состояніи войскъ. Дѣйствительно, всѣ части прошли отлично и вполнѣ заслужили дорогое для нихъ Царское „Спасибо“. Гребенцы же своей мягкой походкой, держа руки въ положеніи: „смирно“, не шли, а точно плыли, какъ выразился в послѣдствіи одинъ изъ вышихъ начальниковъ. Красивый парадный костюмъ гребенцовъ, съ заброшенными за плечи голубыми башлыками, особенно привлекалъ къ себѣ вниманіе костромичей и пріѣзжей публики, занимавшей мѣста на трибунахъ и на тротуарѣ вдоль ограды Успенскаго собора.

Въ губернаторскомъ домѣ.

По окончаніи парада, Государь прослѣдовалъ въ губернаторскій домъ, а Ея Величество Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Августѣйшими Дочерьми и Великой Княгиней Елисаветой Ѳеодоровной отбыли въ Богоявленскій монастырь, гдѣ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ были пред-

ставлены супруги мѣстныхъ высшихъ военныхъ и гражданскихъ начальниковъ. Въ оградѣ монастыря были размѣщены также дѣти пріюта, содержимаго Обществомъ „Помощь дѣтямъ“; они восторженными кликами чистыхъ дѣтскихъ голосовъ привѣтствовали Царицу и Августѣйшихъ Особъ.

По всему пути слѣдованія ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ улицы были сплошь заняты ликующимъ народомъ, который былъ свободно допущенъ и, по мѣрѣ приближенія Государя, громовымъ „ура“, какъ раскатами грома, оглашалъ воздухъ. ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА отвѣчали на привѣтствія народа поклонами.

Въ губернаторскомъ домѣ состоялся приемъ Государемъ Императоромъ представителей высшаго духовенства и военныхъ и гражданскихъ властей Костромы, а также приемъ депутацій отъ костромского мѣщанскаго общества, отъ жителей городовъ: Макарьева, Галича и Буя, отъ костромскихъ старообрядцевъ, отъ мѣстныхъ мусульманъ и отъ еврейской общины. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО милостиво бесѣдовалъ со всѣми представлявшимися лицами. Затѣмъ въ губернаторскомъ саду состоялся приемъ многочисленныхъ волостныхъ старшинъ и депутацій отъ сель бѣлопашцевъ (прямыхъ потомковъ Сусанина). Для тѣхъ и другихъ былъ устроенъ обѣдъ. Здѣсь же Государь Императоръ принялъ депутацій отъ хуторянъ, отъ мѣстныхъ отдѣловъ Союза русскаго народа и отъ учреждений мелкаго кредита. Всѣ представившіеся члены депутацій были удостоены Монархомъ милостивой бесѣды. Для нихъ тоже былъ поданъ обѣдъ, послѣ котораго всѣ обѣдавшіе получили на память посуду и столовый приборъ. По окончаніи приема ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ обозрѣвать выставленныя въ губернаторскомъ саду статуи, которыя современемъ будутъ поставлены, какъ отдѣльныя фигуры, на памятникѣ 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ.

Посѣщеніе Государемъ Императоромъ Пултускаго полка.

Изъ губернаторскаго дома ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ прослѣдовать въ открытомъ экипажѣ въ казармы 4-го баталіона 183-го пѣхотнаго Пултускаго полка, на Кинешемской улицѣ, гдѣ помѣщается офицерское собраніе этого полка. Государя сопровождали: оберъ-гофмаршалъ графъ Бенкендорфъ, генералъ-адъютантъ Дедюлинъ, князь Кочубей, генералъ Даниловъ и костромской губернаторъ, камергеръ Стремоуховъ. У входа въ собраніе

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО встрѣтилъ командиръ полка полковникъ Малѣевъ. Тутъ же находились: Военный министръ генераль-отъ-кавалеріи Сухомлиновъ, Начальникъ Главнаго Штаба генераль-отъ-инфантеріи Михневичъ, командующій войсками Московскаго военнаго округа генераль-отъ-кавалеріи Плеве, Командиръ 25-го армейскаго корпуса генераль-отъ-инфантеріи Зуевъ, Начальникъ 46-й пѣхотной дивизіи генераль-лейтенантъ Долговъ. Начальники штабовъ Московскаго военнаго округа и 26-го армейскаго корпуса генераль-маіоры Мюллеръ и Огородниковъ, Командиръ 2-й бригады 46-й пѣхотной дивизіи генераль-маіоръ Парскій и Начальникъ военныхъ сообщеній округа генераль-маіоръ Кіянновскій.

Въ залѣ офицерскаго собранія, въ ожиданіи прибытія Государя Императора, собрались всѣ офицеры Пултусскаго полка, которые при входѣ въ залъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и были представлены Своему Державному Вождю командиромъ полка.

Обходя ряды офицеровъ, Государь Императоръ осчастливилъ всѣхъ представленныхъ лицъ милостивыми разспросами о движеніи по службѣ, особенно подробно разспрашивая офицеровъ, участвовавшихъ въ послѣдней русско-японской войнѣ. По окончаніи представленія, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО прослѣдовалъ въ полковой музей, гдѣ изволилъ обозрѣвать всѣ предметы небольшого еще собранія полковыхъ реликвій и выслушалъ докладъ командира полка о музеѣ, послѣ чего изволилъ расписаться въ книгѣ почетныхъ посѣтителей собранія. По выходѣ отсюда въ гостинную, гдѣ въ это время собрались всѣ офицеры, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ было предложено шампанское. Поднявъ бокалъ за процвѣтаніе молодого Пултусскаго полка, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО произнесъ рѣчь, въ которой милостиво благодарилъ офицеровъ за блестящій парадъ, доказавшій, что въ полку, несмотря на отдаленное отъ взоровъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА мѣсто его расположенія, работа ведется за совѣсть, а не за страхъ. Восторженное „ура“ покрыло слова обожаемаго Верховнаго Вождя русской арміи. Послѣ Высочайшихъ словъ командиръ полка, полковникъ Малѣевъ, провозгласилъ здравицу за ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО. Раздалось еще болѣе дружное „ура“, которое, долго не смолкая, постепенно перешло въ пѣніе трижды повтореннаго народнаго гимна, исполненнаго подъ звуки полковаго оркестра.

Выйдя затѣмъ во дворъ казармъ, ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО осчастливилъ офицеровъ полка, соизволивъ сняться въ одной группѣ съ ними, послѣ чего, обратившись къ коман-

диру полка, въ высоко-милостивыхъ словахъ еще разъ благодарилъ его за блестящее состояніе полка.

Во дворѣ казармъ были построены нижніе чины 4-го баталіона ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, дважды проходя по фронту батальона, благодарилъ молодцовъ-пултусцевъ за отличную службу.

Восторженное громогласное „ура“ нижнихъ чиновъ и офицеровъ было отвѣтомъ на Царскую благодарность; подъ его несмолкаемый гулъ Державный Вождь изволилъ отбыть изъ казармъ, пробывъ среди пултусцевъ 1 часъ 10 минутъ.

Въ больницѣ Краснаго Креста.

Въ исходѣ 3-го часа дня ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО съ Августѣйшими Дочерьми и Особами Императорской Фамиліи, въ сопровожденіи свиты, посѣтилъ больницу Краснаго Креста. Обходя помѣщенія, Государь изволилъ милостиво разспрашивать предсѣдательницу Совѣта Общества, а также попечительницу Общины и другихъ лицъ.

Изъ Общины ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО прослѣдовалъ въ церковь Воскресенія на Дебрѣ, гдѣ настоятель храма, священникъ Бѣляевъ, встрѣтилъ Государя съ крестомъ и святой водой. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ обозрѣвать церковь и ея историческія достопримѣчательности.

На юбилейной выставкѣ.

Ровно въ 4 часа дня, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО и Ихъ Высочества изволили прибыть изъ Воскресенской церкви на земскую юбилейную выставку, гдѣ къ этому времени уже собрались Особы Императорской Фамиліи и министры.

Выставка занимаетъ сравнительно небольшую площадь на самомъ берегу Волги. Всѣ зданія ея сооружены въ строгомъ древне-русскомъ стилѣ. Посрединѣ выставки, на площади, красуется конная статуя богатыря-витязя, погруженнаго въ задумчивость.

При входѣ на выставку Государь былъ встрѣченъ предсѣдателемъ губернской земской управы, который поднесъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ хлѣбъ-соль.

Посѣщеніе юбилейной выставки были заключительнымъ аккордомъ Высочайшаго пребыванія въ Костромѣ. Государь Импе-

раторъ обошелъ всѣ выставочные отдѣлы, живо интересуясь экспонатами. Въ главномъ павильонѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ провозгласить тостъ за устроителей выставки. По обозрѣніи всей выставки ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ и Августѣйшимъ Особамъ былъ предложенъ чай.

Государь Императоръ на юбилейной выставкѣ въ Костромѣ.

Около 7-ми часовъ вечера, Государь покинулъ выставку и изволилъ пѣшкомъ прослѣдовать на выставочную пристань. Высшія военныя и гражданскія власти, предводители дворянства, представители земства, города и сословій провожали Высокихъ Посѣтителей.

По всему пути слѣдованія ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА на пристань по территоріи выставки шпалерами стояли учащіеся и многочисленная, свободно допущенная публика. Государь съ Особами

Императорской Фамиліи взошелъ на пароходъ и отбылъ на Царскую пристань.

По берегу Волги, отъ выставки и почти до Ильинской улицы, стояли развернутымъ фронтомъ Эриванскій и Пултусскій полки,

Государь Императоръ покидаетъ выставку.

а дальше гребенскіе казаки въ конномъ строю, со штандартомъ и хоромъ трубачей.

Во время прохожденія Царскаго парохода войска брали „на караулъ“, оркестры играли народный гимнъ, и восторженное „ура“ многихъ тысячъ войскъ и народа провожало Державнаго Хозяина Русской земли, пока флотилія не скрылась на горизонтѣ.

Энтузіазмъ народа былъ такъ великъ, что многіе изъ публики, въ моментъ движенія флотиліи вдоль берега Волги, ринулись въ воду, чуть не поколѣни, желая быть ближе къ Царскому пароходу, на палубѣ котораго стоялъ Государь съ Августѣйшей Семей и привѣтливо кланялся народу.

Вечеромъ этого дня опять была зажжена блестящая иллюминація и въ городѣ и на Царской пристани, и улицы Костромы, какъ и наканунѣ, наполнились ликующимъ народомъ.

Съ 5 час. вечера, какъ сказано уже выше, сотня гребенцовъ стояла на берегу Волги, у городской пристани, въ ожиданіи отъѣзда ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. Огромная толпа народа окружала гребенцовъ со всѣхъ сторонъ.

Вечерѣло. Солнце склонялось уже къ закату. Приближалась минута отъѣзда Государя изъ Костромы на Царскую пристань и далѣе на Ярославль. Невольно каждый мысленно сожалѣлъ о пролетѣвшихъ такъ быстро счастливыхъ дняхъ и предстоящей разлукѣ съ любимымъ Царемъ-Батюшкой и Его Августѣйшей Семей. Въ такомъ же раздумьи стояли и гребенцы, поглядывая въ сторону выставочной пристани..

Находившійся здѣсь-же, при сотнѣ, командиръ гребенскаго полка, взглянувши случайно въ толпу, замѣтилъ, что отъ Великокняжескаго парохода, стоявшаго на Волгѣ, вблизи городской пристани, къ сотнѣ, пробираясь черезъ толпу, приближается Великая Княгиня Анастасія Михайловна, въ сопровожденіи шталмейстера, и ручнымъ фотографическимъ аппаратомъ снимаетъ сотню.

— „Смирно. Г. г. Офицеры!“ — тотъ-часъ же скомандовалъ полковникъ Рыбальченко и, обернувшъ къ сотнѣ, предупреждаетъ казаковъ, не знавшихъ въ лицо Ея Высочества:— „Великая Княгиня Анастасія Михайловна“.

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня подошла вплотную къ командиру полка, находившемуся въ строю верхомъ, и вторично милостиво обратилась къ нему съ разспросами объ условіяхъ службы полка въ Персіи. А затѣмъ, взглянувши на распущенный полковой Георгіевскій штандартъ, обратилась съ вопросомъ:

— „Старый у васъ штандартъ“?

— „По времени пожалованія онъ не старъ, Ваше Императорское Высочество,—отвѣтилъ полковникъ,— такъ какъ пожалованъ въ 1881 году, въ память 300-лѣтняго юбилея службы полка, но

этотъ штандартъ замѣнилъ собою всѣ ранѣе жалованные гребенцамъ знамена и штандарты, въ числѣ 122, которые теперь хранятся, въ числѣ прочихъ войсковыхъ регалій, въ домѣ наказнаго атамана Терскаго казачьяга войска“.

— „Гдѣ именно“?—спросила Великая Княгиня.

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня
АНАСТАСІЯ МИХАИЛОВНА.

— „Въ гор. Владикавказѣ, Ваше Императорское Высочество“—отвѣтилъ командиръ полка.

Великая Княгиня, тотчасъ же, направивъ аппаратъ на штандартъ, запечатлѣла его на пластинкѣ и снова, обратившись къ полковнику Рыбальченко, изволила милостиво сказать ему:

— „Я вамъ пришлю эти снимки. Куда ихъ выслать“?

Командиръ полка, сказавши адресъ, благодарилъ Ея Высочество за такое безгранично милостивое вниманіе къ гребенцамъ.

Великая Княгиня удалилась, направившись обратно къ пароходу, а гребенцы, преисполненные радостью и счастьемъ, долго смотрѣли вслѣдъ Ея Высочеству. провожая мысленно Ее самыми лучшими пожеланіями.

Высочайшій обѣдъ.

Въ 8 час. вечера, на пароходѣ „Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ“, былъ назначенъ Высочайшій обѣдъ. къ которому были приглашены всѣ начальники войсковыхъ частей, удостоившіеся сидѣть за Царскимъ столомъ, за которымъ мѣста занимали Особы Императорской Фамиліи, министры и другіе высшіе сановники Имперіи и высокопоставленныя лица.

Государь вошелъ въ столовую подъ руку съ Великой Княгиней Анастасіей Михайловной и занялъ мѣсто въ срединѣ стола. Направо отъ Его Величества сѣли: Великая Княгиня Анастасія Михайловна, Великая Княгиня Марія Павловна, Великіе Князья Борисъ и Кириллъ Владиміровичи, а налѣво: Великія Княгини Марія Александровна, Ольга Александровна, Ксенія Александровна и Великія Князья Сергѣй Михайловичъ, Александръ Михайловичъ и Петръ Александровичъ, принцъ Ольденбургскій. Мѣсто противъ Государя Императора занималъ министръ Двора, по правую руку отъ котораго сидѣлъ Предсѣдатель Совѣта министровъ, министръ финансовъ Коковцевъ, далѣе министръ земледѣлія и морской министръ; а по лѣвую руку: военный министръ генералъ Сухомлиновъ, командующій войсками Московскаго военнаго округа генералъ Плеве, корпусной командиръ генералъ Зуевъ и др. военно-начальствующія лица. Командиръ Гребенскаго полка, полковникъ Рыбальченко, удостоился занимать за столомъ мѣсто рядомъ съ Великимъ Княземъ Александромъ Михайловичемъ. Къ ВЫСОЧАЙШЕМУ столу имѣлъ счастье быть приглашеннымъ и командиръ 5-ой сотни, есаулъ Шаликовъ.

Обѣдъ продолжался болѣе 2-хъ часовъ. Время летѣло незамѣтно. Быстро приближалась минута разлуки съ Батюшкой-Царемъ— ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО отбывалъ въ Ярославль.

Государь Императоръ былъ чарующе-любезенъ со своими гостями и несказанно милостивъ къ нимъ. Командира Гребенскаго полка ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО осчастливилъ милостивымъ вниманіемъ—поднявъ бокалъ за его здоровье.

Разставаясь съ гостями, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО соизволилъ еще разъ благодарить полковника Рыбальченко за поднесенную гребенцами Наслѣднику Цесаревичу шашку и повелѣлъ передать полку поклонъ, сказавши: „Благодарю за шашку. Передайте полку отъ Меня поклонъ“.

Милостивыя слова Государя Императора несказанно обрадовали гребенцовъ, и командиръ полка, вмѣстѣ съ командиромъ

Государь Императоръ у городской пристани.

сотни, возвратились съ пристани домой, до глубины души преисполненные чувствомъ безпредѣльной радости и безграничнаго счастья.

Отбытіе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Ярославль.

Высочайшій обѣдъ окончился только около 11 ч. вечера. Милостиво простившись со всѣми гостями, ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА вошли на пароходъ „Межень“, который медленно сталъ отходить

вверхъ по Волгѣ, направляясь въ Ярославль. На Царской Ипатьевской пристани замелькали огоньки; одинъ за другимъ въ линію вытягивались сопровождавшіе „Межень“ путейскіе пароходы. Ударили въ большой колоколъ у Ипатія, и вслѣдъ затѣмъ начался трезвонъ во всѣхъ городскихъ церквахъ: Кострома напутствовала Батюшку-Царя въ дальнѣйшій путь. Постепенно Царская эскадра стала скрываться изъ виду, и мысли десятковъ тысячъ костромичей, преисполненныя самыхъ лучшихъ пожеланій отбывавшимъ Высокимъ Гостямъ, неслись ей вслѣдъ...

Да хранитъ же Всевышній нашего обожаемаго Монарха и Его Августѣйшую Семью на радость и благоденствіе дорогой намъ Матери-Россіи на долгіе-долгіе годы! Да хранитъ Онъ также нашу надежду и гордость—Августѣйшаго Атамана всѣхъ казачьихъ войскъ, Наслѣдника Цесаревича, и да возрастетъ Онъ сильнымъ и крѣпкимъ на радость и счастье родному казачеству! Да хранитъ Онъ весь Царствующій Домъ Романовыхъ, на славу Руси и на страхъ ея врагамъ!

Банкетъ, устроенный гребенцами.

25 мая, въ гостинницѣ „Кострома“, офицерами 1-го Кизлярского гребенскаго полка, во главѣ съ командиромъ полка, устроенъ былъ банкетъ, на которомъ присутствовали: г. начальникъ губерніи, вице-губернаторъ, городской голова съ членами управы, начальникъ гарнизона ген. Парскій, воинскій начальникъ ген. Токмачевъ, командиры и штабъ-офицеры Эриванскаго и Пултусскаго полковъ. На банкетѣ игралъ собственный казачій оркестръ и пѣлъ хоръ пѣсенниковъ-казаковъ, чередуясь лезгинкой подъ звуки зурны. Столъ былъ уставленъ цвѣтами и драгоценными азарпешами, братами, между которыми были двѣ, дарованныя гребенцамъ императрицей Елизаветой Петровной.

Въ срединѣ обѣда, когда разлито было шампанское, губернаторъ П. П. Стремоуховъ, поднявъ Елизаветинскую братину, провозгласилъ тостъ за драгоценное здоровье Государя Императора. Начальникъ гарнизона ген. Парскій изъ другой полковой братины предложилъ тостъ за Государыню Императрицу, а командиръ Гребенскаго полка за здоровье роднаго Атамана Наслѣдника Цесаревича. Эти тосты восторженно были покрыты дружнымъ „ура“ всѣхъ присутствовавшихъ и троекратнымъ пѣніемъ „гимна“ подъ звуки полкового оркестра; тостъ же за Наслѣдника

Цесаревича сопровождался долго не смолкавшим полковым маршемъ.

Всѣми присутствовавшими переживалось много хорошихъ минутъ. Здѣсь искренно браталась военная среда. Воспоминанія о недавнемъ пребываніи въ Костромѣ Царской Семьи, отечески ласковый привѣтъ Государя войскамъ и населенію, были такъ дороги и оставили въ сердцахъ неизгладимый слѣдъ...

Въ застольной бесѣдѣ гребенцы вспоминали о далекомъ прошломъ, о кавказской войнѣ, о Персіи: все это чередовалось одно за другимъ. И надо отдать справедливость, что такіе обѣды, такія кунацкія побратимства имѣютъ огромное военно-воспитательное значеніе и ту особенную характерную черту, что они сближаютъ и поднимаютъ духъ товарищества. Здѣсь, за столомъ, ходитъ по рукамъ азарпеша, поется „Аллаверды“—эта историческая и традиціонная кавказская пѣсня; здѣсь младшій слышитъ отъ старшаго о славной эпопеѣ кавказской войны, о не умирающихъ кавказскихъ традиціяхъ, о молодецкихъ подвигахъ кавказской арміи..

Кавказская армія!.. Какимъ захватывающимъ чувствомъ звучатъ эти слова. Какое глубокое уваженіе питаетъ каждый къ славному имени Кавказской арміи, воспитанной на боевыхъ традиціяхъ!

Кавказская война постепенно вырабатывала въ кавказскихъ войскахъ свой особенный, исключительный складъ и своеобразный духовный строй, который характеризовался, главнымъ образомъ, въ нравахъ, обычаяхъ, традиціяхъ и во взаимныхъ отношеніяхъ отъ рядового до генерала. Кавказская армія всегда была сильна именно тѣмъ, что въ ней отношенія слагались просто, естественно, безъ всякой натяжки. Вотъ почему кавказскіе офицеры съ такимъ энтузіазмомъ, съ такой любовью всегда братаются и объединяются между собою, завязывая прочныя связи, какъ и въ данномъ случаѣ, на банкетѣ у гребенцовъ.

Банкетъ прошелъ именно по-кавказски, на которомъ браталось русское воинство разныхъ округовъ, взаимно высказывая задушевныя пожеланія, чтобы вѣчно русскія войска объединялись въ боевыхъ традиціяхъ, унаслѣдованныхъ отъ доблестныхъ своихъ предковъ.

Проводы Кизляро-Гребенцовъ.

Въ воскресенье, 26 мая, состоялись проводы возвращавшейся въ Персію изъ Костромы, послѣ торжествъ, казачьей сотни Киз-

Передрава гребенцовъ через р. Кострому.

ляро-Гребенскаго полка. Къ 5 час. вечера на городской пристани, у перевоза, собрались проводить гребенцовъ: Костромской губернаторъ Стремоуховъ, Начальникъ гарнизона генералъ Парскій, уѣздный воинскій начальникъ генералъ Токмачевъ, командиръ Пултускаго полка съ супругой, штабъ и оберъ-офицеры-пултусцы съ дамами и проч. избранное общество, а также громадная толпа костромичей. Тутъ-же была выстроена рота Пултускаго полка со знаменемъ и хоромъ музыки. По прибытіи на пристань командира полка полк. Рыбальченко съ супругой, послѣдней женой к-ра Пулт. полка, М-те Малѣевой, былъ поднесенъ роскошный букетъ цвѣтовъ. Рота встрѣтила подошедшую въ конномъ строю сотню гребенскимъ маршемъ. По отданіи взаимной чести Начальникъ гарнизона благодарилъ сотню за отличную службу и напутствовалъ ее прощальнымъ задушевнымъ словомъ.

Командиръ сотни благодарилъ генерала и роту пултусцевъ за оказанное вниманіе, сердечность и гостепріимство. Затѣмъ сотня, въ двѣ очереди, переправилась черезъ Волгу и направилась къ вокзалу, гдѣ ком. полка, въ свою очередь, благодарилъ всѣхъ гг. офицеровъ и казаковъ за службу и пожелалъ благополучнаго пути. Погрузившись въ вагоны, сотня до самой поздней ночи увеселяла собравшуюся многочисленную публику духовой музыкой, пѣніемъ и плясками.

27 мая, съ 7-ми часовымъ, утреннимъ поѣздомъ, сотня была изъ Костромы, направившись въ Москву, съ цѣлью двухдневной остановки въ ней для осмотра и поклоненія святынямъ Первопрестольной, на что командиромъ полка было заранѣе испрошено специальное разрѣшеніе.

Пребываніе гребенцовъ въ Москвѣ.

По прибытіи въ Москву, вечеромъ 29 мая, сотня была встрѣчена депутаціей отъ 12-го гренад. Астраханскаго полка, любезно пригласившей гребенцовъ, отъ имени всего полка, въ свои помѣщенія. Здѣсь казакамъ былъ устроенъ ужинъ и ночлеги. На другой день эта же депутація знакомила прибывшихъ боевыхъ сотоварищей съ историческими памятниками и достопримѣчательностями Матушки-Москвы, причемъ гребенцы прежде всего поклонились Кремлю, въ соборахъ котораго почиваютъ Великіе московскіе цари Дома Рюриковичей, во главѣ съ Іоанномъ Грознымъ, подъ высокую Царскую руку котораго Терскіе казаки

впервые преклонили свои покорныя головушки для государевой службы.

Гребенцы поклонились и усыпальницѣ Великаго Государя Царя Михаила Феодоровича и др. царскимъ гробницамъ Бѣлокаменной, а затѣмъ посѣтили на Лубянской площади, церковь Успенія, въ которой находится икона „Гребневской Божіей матери“. Эта икона была вывезена въ Москву съ Терека (Гребней) еще въ самыя отдаленныя времена.

Церковь въ Москвѣ, на Лубянской площади, во имя Гребневской Божіей Матери.

Святыни и историческіе памятники Москвы.

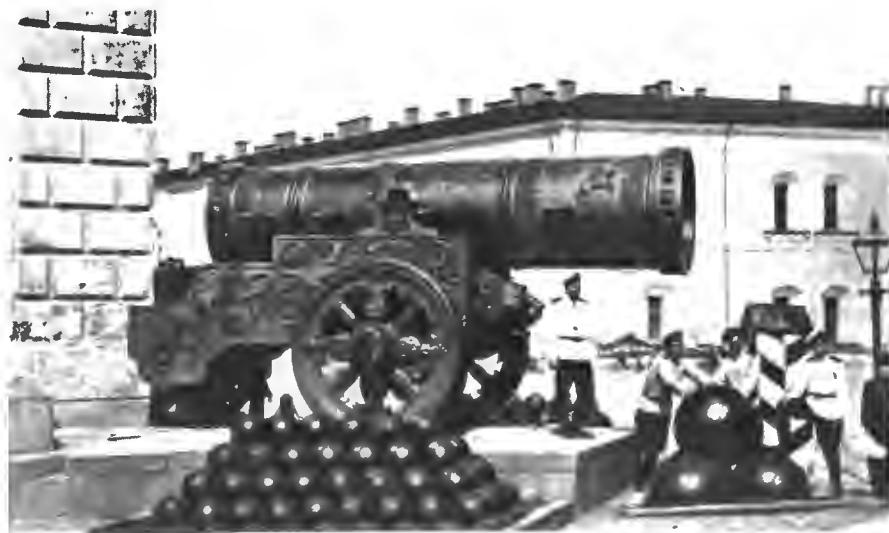
Кремль.

Башни Кремля.

Успенский соборъ.

Царь-Пушка.

Колокольня Ивана Великого.

Царь-Колоколъ.

Памятникъ Императору Александру II.

Затѣмъ казакамъ были показаны: Красная площадь, дворцы, Оружейная Палата, Иванъ Великій, Царь-колоколь, Царь-пушка, храмъ Христа Спасителя и всѣ памятники государямъ русскимъ и великимъ сподвижникамъ разныхъ царствованій.

Подробно осмотрѣвъ Москву, гребенцы вечеромъ 30 мая, съ сердцами, преисполненными глубокаго благоговѣнія къ Первопрестольной столицѣ, покинули ее, направившись обратно въ Грозный гдѣ имъ разрѣшенъ былъ отпускъ до 19 іюня, а затѣмъ, 20 іюня, они выступили изъ Грознаго для дальнѣйшаго слѣдованія къ мѣсту своей нынѣшней службы, въ Персію, чтобы тамъ, въ своей родной полковой семьѣ, повѣдать о томъ счастьи, какое выпало на ихъ долю, и подѣлиться тѣми чарующими впечатлѣніями, какія были вынесены ими отъ пребыванія въ г. Костромѣ и Москвѣ.

Борисъ Эсадзе.

Памятникъ Императору Александру III.

Заключеніе.

По прибытіи въ Персію, сводная гребенская сотня, въ гор. Рештѣ, была расформирована, выдѣливъ изъ себя людей 2 и 5 сотенъ. Казаки 2-й сотни были отправлены въ штабъ сотни, въ сел. Керчеры, а нижніе чины остальныхъ сотенъ направились въ штабъ полка—гор. Казвинъ.

13 іюля, въ 8 час. утра, въ гор. Казвинѣ полкъ, въ пѣшемъ строю, съ распущеннымъ штандартомъ, былъ выстроенъ во дворѣ пулеметной команды и здѣсь командиръ полка, при торжественной обстановкѣ, передалъ гребенцамъ милостивый Царскій поклонъ, а полковой адъютантъ прочелъ полку соотвѣтствующій приказъ *).

Лица гребенцовъ засіяли неописуемой радостью, и восторженное, несмолкаемое „ура“ долго перекатывалась по рядамъ подъ звуки трижды повтореннаго народнаго гимна. Здѣсь же, передъ строемъ, былъ отслуженъ благодарственный молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія, а затѣмъ полкъ прошелъ церемоніальнымъ маршемъ. Проходившая въ головѣ колонны полусотня, подъ командой хорунжаго Томашевскаго, была составлена исключительно изъ людей, бывшихъ въ Костромѣ, и всѣ они были одѣты въ ту-же форму, съ заброшенными за плечи голубыми башлыками, въ которой они имѣли счастье быть на парадѣ и въ Высочайшемъ присутствіи.

Въ тотъ же день командиромъ полка, черезъ главнокомандующаго Кавказской арміей, была послана, съ просьбой повергнуть къ стопамъ Государя Императора, нижеслѣдующая всеподданнѣйшая телеграмма:

„Потомки славныхъ гребенцовъ, пролившихъ въ 1614 году подъ Астраханью, при разгромѣ шайки Заруцкаго, впервые кровь за юнаго Царя Михаила Ѳеодоровича, нынѣ, въ знаменательную годовщину 300-лѣтняго царствованія Дома Романовыхъ, осчастливлены ВАШИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ на юбилейныхъ торжествахъ въ гор. Костромѣ, заслуживъ ВАШЕ милостивое Царское спасибо. Сегодня въ далекой Персіи, въ гор. Казвинѣ, я счастливъ былъ передать ввѣренному мнѣ полку поклонъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, послѣ чего былъ отслуженъ

*) Приложение № 9.

благодарственный молебенъ. Осчастливленные гребенцы на вѣки сохранять въ своихъ сердцахъ незабвенныя минуты пережитаго счастья, а милостивыя слова ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА да послужатъ намъ залогомъ къ дальнѣйшему преуспѣянію сдужбы старѣйшаго полка ВАМЪ, ГОСУДАРЬ, и дорогой Россіи. По завѣтамъ своихъ предковъ вѣрные гребенцы, повергая къ стопамъ ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА вѣрноподданническія чувства любви и преданности, какъ и встарь, готовы стать грудью на защиту Престола и Родины. Усердно молимъ Всевышняго да сохранитъ ОНЪ ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО, Матушку-Царицу и обожаемаго Августѣйшаго нашего Атамана Наслѣдника Цесаревича на славу и благоденствіе Матери-Россіи на долгіе годы“.

А. Рыбальченко.

Приложенія ко 2-й части.

СПИСОКЪ

гг. офицерамъ 1-го Кизляро-Гребенскаго генерала Ермолова полка, участвовавшимъ на юбилейныхъ торжествахъ въ гор. **Костромѣ**. въ маѣ 1913 г.

Командиръ полка

Александръ Григорьевичъ

Полковникъ **Рыбальченко** ст. Кисляковской,
Куб. обл.

Полковой адъютантъ

Александръ Гавриловичъ

Подъесаулъ **Астаховъ** ст. Луковской,
Терск. обл.

Командиръ 5-й сотни

Иванъ Филипповичъ

Есаулъ **Шаликовъ** ст. Гребенской,
Терск. обл.

Младшіе офицеры:

Сотникъ Викторъ Георгиевичъ

Каринъ ст. Шелкозаводской,
Терск. обл.

Сотникъ Николай Павловичъ

Бирюлькинъ ст. Наурской,
Терск. обл.

Хорунжийъ Борисъ Дмитриевичъ

Томашевскій ст. Троицкой,
Терск. обл.

Хорунжийъ Василій Михайловичъ

Старицкій ст. Троицкой,
Терск. обл.

СПИСОКЪ

подхорунжимъ и урядникамъ 5-й сотни 1-го Кизлярско-Гребенскаго генерала Ермолова полка, участвовавшимъ на юбилейныхъ торжествахъ въ гор. **Костромѣ**, въ маѣ 1913 г.

Вахмистръ сотни, Терской области.

Подхорунжій Федоръ Петровичъ

Бугаевъ ст. Петропавловской.

Взводные урядники:

1. Подхорунжій Иванъ Платоновичъ
Кулебякинъ ст. Червленной.
2. Вахмистръ Александръ Николаевичъ
Фроловъ ст. Червленной.
3. Подхорунжій Викторъ Агаѳоновичъ
Малаевъ ст. Червленной.
4. Вахмистръ Леонтій Савельевичъ
Палашкинъ ст. Червленной.

Старшіе урядники:

5. Алихманъ Садыковичъ
Юсуповъ ст. Гребенской.
6. Никаноръ Степановичъ
Панковъ ст. Дубовской.
7. Иванъ Лаврентьевичъ
Бирюковъ ст. Николаевской.
8. Хрисанфъ Константиновичъ
Нероевъ ст. Дубовской.
9. Григорій Фокичъ
Андрюнькинъ ст. Червленной.

Младшіе урядники:

10. Иванъ Андреевичъ
Лукьянцевъ ст. Червленной.
11. Юсифъ Андреевичъ
Борщъ ст. Гребенской.

Штабъ-трубачъ

12. Николай Харитоновичъ
Корытный ст. Николаевской.

ПАРАДЪ

въ **ВЫСОЧАЙШЕМЪ** присутствіи

въ гор. **КОСТРОМЪ**, 20 мая 1913 года.

КОМАНДУЕТЪ

Командиръ 2-й бригады 46-й пѣхотной дивизіи
генераль-маіоръ **Парскій.**

ПѢХОТА:

13-й лейбъ-гренадерскій Эриванскій ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА	
полкъ	4 бат.
183-й пѣхотный Пултусскій полкъ	4 бат.
Итого	8 бат.

КАВАЛЕРІЯ:

1-го Кизляро-Гребенскаго генерала Ермолова полка Терскаго казачьяго войска	1 сот.
Итого	1 сот.

В С Е Г О: 8 баталіоновъ и 1 сотня.

Командуютъ:

ПѢХОТА.

13-мъ лейбъ-гренадерскимъ Эриванскимъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полкомъ	полковникъ Мдивани.
1-мъ баталіономъ	подполковн. Шаншіевъ.
2-мъ баталіономъ	подполковн. Гогоберидзе.
3-мъ баталіономъ	подполковн. Рутковскій.
4-мъ баталіономъ	подполковн. Киберъ.
183-мъ пѣхотнымъ Пултусскимъ полкомъ	полковникъ Малѣевъ.
1-мъ баталіономъ	капитанъ Говоровъ,
2-мъ баталіономъ	подполковн. Жуковскій.
3-мъ баталіономъ	подполковн. Лебедевъ.
4-мъ баталіономъ	подполковн. Германовичъ.

КАВАЛЕРІЯ.

Сотней 1-го Кизляро-Гребенскаго генерала Ермолова полка Терскаго казачьяго войска	есауль Шаликовъ.
---	-------------------------

Приложение № 4.

ПРОГРАММА

ПЬЕСЪ, ИСПОЛНЕННЫХЪ ХОРОМЪ
ТРУБАЧЕЙ

1 - го Кизляро - Гребенскаго генерала Ермолова полка

ТЕРСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА

во время **ВЫСОЧАЙШАГО** завтрака

19-го МАЯ 1913 г.

ВЪ КОСТРОМЪ.

-
1. Маршъ. Привѣтъ Собственному Его Величества
конвою Томсонъ.
 2. Увертюра „Царица лѣсовъ“ Ивановъ.
 3. Попурри изъ оперы „Жизнь за Царя“ Глинка.
 4. Торжественный маршъ съ фанфарами Вронскій.
 5. „Индійская заря“ Крестманъ.
 6. Отголоски Гребня Ипполитова.
 7. „Вздохи сердца“, серенада Саффа.
 8. Маршъ „Весна идетъ“ Томсонъ.

Приложіе № 5.

ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

отданный мая 20-го дня 1913 г. въ г. Костромѣ.

Государь Императоръ изволилъ присутствовать сегодня на парадѣ въ городѣ Костромѣ нижеслѣдующихъ войсковыхъ частей: 13-го лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго Его Величества полка, 183-го пѣхотнаго Пултускаго полка, сотни 1-го Кизляро-Гребенскаго генерала Ермолова полка Терскаго казачьяго войска, роты 25-го сапернаго баталіона и полубатареи 6-й батареи 46-й артиллерійской бригады.

Его Императорское Величество изволилъ остаться отмѣнно доволенъ блестящимъ состояніемъ перечисленныхъ частей, за что объявляетъ Монаршее благоволѣніе начальствующимъ лицамъ; нижнимъ чинамъ, находившимся въ строю, объявляетъ Свое Царское спасибо и жалуетъ какъ строевымъ, такъ и нестроевымъ: имѣющимъ знаки отличія Военнаго Ордена—по 5 руб., имѣющимъ шевроны—по 3 руб., прочимъ—по 1 руб. на каждаго.

П Р И К А З Ъ

войскамъ Костромского гарнизона

№ 55.

24 мая 1913 года, г. Кострома.

§ 1.

19 и 20 сего мая въ Костромѣ, въ **Высочайшемъ** присутствіи, произошли торжества по случаю 300-лѣтія нынѣ благополучно Царствующаго Дома **Романовыхъ**.

Въ торжествахъ этихъ войска гарнизона приняли самое видное участіе.

Подъ громъ салютовъ 6 батареи 46 артиллерійской бригады **Императорская яхта** прошла утромъ 19 мая мимо г. Костромы. За отличное выполненіе салютовъ командиръ батареи, подполковникъ Воиновъ, удостоился личной благодарности **Государя Императора**.

Затѣмъ, въ лицѣ молодецкаго почетнаго караула 13 лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго **Его Величества** полка, войска встрѣтили **Государя Императора** и Царскую Семью у пристани № 1. Карауль отлично представился **Государю Императору** и былъ удостоенъ **Высочайшей** похвалы, а нѣкоторые чины его--личнаго **Его Императорскаго Величества** разговора.

По пути слѣдованія къ Ипатьевскому монастырю **Ихъ Императорскія Величества** были встрѣчены войсками гарнизона въ составѣ: 13 лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго **Его Величества** и 183 пѣхотнаго Пултусскаго полковъ, ротою 25-го Сапернаго баталіона, взводомъ отъ 6 батареи 46 артиллерійской бригады, чинами управленія Костромского уѣднаго воинскаго начальника со взводомъ конвойной команды и 5-й сотней 1-го Кизляро-Гребенскаго генерала Ермолова полка Терскаго казачьяго войска. Части

эти, отлично выстроенные, имѣли счастье радостно привѣтствовать **Государя Императора** при слѣдованіи въ Ипатьевскій монастырь и обратно; на возвратномъ пути Гребенская сотня удостоилась конвоировать Царскую Семью.

Послѣ проѣзда **Ихъ Императорскихъ Величествъ**, 13 лейбъ-гренад. Эриванскій **Его Величества** полкъ былъ удостоенъ дара отъ **Государыни Императрицы** въ видѣ Чудотворной иконы Феодоровской Божіей Матери древняго письма, а гребенцы удостоились поднести даръ отъ полка Наслѣднику Цесаревичу въ видѣ восточной булатной шашки.

Въ тотъ же день, на городской пристани, столь же отлично представился и молодецкій караулъ отъ 183 пѣхотнаго Пултускаго полка, тоже удостоившійся **Высочайшей Его Императорскаго Величества** похвалы; нѣкоторые чины этого караула удостоились личнаго съ **Государемъ Императоромъ** разговора. По осмотрѣ караула командиромъ и офицерами полка были поднесены **Государынѣ Императрицѣ** и Великимъ Княжнамъ букеты цвѣтовъ.

20 мая состоялся въ **Высочайшемъ** присутствіи парадъ войскамъ гарнизона. Несмотря на крайне неблагопріятныя мѣстныя условія—тѣснота и сочетаніе ломаныхъ линий, сложное перестроеніе передъ церемоніальнымъ маршемъ и необходимость захожденія плечомъ послѣ прохожденія мимо **Государя Императора**—войска выполнили все это въ блестящемъ порядкѣ: они отлично выстроились, перестроились вдвое скорѣе, нежели было предположено, и отлично прошли церемоніальнымъ маршемъ. Считаю долгомъ своимъ отмѣтить, что изъ состава частей, бывшихъ на парадѣ, саперную роту и артиллеристовъ приказано было нарядить на парадъ неожиданно, наканунѣ; эти части, не участвовавшія въ подготовкѣ къ параду и даже впервые видѣвшіе это мѣсто—представились тѣмъ не менѣе столь же блестяще, какъ и всѣ остальные. Каждая изъ проходившихъ ротъ и другихъ частей удостоилась лестной **Высочайшей** похвалы.

По окончаніи парада **Государь Императоръ** выразилъ мнѣ Свое удовольствіе по поводу парада. **Его Императорское Величество** изволилъ высказать слѣдующее: „*Отличный парадъ*“ и „*Благодарю васъ за отличный парадъ*“.

Затѣмъ **Государь Императоръ** спросилъ меня: „*Сколько вы на этомъ мѣстѣ устраивали репетицій?*“ (парада). На мой отвѣтъ, что репетицій здѣсь было двѣ, **Его Императорское Вели-**

чество выразилъ удивленіе, что войска, несмотря на малое число репетицій, представились столь отлично. Докладывая объ этомъ, я прибавилъ, что саперы и артиллерія не репетировали парада, такъ какъ были привлечены къ нему неожиданно вслѣдствіе личнаго повелѣнія **Государя Императора**.

По прохожденіи войскъ церемоніальнымъ маршемъ, **Государь Императоръ** изволилъ принять отъ 13 лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго **Своего** имени полка полкового адъютанта, который представилъ дневную записку, а равно фельдфебеля роты **Его Величества**, а затѣмъ—ординарцевъ, офицера и унтеръ-офицера и рядового для посылокъ, при чемъ каждый изъ этихъ чиновъ былъ удостоенъ **Его Императорскаго Величества** разговора.

Послѣ парада командиромъ и офицерами Эриванскаго полка были поднесены букеты **Государынѣ Императрицы** и Великимъ Княжнамъ.

По отбытіи изъ дома губернатора, **Государь Императоръ** всемилостивѣйше соизволилъ осчастливить 183 пѣхотный Пултусскій полкъ посѣщеніемъ офицерскаго собранія.

Войдя во дворъ казармъ 4-го баталіона, **Его Императорское Величество** подошелъ къ выстроенному тамъ баталіону и изволилъ еще разъ благодарить нижнихъ чиновъ за службу; послѣ этого **Государь Императоръ** вошелъ въ собраніе, гдѣ обходилъ выстроившихся офицеровъ полка, выслушалъ представленіе командира полка и удостоилъ многихъ офицеровъ личной милостивой бесѣдой. Затѣмъ **Государь Императоръ** прошелъ въ комнату полкового музея и изволилъ осмотрѣть находившіеся тамъ предметы, расписавшись въ заранѣе приготовленной книгѣ.

Войдя въ залъ собранія, **Государь Императоръ** изволилъ выслушать тамъ тостъ, провозглашенный командиромъ полка за Державнаго Вождя Русской арміи, покрытый звуками народнаго гимна, неоднократно исполненнаго музыкой и офицерами, и кликами „ура“.

Послѣ того **Его Императорское Величество** соизволилъ поднять бокалъ за процвѣтаніе *Пултусскаго полка*.

По выходѣ изъ собранія **Государь Императоръ** соизволилъ сняться общей фотографической группой съ офицерами полка, причемъ во время бесѣды въ промежуткахъ между снимками изволилъ освѣдомиться: „Объдали - ли уже солдаты?“, а также выразилъ удовольствіе по поводу пребыванія въ г. Костромѣ вообще и сопровождавшей это пребываніе хорошей погодѣ. Передъ

выходомъ **Его Императорское Величество** еще разъ прошелъ къ нижнимъ чинамъ 4-го баталіона, выстроеннымъ во дворѣ казармъ, еще разъ благодарилъ за службу и, простившись, отбылъ, сопровождаемый офицерами и громкими кликами „ура“.

При отбытіи **Ихъ Императорскихъ Величествъ** изъ Костромы, съ выставочной пристани, войска въ томъ же составѣ, какъ и во время приѣзда Царской Фамиліи, выстроились шпалерами по берегу Волги, отъ выставки до Ильинскаго спуска, и проводили Отъѣзжающихъ отданіемъ воинской чести, звуками народного гимна и кликами „ура“.

Передъ отбытіемъ въ Ярославль, на **Высочайшій** обѣдъ были приглашены всѣ генералы и начальники частей, а равно всѣ старшіе штабъ-офицеры полковъ, командиръ 6 батареи 46-й артиллерійской бригады, командиръ и офицеры роты саперъ и командиръ 5-й сотни Кизляро-Гребенскаго казачьяго полка.

Во время этого обѣда **Его Императорское Величество** изволилъ милостиво привѣтствовать издали командировъ полковъ, участвовавшихъ въ парадѣ, поднятіемъ бокала, а при прощаніи обратился къ каждому изъ присутствующихъ начальниковъ съ Высокомилостивою и лестною оцѣнкою службы ихъ частей и благодарилъ ихъ. Прощаясь со мною, **Государь Императоръ** выразилъ слѣдующее: *„Еще разъ благодарю васъ за отличный парадъ и за Пултусскій полкъ“*. Командированному для содѣйствія гражданскимъ властямъ эскадрону 1-го С.-Петербургскаго уланскаго полка не пришлось принять непосредственнаго участія въ торжествахъ, но всѣ его чины удостоились видѣть **Государя Императора** и всю **Его Царскую Семью**.

Итакъ, каждый изъ насъ, начальниковъ, каждый офицеръ и солдатъ удостоились **Высочайшей** похвалы, а высшей похвалы и высшей оцѣнки службы для каждаго воина и воинской части нѣтъ и не можетъ быть.

И лестно, и отрадно было мнѣ, какъ начальнику гарнизона г. Костромы и представлявшему **Государю Императору** ввѣренныя мнѣ войска, слушать отъ Верховнаго Вождя Русской арміи столь высоко милостивую оцѣнку.

Послѣ всего того, что было лично сказано **Государемъ Императоромъ** каждой войсковой части, мои слова слишкомъ слабы, чтобы выразить войскамъ мою начальническую благодарность за ихъ службу. Скажу только одно: „дружно и добросовѣстно готовились мы къ предстоящему; готовились съ чувствомъ отраднымъ

и съ волненіемъ понятнымъ; готовились такъ, какъ готовятся къ Свѣтлomu дню Святого Воскресенія или къ завтрашнему бою“.

И эта дружная одухотворенная работа дала блестящій результатъ.

Такъ это есть, было и будетъ всегда. Какъ начальникъ, привыкшій дѣлать со своими подчиненными и горе, и радости, и не отдѣлять своихъ интересовъ отъ войсковыхъ, я, живой свидѣтель ихъ тяжелой черновой работы, почитаю своимъ служебнымъ долгомъ принести отъ лица службы свою сердечную благодарность всѣмъ чинамъ славнаго гарнизона г. Костромы за ихъ труды, рвеніе и отличную службу. Я хорошо сознаю, что именно этому честному отношенію къ дѣлу со стороны всѣхъ гг. офицеровъ и солдатъ я и обязанъ тѣми Высоколестными для меня словами **Государя Императора**, которыми **Онъ** изволилъ благодарить меня.

Искренно благодарю всѣхъ командировъ частей, какъ ближайшихъ моихъ помощниковъ, и начальниковъ, наиболѣе потрудившихся, дабы достойно представить Русскому Царю ввѣренныя имъ **Его именемъ** части: костромского уѣзднаго воинскаго начальника генераль-маіора Токмачева и командировъ полковъ: 183 пѣхотнаго Пултускаго полка полковника Малѣева, 13 лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго **Его Величества** полка полковника Мдивани и 1 Кизляро-Гребенскаго генерала Ермолова казачьяго полка полковника Рыбальченко, а равно командира 6-й батареи 46 артиллерійской бригады подполковника Воинова, командира 5-й Гребенской сотни есаула Шаликова и командира 1-й роты 25 Сапернаго баталіона поручика Басанько, искренно благодарю командировъ почетныхъ карауловъ Эриванскаго—капитана Мачаваріани и Пултускаго—капитана Васильева.

Искренно благодарю всѣхъ гг. штабъ и оберъ-офицеровъ и чиновниковъ всѣхъ частей войскъ за ихъ самоотверженные труды. Выросши самъ отъ юности моей въ глубокой армейской средѣ на тяжелой черновой работѣ, я хорошо знаю, цѣню и понимаю труды гг. офицеровъ и никогда ихъ не забуду.

Искренно благодарю коменданта желѣзной дороги ст. Кострома капитана Жудра и штабсъ-капитана Быкова за ихъ добросовѣстные труды.

Искренно благодарю распорядительный комитетъ офицерскаго собранія Пултускаго полка, во главѣ съ полковникомъ Дуброво, за ихъ труды по достойному приему **Государя Импера-**

тора; наконецъ, считаю своимъ долгомъ сердечно благодарить и своихъ ближайшихъ помощниковъ по подготовкѣ къ торжествамъ, а именно штабсъ-капитановъ 183 пѣхотнаго Пултускаго полка Жадовскаго, Шмуйлова, Кониченко и Оссовскаго. Только благодаря ихъ неустаннымъ трудамъ, добросовѣстности и энергіи и инициативѣ, мнѣ удалось достойно выполнить тотъ немалый трудъ, который выпалъ на долю начальника гарнизона г. Костромы въ историческіе дни 19 и 20 мая 1913 года.

Командиръ нашего корпуса, очевидецъ трудовъ этихъ офицеровъ, лично выразилъ мнѣ лестную оцѣнку ихъ службы въ столь исключительное тяжелое время.

Объявляю мое искреннее сердечное спасибо и благодарность всѣмъ молодцамъ-солдатамъ: эриванскимъ лейбъ-гренадерамъ, пултусцамъ, гребенцамъ, саперамъ, артиллеристамъ и чинамъ управленія уѣзднаго воинскаго начальника и конвойной командѣ—за ихъ труды, отличную службу и образцовое поведеніе. Благодарю также ротмистра Македонскаго, командира уланскаго эскадрона, всѣхъ гг. офицеровъ этого эскадрона и молодцовъ петербургскихъ уланъ—за ихъ добросовѣстную службу и отличное поведеніе.

Я радъ, что каждый солдатъ вѣреннаго мнѣ гарнизона имѣлъ великое счастье лицезрѣть **Государя Императора и Его Царскую Семью**.

Спасибо великое примите отъ меня всѣ вы, товарищи, отъ мала до велика, за ваши добросовѣстные труды, нашедшіе столь высокую оцѣнку въ незабвенныхъ словахъ Русскаго Царя.

Я всегда любилъ русскаго офицера и солдата и, глубоко въ нихъ вѣруя, вѣрю, а за памятные дни я сроднился съ вами, товарищи, еще крѣпче. Я служилъ въ боевое время и, если оно наступитъ когда-либо вновь,—то за великую для себя честь почту вести въ бой славныя части костромскаго гарнизона, которыя имѣлъ счастье представить **Государю Императору**.

Да сохранитъ же каждый изъ насъ на вѣки незабвенныя, пережитыя впечатлѣнія и чувства и да повторитъ вслѣдъ за мною: „Среди насъ былъ Тотъ, за Котораго мы всегда молимся, во **имя** Котораго служимъ, и за Котораго всѣ до одинаго готовы всегда умереть“.

Приказъ сей прочесть въ каждой ротѣ, сотнѣ и командѣ.

Подлинный подписалъ: Начальникъ гарнизона

генераль-маіоръ *Парскій*.

П Р И К А З Ъ

по войскамъ Московскаго военнаго округа.

Москва, 28-го мая 1913 года.

№ 188.

Въ дополненіе къ **Высочайшему** приказу, отданному въ 20-й день мая с. г., объявлено:

„**Государь Императоръ** изволилъ присутствовать 20-го сего мая на парадѣ въ городѣ Костромѣ нижеслѣдующихъ войсковыхъ частей: 13-го лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго **Его Величество** полка, 183-го пѣхотнаго Пултускаго полка, сотни 1-го Кизлярско-Гребенскаго генерала Ермолова полка Терскаго казачьяго войска, роты 25-го сапернаго баталіона и полубатареи 6-й батареи 46-й артиллерійской бригады.

Его Императорское Величество изволилъ остаться отмѣнно доволенъ блестящимъ состояніемъ перечисленныхъ частей, за что объявляетъ Монаршее благоволеніе начальствующимъ лицамъ; нижнимъ чинамъ, находившимся въ строю, объявляетъ Свое Царское спасибо и жалуетъ какъ строевымъ, такъ и нестроевымъ: имѣющимъ знаки отличія Военнаго Ордена—по 5 руб., имѣющимъ шевроны—по 3 руб., прочимъ—по 1 руб. на каждаго“.

Счастливъ поздравить вышеуказанныя части войскъ съ столь милостивой **Высочайшею** похвалою **Державнаго Вождя** нашего и съ своей стороны отъ всей души благодарю командира 25-го армейскаго корпуса, генерала-отъ-инфантеріи *Зуева*, начальника 46 пѣхот. дивизіи, генералъ-маіора *Долгова*, командира 2-й бригады 46-й пѣх. дивизіи, генералъ-маіора *Парскаго*, командировъ полковъ и всѣхъ прочихъ гг. офицеровъ, а молодцамъ-нижнимъ чинамъ объявляю мое сердечное спасибо, за ихъ труды и неустанное стараніе, увѣнчавшееся блестящимъ успѣхомъ.

П о д п и с а л ь:

Командующій войсками, генералъ-отъ-кавалеріи *Плева*.

ПРИКАЗЪ

по 25-му армейскому корпусу.

29-го мая 1913 г. № 28.

г. Москва.

На время юбилейныхъ торжествъ—празднованія 300-лѣтія царствованія **Дома Романовыхъ**—въ составъ нашего корпуса временно были прикомандированы: старѣйшій полкъ русской арміи—13-й лейбъ-гренадерскій Эриванскій **Его Величества** и 5-я сотня 1-го Кизляро-Гребенскаго генерала *Ермолова* полка Терскаго казачьяго войска,—представительница старѣйшаго полка казачьей силы.

Обѣ эти части прибыли въ Кострому съ далекаго Кавказа, съ персидской границы, въ блестящемъ видѣ и образцовомъ порядкѣ.

При пріѣздѣ **Ихъ Императорскихъ Величествъ** въ Кострому отъ лейбъ-эриванцевъ у **Царской** пристани, близъ Ипатьевскаго монастыря, былъ выставленъ почетный карауль, имѣвшій счастье первымъ привѣтствовать **Державнаго** Вождя русской арміи.

Карауль этотъ удостоился милостивой **Царской** похвалы за его лихой, молодецкій видъ.

Остальныя части полка, вмѣстѣ съ другими войсками, составляли шпалеры по пути слѣдованія **Ихъ Величествъ** въ Ипатьевскій монастырь.

Лихая 5-я сотня Кизляро-Гребенцевъ имѣла счастье конвоировать **Ихъ Величества** при обратномъ прослѣдованіи **Ихъ** изъ монастыря на **Царскую** пристань.

20-го мая лейбъ-эриванцы и кизляро-гребенцы участвовали на парадѣ при закладкѣ памятника 300-лѣтія царствованія **Дома Романовыхъ** и заслужили „**Царское спасибо**“ за молодецкій видъ и отличное прохожденіе церемоніальнымъ маршемъ.

Войска 25-го армейскаго корпуса всегда съ гордостью и искреннимъ удовольствіемъ будутъ вспоминать своихъ, къ сожалѣнію, кратковременныхъ товарищей и гостей—доблестныхъ лейбъ-эриванцевъ и кизляро-гребенцовъ, принять которыхъ и позаботиться объ ихъ временномъ устройствѣ составило для нихъ искреннюю радость.

25-й армейскій корпусъ увѣренъ, что зародившіяся сѣмена дружбы между нимъ и представителями 2-го и 3-го кавказскихъ армейскихъ корпусовъ дадутъ роскошные плоды въ будущемъ и сохранятся навсегда, а радости и горе имъ будутъ общими.

Съ особо сердечнымъ чувствомъ отъ лица службы **Его Императорскаго Величества** благодарю командира 13-го лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго полка полковника *Мдивани* и всѣхъ гг. штабъ и оберъ-офицеровъ за образцовый порядокъ и молодецкій видъ доблестнаго полка. Тоже въ равной степени и командира 1-го Кизляро-Гребенскаго генерала Ермолова полка Терскаго казачьяго войска полковника *Рыбальченко*, вмѣстѣ съ, командиромъ 5-й сотни есауломъ *Шаликовымъ* и всѣми гг. офицерами.

Молодцамъ лейбъ-гренадерамъ и лихимъ казакамъ-гребенцамъ объявляю мое сердечное, искреннее „спасибо“ за ихъ службу и доброе поведеніе.

Не поминайте насъ лихомъ, кавказскіе товарищи; вѣрьте что мы васъ не забудемъ.

Добрый вамъ путь! Алла-верды къ Вамъ.

Подписалъ:

Командиръ корпуса, генераль-отъ-инфантеріи *Зуевъ*.

ПРИКАЗЪ

I-му Кизляро-Гребенскому Генерала Ермолова полку
Терскаго казачьяго войска.

Гор. Казвинъ (Персія) 13 іюля 1913 г. № 194.

п. 2.

Славные Гребенцы!

Многовѣковая честная, самоотверженная и беззавѣтно-преданная служба вашихъ доблестныхъ предковъ Престолу и Родинѣ, въ настоящую знаменательную годовщину празднованія 300-лѣтняго юбилея Царствованія **Дома Романовыхъ**, 19-го и 20-го мая с. г. въ гор. Костромѣ, милостиво оцѣнена **Батюшкой Царемъ**.

300 лѣтъ тому назадъ, въ годину смуты на Руси, когда шатались и самые устои державы русской, ваши предки, гребенцы, не слѣдуя примѣру малодушныхъ и робкихъ, сохранили неизмѣнную вѣрность и преданность отечеству и стали на защиту перваго царя изъ **Дома Романовыхъ**. Такъ 14-го мая 1614 года они, подъ начальствомъ стрѣлецкаго головы **Хохлова**, разгромили подъ Астраханью воровскую рать **Заруцкаго**, что и послужило къ укрѣпленію на всероссійскомъ престолѣ перваго Царя изъ **Дома Романовыхъ**. Тутъ предки ваши впервые пролили кровь за **Домъ Романовыхъ**, за юнаго **Царя Михаила**, которому служили вѣрой и правдой, охраняя порядокъ и безопасность на далекой окраинѣ русскаго государства—на родныхъ „гребняхъ“.

Боевыя заслуги вашихъ предковъ-гребенскихъ казаковъ на свыше трехвѣковомъ поприщѣ ихъ службы Царямъ и родинѣ неисчислимы... Громкая слава неизмѣнно сопровождала ихъ полковыя, обгагренныя кровью, обветшалыя знамена, никогда не склонявшіяся передъ врагомъ. Эти знамена развѣвались въ персидскихъ, турецкихъ и хивинскихъ походахъ русской арміи, въ горныхъ ущельяхъ Дагестана и Чечни, подъ Азовомъ и Анапой и на поляхъ далекой Манчжуріи.

Боевые подвиги ваших дѣдовъ и отцовъ, совершенные ими въ трудную вѣковую Кавказскую войну, представляютъ выдающіяся страницы нашей военной исторіи. Эти подвиги служатъ намъ нынѣ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ, указывающимъ на несокрушимую, богатырскую казачью силу... Не мало почетныхъ отличій заслужили гребенцы своему родному полку во время этихъ походовъ, не мало блестящихъ дѣлъ вписали они кровью своей въ русскую военную исторію и въ свой „послужной списокъ“.

Вы, внуки и правнуки богатырей-героевъ, не разъ доказали на дѣлѣ, что достойны носить славное имя „Гребенскихъ казаковъ“— великіе завѣты вашихъ предковъ и нынѣ свято хранятся вами.

Поэтому, и въ свѣтлые дни минувшихъ торжествъ, по случаю 300-лѣтія царствованія благословенной династіи, ввѣренный мнѣ полкъ былъ отличенъ Царской милостью къ нему. По особому **Высочайшему** соизволенію, изъ далекой Персіи въ коренной русской городъ Кострому, эту историческую колыбель **Дома Романовыхъ**, была командирована одна сотня съ полковымъ Георгіевскимъ Штандартомъ и хоромъ трубачей. Тамъ, въ Костромѣ, вмѣстѣ со всей Россіей, эта сотня раздѣлила своимъ непосредственнымъ участіемъ въ юбилейныхъ торжествахъ всенародныя воспоминанія величайшихъ историческихъ событій.

Неизмѣримо высокая честь и счастье, выпавшія на долю этой сотни—лицезрѣть своего обожаемаго **Монарха, Его Августѣйшую Семью** и всѣхъ царственныхъ членовъ **Дома Романовыхъ** вполне заслужены вами, доблестные представители старѣйшаго изъ полковъ русскаго казачества.

Въ составъ сотни вошли, какъ вамъ извѣстно: Командиръ сотни Есауль *Шаликовъ*, младшіе офицеры Сотники *Каринъ и Бирюлькинъ*, хорунжіе *Томашевскій и Старицкій* и 134 чел. нижнихъ чиновъ съ хоромъ полковыхъ трубачей и Георгіевскимъ Штандартомъ, командированными дополнительно подъ командой полкового адъютанта Подъесаула *Астахова*.

19-го мая, выстроившись развернутымъ фронтомъ, въ конномъ строю, шпалерами у историческихъ воротъ „Зеленой башни“ Ипатьевского монастыря, сотня впервые увидѣла своего обожаемаго **Царя и Его Августѣйшую Семью**, гдѣ и имѣла счастье радостно привѣтствовать **Государя Императора** въ отвѣтъ на милостивое обращеніе **Его Величества**: „Здорово, Гребенцы“!

Въ этотъ же день, при обратномъ слѣдованіи **Ихъ Величествъ** изъ Ипатьевскаго монастыря на Царскую пристань, сотня удостоена высокой чести конвоировать **Царскую Семью** до пристани. Во время конвоирования **Его Императорское Величество Государь Императоръ** удостоилъ меня милостивыми разспросами о томъ: Какъ давно Гребенцы прибыли въ Кострому, гдѣ и какъ размѣстились, не холодно-ли по ночамъ лошадямъ стоять подъ открытымъ небомъ, не болѣютъ-ли казаки,— а равно и объ условіяхъ службы полка въ Персіи и о томъ какъ вліяетъ тамъ климатъ на здоровье людей.

По прибытіи блестящаго кортежа на пристань **Государь Императоръ** благодарилъ сотню, изволивъ сказать ей: „**Спасибо Гребенцы!**“! Здѣсь же, во время **Высочайшаго** завтрака, хоръ полковыхъ трубачей, подъ управленіемъ капельмейстера *Томсона*, удостоился высокой чести играть на Царскомъ пароходѣ, исполнивъ по заранѣ составленной особой программѣ нѣсколько музыкальныхъ номеровъ, за что и заслужилъ Царское „Спасибо“. Во время игры трубачей Великіе Княжны сдѣлали съ нихъ нѣсколько фотографическихъ снимковъ.

Послѣ **Высочайшаго** завтрака **Государь Императоръ** въ Царской столовой милостиво принялъ полковую депутацію Гребенцовъ, во главѣ со мною, прибывшую туда съ **Высочайшаго** разрѣшенія для поднесенія отъ полка **Наслѣднику Цесаревичу** старинной булатной шашки. Выйдя къ депутаціи вмѣстѣ съ Царственнымъ Сыномъ, **Его Императорское Величество** подошелъ ко мнѣ и я всеподданнѣйше просилъ **Государя Императора** въ ознаменованіе радостной для Гребенцовъ минуты лицезрѣнія ими своего **Августѣйшаго Атамана** разрѣшить поднести **Его Императорскому Высочеству** отъ искреннихъ, преисполненныхъ счастьемъ казачьихъ сердецъ на память булатную шашку.

Государь Императоръ соизволилъ благосклонно принять отъ вѣрнопреданныхъ Гребенцовъ этотъ скромный даръ для ихъ **Августѣйшаго Атамана** и милостиво благодарилъ меня. Здѣсь **Его Величество** снова удостоилъ какъ меня, такъ равно командира сотни Есаула *Шаликова* и полкового адъютанта Подъесаула *Астахова* милостивыми разспросами, касающимися службы каждого изъ представляющихся. Радостными и счастливыми вернулись мы въ сотню, чтобы повѣдать всѣмъ своимъ станичникамъ о великой Царской милости къ намъ Гребенцамъ.

На второй день торжествъ, 20-го мая, состоялся въ **Высочайшемъ** присутствіи парадъ войскамъ Костромскаго гарнизона. Къ назначенному времени, на городской площади, у Успенскаго собора, сотня Гребенцовъ, въ пѣшемъ строю, развернутымъ фронтомъ была выстроена на лѣвомъ флангѣ войскъ. Къ 10-ти часамъ утра со стороны городской пристани донеслось до Гребенцовъ несмолкаемое „Ура“, которымъ народъ восторженно привѣтствовалъ **Ихъ Величества**. Войска встрепенулись и послѣ команды „смирно“ все замерло въ ожиданіи... **Государь Императоръ** съ **Ея Величествомъ** и **Наслѣдникомъ Цесаревичемъ** въ открытомъ экипажѣ подъѣзжалъ къ фронту. Шагахъ въ 60-ти коляска остановилась и **Его Величество**, сойдя съ экипажа, направился къ сотнѣ. Сердце каждаго изъ гребенцовъ невольно радостно забилось сильнѣе: къ нимъ первымъ подходилъ **Державный Вождь**. Трубачи заиграли встрѣчный „походъ“, сотня взяла „на караулъ“. **Государь** поздоровался: „Здорово, Гребенцы!“

Въ отвѣтъ на Царское привѣтствіе раздалось восторженное: „Здравія желаемъ **Ваше Императорское Величество**!“ Тотчасъ же „походъ“ смѣнился „гимномъ“ и изъ сотни грудей лихихъ гребенцовъ вырвалось могучее „ура“. Когда **Государь** подходилъ къ правому флангу сотни Георгіевскій Штандартъ—эта полковая святыня—величаво склонился, салютуя своему **Императору**, а затѣмъ тотчасъ же снова принялъ первоначальное положеніе... Минута была высокоторжественная, счастливая, до тѣхъ поръ никогда еще не переживавшаяся гребенцами...

Послѣ **Высочайшаго** обхода войскъ, тутъ же на площади была совершена по установленному чину закладка памятника 300-лѣтія Царствованія **Дома Романовыхъ**, а затѣмъ состоялся парадъ.

Государь Императоръ съ блестящей свитой занялъ мѣсто и подалъ знакъ къ началу церемоніала. Войска двинулись по ротно во взводныхъ колоннахъ. Впереди шли высокіе, широкоплечіе Лейбъ-Гренадеры **Его Величества** — Эриванцы, за ними brave Пултусцы, затѣмъ саперы, артиллеристы, а за ними сотня Гребенцовъ. Равняясь, точно по струнѣ, сотня отлично прошла церемоніаломъ и вновь заслужила **Царское**: „Спасибо, Гребенцы“.

По окончаніи парада **Государь Императоръ**, обратясь къ командовавшему парадомъ Генераль-Маіору Парскому, выразилъ ему свое удовольствіе, сказавши:

„Благодарю Васъ за отличный парадъ“.

Въ тотъ же день вечеромъ, при отбытіи **Ихъ Императорскихъ Величествъ** изъ Костромы съ выставочной пристани, сотня, въ конномъ строю, вмѣстѣ съ прочими войсками гарнизона, была выстроена шпалерами по берегу рѣки Волги и проводила отъѣзжающихъ отданіемъ воинской чести, звуками народнаго гимна и долго несмолкавшими криками „ура“.

Передъ отбытіемъ **Государя Императора** въ Ярославль, въ 8½ час. вечера, на пароходѣ „Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ“ состоялся **Высочайшій** обѣдъ, на который, въ числѣ прочихъ высокопоставленныхъ гостей, удостоились милостиваго приглашенія и Гребенцы—я и командиръ сотни Есаулъ *Шаликовъ*. Во время обѣда **Его Императорское Величество** изволилъ милостиво издати привѣтствовать меня поднятіемъ бокала, отпивъ изъ него глотокъ за мое здоровье... По окончаніи обѣда **Государь Императоръ** при прощаньи снова удостоилъ меня милостивой бесѣдой, а затѣмъ, вспомнивъ о поднесенной Гребенцами **Наслѣднику Цесаревичу** шашкѣ, изволилъ сказать:

„Спасибо за шашку. Передайте полку поклонъ“.

Высоко счастливъ, славные гребенцы, объявить вамъ объ этой Царской милости къ родному намъ полку.

Послѣ того, какъ 5-я сотня удостоилась непосредственно слышать отъ **Государя Императора** похвалу и благодарность **Его Величества**, мои слова слишкомъ слабы, чтобы выразить вамъ, дорогіе Гребенцы, мою благодарность за отличную службу. Могу лишь сказать, что блестяшій успѣхъ, выпавшій на долю Гребенцовъ въ Костромѣ, и милостивыя Царскія слова къ нимъ на вѣки должны запечатлѣться въ вашихъ сердцахъ и послужить залогомъ къ дальнѣйшему служебному преуспѣянію во славу родного Терскаго войска и полка.

Только дружная работа отъ сердца Командира сотни Есаула Шаликова и всѣхъ г.г. офицеровъ, подхорунжихъ по скомплектованію сотни, спѣшному обмундированію и обученію ея, только напряженная еще болѣе спѣшная работа полкового адъютанта Подъесаула Астахова въ отношеніи ввѣреннаго ему хора трубачей и добросовѣстное отношеніе къ долгу службы урядниковъ, а равно и всѣхъ казаковъ дали такіе блестящіе результаты для представленія сотни **Государю Императору** въ отличномъ видѣ, за что отъ лица службы приношу мою искреннюю благодарность Есаулу *Шаликову*, Подъесаулу *Астахову*, Сотникамъ *Карину* и

Бирюлькину и Хорунжимъ *Томашевскому* и *Старицкому*, а равно и всѣмъ подхорунжимъ, урядникамъ и казакамъ, входившимъ въ составъ сводной сотни; благодарю также капельмейстера Томсона.

Да сохранить же каждый изъ насъ въ своемъ сердцѣ на вѣки незабвенныя пережитыя впечатлѣнія и чувства того высокаго счастья, которое выпало на долю Гребенцовъ.

Возблагодаримъ Господа Бога за ниспосланное намъ счастье и вознесемъ усердную молитву Всевышнему, да сохранить Онъ нашего **Обожаемаго Монарха** и **Его Августѣйшую Семью** на радость и благоденствіе дорогой намъ **Матери - Россіи** на долгіе, долгіе годы. Да сохранить Онъ нашу **Надежду** и **Гордость**, любимаго **Августѣйшаго Атамана Наслѣдника Цесаревича Алексія Николаевича**, и да возрастетъ Царственный отрокъ сильнымъ и крѣпкимъ на радость и счастье родному казачеству. Да сохранить Всевышній и весь **Царствующій Домъ Романовыхъ** на славу Руси и на страхъ ея врагамъ.

П о д п и с а л ь:

Командиръ полка, Полковникъ *Рыбальченко*.

„Алла-верды и Яхши-ель“.

При посѣщеніи извѣстнаго кавказовѣда графа Соллогуба Тифлисской классической гимназіи въ 1871 году, послѣ подношенія ему портрета „Муши“ съ кувшиномъ вина и стаканомъ, на которомъ были написаны грузинскія слова „Мраваль-Жаміеръ“, графъ прочелъ своимъ почитателямъ написанное имъ стихотвореніе:

А л л а - в е р д ы .

(Слова гр. Соллогуба)

I.

Съ временъ, давнымъ-давно прошедшихъ,
Съ преданья Иверской земли,
Отъ нашихъ предковъ знаменитыхъ
Одно мы слово сберегли.
Въ немъ нашей удали начало,
Товарищъ счастья и бѣды;
Оно у насъ всегда звучало:
Аллаверды!.. Аллаверды!..
Аллаверды—Господь съ тобою,—
Вотъ слова смыслъ, и съ нимъ не разъ
Готовился отважно къ бою
Войной взволнованный Кавказъ.
И шли мы дружно къ схваткамъ новымъ,
Не дожидаясь череды,
Хвала погибшимъ, а здоровымъ:
Аллаверды!.. Аллаверды!..
Когда досугъ кавказскій тѣша,
Просторъ давая бурдюкамъ,
Въ кругу веселомъ азарпеша
Гуляетъ звонко по рукамъ,
Неугомонно ходитъ чаша,
И вплоть до утренней звѣзды
Несется голосъ толумбаша:
Аллаверды!.. Аллаверды!..

Гр. Соллогубъ.

Послѣ прочтенія графомъ своего „Аллаверды“, неожиданно вышелъ на арену князь Давидъ Георгіевичъ Эристовъ, сынъ грузинскаго Мольера, и отвѣтилъ графу на его „Аллаверды“ слѣдующими стихами, сказанными экспромптомъ:

Алла-верды и Яхши-ель.

(Слова кн. Эристова).

II.

„Аллаверды, пѣвецъ старинный,
Опять Вы съ нами, милый графъ?
Вы любите нашъ край картинный,
Нашъ старый бытъ, нашъ прежній нравъ.
Опять Вашъ стихъ, насъ оживляя,
Въ восторгъ кавказцевъ всѣхъ привелъ,
И, по обычаю мы края,
Вамъ отвѣчаемъ—Яхши-ель!
Когда-то, въ времена былыя,
Въ саду, въ тѣни чинаръ и лозъ,
Сбирались сходки удалыя,
И кахетинское лилось...
Тогда подъ голосъ толумбаша
Свободный пиръ свободно шелъ,
Лилось вино, гуляла чаша,
Аллаверды! и Яхши-ель!..
Подъ плески влаги кахетинской
Гортанный слышался Сатаръ,
И съ нимъ бренчалъ оркестръ грузинскій
Чиануръ чонгуръ и сладкій таръ.
Теперь не то, теперь на балъ,
Гдѣ этикетъ насъ поборолъ,
Не слышимъ мы въ роскошной залѣ
Аллаверды! и Яхши-ель!
Нашъ бытъ теперь обыкновенный—
Впередъ не даромъ мы ушли,
На фракъ смѣнили строй военный
Чиновника родной земли.

Они разсталися съ пирами,
И тотъ, кто славу приобрѣлъ,
Въ пирахъ гнушается словами:
Аллаверды! и Яхши-ель!
 На кахетинское невзгода,
 Его не любитъ ужъ Тифлисъ,
 Теперь у насъ явилась мода
 На джонку, портеръ и кисисъ.
Забыта также азарпеша,
Что духъ народа изобрѣлъ,
Что вызывала предковъ нашихъ
Къ Аллаверды и Яхши-ель!
 И сами Вы не тѣ ужъ стали,
 И не узнаетъ Васъ Кавказъ,
 Мечты на парѣ Васъ примчали,
 Вы позабыли тарантасъ.
Къ чему бросать—онъ не сломался,
На путь прекрасный онъ Васъ велъ,
Аллаверды Вашъ Вамъ удался,
А мы отвѣтимъ—Яхши-ель!..
 Былъ гость у насъ, Отецъ Державный,
 Поэтъ нашъ старый не дремалъ.
 Онъ произнесъ привѣтъ заздравный,
 Онъ наши чувства угадалъ.
Царю за благо счастья края,
Къ чему доселѣ онъ насъ велъ,
Добромъ былое вспоминая,
Провозглашаемъ Яхши-ель!..

Кн. Д. Г. Эристовъ

Алла-верды и Яхши-ель.

(Слова Опочинина).

III.

Аллаверды—то звукъ призывный,
То сердца сладостный привѣтъ;
На этотъ звукъ святой и дивный
Грузинъ умѣетъ дать отвѣтъ.

Поднявъ съ виномъ высоко чашу,
На кликъ, что насъ въ восторгъ привелъ,
Мы отвѣчаемъ толумбашу:
Яхши-елъ!.. Яхши-елъ!..

Уже сто лѣтъ съ Россіей славной
Мы чтимъ единыя бразды;
И вновь намъ шлетъ нашъ Вождь Державный
Святой привѣтъ: Аллаверды!..

И вновь мы грудью огневою
Всѣ встанемъ дружно за престолъ
И громко крикнемъ всей душою:
На вѣкъ твои и Яхши-елъ!

Опочининъ.

Алла-верды и Яхши-елъ.

(Слова N).

IV.

Одной природой мы богаты;
Но, какъ и въ прежніе вѣка,
У насъ подъ кровлей каждой хаты
Есть уголокъ для кунака...

Намъ каждый гость дается Богомъ,
Какой бы ни былъ онъ среды,
Хотя бы въ рублищѣ убогомъ—
Аллаверды!.. Аллаверды!..

Когда же гость—Отецъ Державный:
Земному Солнцу кто жъ не радъ,
Поднимутся на тостъ заздравный
Эльбрусъ, Казбекъ и Араратъ...

И всѣмъ Кавказомъ грянемъ разомъ
На всѣ нарѣчья и лады
Единымъ сердцемъ, однимъ духомъ,
Аллаверды!.. Аллаверды!..

Теперь не то: на свѣтскомъ балѣ,
Гдѣ этикетъ насъ поборолъ,
Не слышно больше въ шумномъ залѣ
Аллаверды! и Яхши-елъ!!!

N.

Алла-верды.

Alegro moderato

Moderato

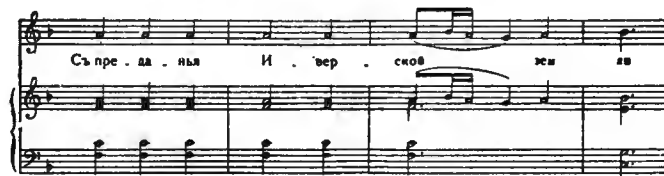
САНТО.

Съ вре-мечь дав-нымъ дав-но ми-нув-шихъ,

PIANO. *pp*

Съ пре-да-нья И-вер-сковъ зем-ли

Отъ на-шихъ пред-ковъ зя-ме-ни-тыхъ

Од-но-му сло-во-сбе-рег-ли.

Tempo I

sf

Алла-верды.

Moderato con moto.

Piano.

Эта застольная пѣсня получила права гражданства, и она поется въ Кавказской арміи на всѣхъ обѣдахъ на ряду съ пѣсней „Мраваль-Жаміеръ“.

Наурская лезгинка.

The image shows a musical score for a piece titled "Наурская лезгинка" (Naurskaya lezginka). The score is written for piano and consists of six systems of music. The first system begins with the tempo marking "Vivo." and the dynamic marking "p". The music is in a 2/4 time signature and features a lively, rhythmic melody in the right hand and a supporting accompaniment in the left hand. The score includes various musical notations such as notes, rests, and dynamic markings like "p" and "pizz.". The piece concludes with the instruction "D.C. al Fine" at the end of the sixth system.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Отъ автора	17
Краткій послужной списокъ 1-го Кизляро-Гребенскаго генерала Ермолова полка	24
Гребенскіе казаки (историческая справка)	34

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Краткій очеркъ многовѣковой службы Терскихъ казаковъ Престолу и отечеству:	
Царствованіе Іоанна Грознаго	47
Первые подвиги Терскихъ казаковъ	53
Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ	56
Борисъ Годуновъ и Смутное время	58
Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ	61
Отъ Царя Алексѣя Михайловича до Петра Великаго	64
Императоръ Петръ Великій	68
Отъ императрицы Екатерины I до императрицы Екатерины II-й	72
Царствованіе императрицы Анны Іоанновны	74
Царствованіе императрицы Елизаветы Петровны	75
Императрица Екатерина II-я	77
Императоръ Павель I-й	85
Императоръ Александръ I-й	85
Императоръ Николай I-й	87
Императоръ Александръ II-й	95
Императоръ Александръ III	98
Императоръ Николай II	101

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Участіе Гребенскихъ казаковъ въ Романовскихъ юбилейныхъ торжествахъ:	
Выступленіе изъ Персіи въ Кострому	143
Кострома, ея святыни и историческіе памятники	151
Ипатьевскій монастырь	156
Дворецъ Романовыхъ	158
Богоявленскій монастырь	158
Романовскій музей	164

	Стр.
Заонежская заточница	165
Чердынскій узникъ	166
Юбилейная выставка	168
Учебныя заведенія	169
Приготовленія къ Высочайшему смотру	169
Приѣздъ Государя и Августѣйшей Семьи	175
Встрѣча на Царской пристани	176
Въ Ипатьевской обители	179
Возвращеніе Государя на Царскую пристань	184
На городской пристани	186
Посѣщеніе Ихъ Величествами Романовскаго музея	188
Въ домѣ Костромскаго дворянства	191
Народное гулянье и иллюминація	193
На Царской пристани	195
Второй день пребыванія Царской Семьи въ Костромѣ	196
На городской пристани	197
Объѣздъ войскъ	198
Въ Успенскомъ соборѣ	199
Закладка памятника	199
Парадъ войскъ	202
Въ губернаторскомъ домѣ	204
Посѣщеніе Государемъ Императоромъ Пултусскаго полка	205
Въ больницѣ Краснаго Креста	207
На юбилейной выставкѣ	207
Высочайшій обѣдъ	212
Отбытіе Ихъ Император. Величествъ въ Ярославль	213
Банкетъ, устроенный гребенцами	214
Проводы кизляро-гребенцовъ	215
Заключеніе	224

СТИХОТВОРЕНІЯ и ПѢСНИ ГРЕБЕНЦОВЪ.

Слава	5
Здравица	7
Привѣтствіе Войсковому Атаману	14
Русскій рыцарь-богатырь	20
Не изъ тучушки вѣтерочки дуютъ	21
Прекрасно знамя ты, родное	23
Памятка трехсотлѣтія Дома Романовыхъ	31

	Стр.
Какъ на рѣчкѣ на Камышинкѣ	45
Смерть Ермака	121
Полнымъ сердцемъ торжествуя	122
Про дѣло 19-го августа 1832 г.	123
На прїѣздъ на линію Августѣйшаго Атамана	126
На покореніе Кавказа въ 1864 г.	127
Не орелъ подъ облаками	128
Кострома	150
Въ Ипатьевскомъ монастырѣ	154
Памятникъ Ивану Сусанину	159
„Иванъ Сусанинъ“	161
„Алла-верды и Яхши-ель“	246

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

Государь Императоръ	3
Ихъ Императорскія Величества съ Августѣйшими Дѣтьми	6
Его Императорское Высочество Августѣйшій Атаманъ всѣхъ казацкихъ войскъ	11 — 13
Великій герцогъ Фридрихъ-Мекленбургъ-Шверинскій	15
Генераль-отъ-артиллеріи А. П. Ермоловъ	16
Полковой Георгіевскій штандартъ и серебряныя трубы	22
Гербъ Дома Романовыхъ	31
Корона Царя Михаила Ѳеодоровича	32
Цари изъ Дома Романовыхъ	33
Переправа казаковъ черезъ рѣчку	46
Царь Іоаннъ Грозный	48
Сторожевая служба казаковъ на южной окраинѣ Москов- скаго государства	51
Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ	63
Царь Алексѣй Михайловичъ	65
Императоръ Петръ Великій	69
Персидскій походъ Императора Петра I-го съ участіемъ Гребенскихъ казаковъ и вступленіе царя въ Тарки, 13 августа 1722 года	71
Императрица Екатерина I	73
Императрица Анна Іоанновна	74
Императрица Елизавета Петровна	76
Императрица Екатерина II	80

	Стр.
Императоръ Павелъ I	84
Императоръ Александръ I	86
Императоръ Николай I	89
Эпизодъ изъ Кюрукъ-Даринскаго сраженія	93
Императоръ Александръ II	95
Взятіе Гуниба и плѣненіе Шамиля	96
Видъ г. Хивы	97
Императоръ Александръ III	99
Государь Императоръ въ бытность Наслѣдникомъ Цесаревичемъ	100
Императоръ Николай II Александровичъ	102
Гр. Л. Н. Толстой офицеромъ	131
Икона Гребневской Божіей Матери	139
Генераль-адъютантъ В. А. Сухомлиновъ	140
Генераль-адъютантъ графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ	140
Командующіе Кавказск. каз. войск.	141 и 142
Офицеры 1-го Кизляро-Гребенск. полка	144
Командиръ сотни есауль Шаликовъ съ урядниками	146
Сотня казаковъ вступаетъ въ Кострому	147
Бивакъ сотни въ Костромѣ	148
Призваніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова	152
Гребенцы въ Ипатьевскомъ монастырѣ	155
Гребенцы на Царской пристани	157
Гребенцы у памятника Сусанину	160
Романовскій музей	164
Инокиня Марѳа	165
Патріархъ Филаретъ	167
Планъ г. Костромы	171
Прибытіе Государя Императора въ Кострому	176
Государь Императоръ обходитъ поч. карауль Эрив. полка	177
У Зеленой башни Ипатьевского монастыря	180
Общій видъ Ипатьевского монастыря	182
Палаты Царя Михаила Ѳеодоровича въ Ипатьев. мон.	183
Депутація г. Костромы на городской пристани	187
Высочайшій выходъ изъ дома Костромскаго дворянства	190
Отъѣздъ Ихъ Величествъ изъ дома Костромск. дворянства	192
Проектъ памятника въ Костромѣ	200
Закладка памятника въ Костромѣ	201
Гребенцы проходятъ передъ Государемъ Императоромъ	203

	Стр.
Государь Императоръ на юбилейной выст. въ Костромѣ	208 и 209
Е. И. В. Великая Княгиня Анастасія Михайловна	211
Государь Императоръ у пристани	213
Переправа черезъ рѣку Кострому	216
Церковь во имя Гребенской Божіей Матери	218
Святыни и историческіе памятники Москвы	219—223

ПРИЛОЖЕНІЯ къ 1-й части.

Выписки изъ дѣлъ Московск. Главнаго Архива Министер- ства Иностранныхъ дѣлъ №№ 1—4	107—119
Высочайшій Манифестъ Терскому войску	120
Л. Н. Толстой и Гребенскіе казаки	129

ПРИЛОЖЕНІЯ ко 2-й части.

Списокъ офицерамъ 1-го Кизляро-Греб. ген. Ермолова полка	229
Списокъ подхорунжимъ и урядникамъ 5-й сотни полка	230
Парадъ въ Высочайшемъ присутствіи	231
Программа пьесъ, исполненныхъ хоромъ трубачей во время Высочайшаго завтрака	232
Высочайшій приказъ отъ 20 мая 1913 г.	233
Приказъ войскамъ Костромскаго горнизопа отъ 24 мая 1913 № 55	234
Приказъ по войскамъ Московскаго воен. округа отъ 28 мая 1913 г. № 188	240
Приказъ по 25-му Армейскому корпусу отъ 29 мая 1913 г. № 28	241
Приказъ по полку отъ 13 іюля 1913 г. № 194	243
Ноты	253

Складъ Т-ва „В. А. БЕРЕЗОВСКІЙ“.
Петроградъ, Колокольная 14.